

84
Том 1344
3-26 8218.

ОТЧЕТЪ

Л. С. Гривовскихъ

ОДЪ

Лайской Мисс.

Замечания о манерахъ
русскихъ народныхъ пѣсн.
Л. С. Гривовскихъ.

Н. 1855

ТОМСКЪ.

П. Ма Тр.

1855

78

3-26

Библиотечка

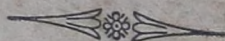
1657
ей

ЗАМѢЧАНІЯ О НАПѢВАХЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

ПО ПОВОДУ ВЫХОДА ВЪ СВѢТЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТЕТРАДЕЙ СОБРАНІЯ
РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ М. СТАХОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

-161-

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи
Наукъ, 21-го Мая 1855 г.

Непремѣнный Секретарь А. Миддендорфъ.

Особые оттиски изъ IV-го тома Извѣстій II-го Отдѣленія Импе-
раторской Академіи Наукъ.

4-540/12

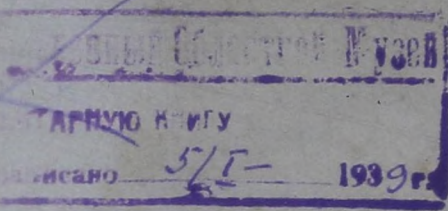
778
P-89. 78

3-26

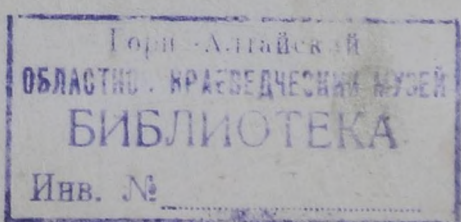
1344
8218

1118

Не смотря на то, что литературно-ученое вниманіе къ народнымъ пѣснямъ утвердилось уже очень издавна, что есть уже и очень значительные сборники ихъ, и даже разсужденія и изслѣдованія о нихъ, все еще однако съ мнѣніями зрѣлыми мѣшаются и мнѣнія поверхностныя, безотчетныя, неоснованныя ни на вѣрныхъ данныхъ, ни на обдуманыхъ началахъ. Увлеченіе всѣмъ, что носитъ названіе пѣсни народной и признаваніе за нее всего, что бы ни вздумалъ запѣть простолюдинъ, владычествуетъ вмѣстѣ съ отрицаніемъ всякой цѣнности во всемъ, что называется произведеніемъ народной поэзіи, съ полнымъ отверженіемъ почти всѣхъ такихъ произведеній, какъ ни мало неудовлетворяющихъ ни требованіямъ художества, ни даже требованіямъ этнографіи. Перешла всѣ границы свобода пользоваться пѣснью, какъ памятникомъ народной поэзіи и мысли, какъ памятникомъ древности или старины, какъ свидѣтельствомъ историческимъ: перешла всѣ границы и свобода взвѣшивать народную пѣсню по правиламъ книжной эстетики. А между тѣмъ увлеченіе избраннымъ взглядомъ мѣшаетъ разработкѣ дѣльной, отстраняетъ вниманіе отъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе важно, если не въ отношеніи литературномъ, тѣ по крайней мѣрѣ въ отношеніи филолого-этнографическомъ. При такомъ положеніи дѣла, нельзя не быть благодарнымъ тѣмъ изслѣдователямъ, которые, минуя пороги увлеченій, счастливо всплываютъ на чистую

воду съ новыми запасами наблюдений. Въ числѣ ихъ должно уважить и трудъ г. Стаховича. Правда, что сборникъ его не богатъ текстами пѣсенъ; но пѣсня безъ ея напѣва, тоже что слово безъ своего звука. И филологу, и литератору, и этнографу напѣвъ долженъ быть драгоцененъ не менѣе словъ пѣсни. Эта часть *фонетики народной* еще не получила полного права гражданства, но безъ сомнѣнія получить, и не только какъ пособіе для изученія просодіи народной, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Г. Стаховичъ, идя послѣдамъ Прача и Кашина, даетъ новые матеріалы въ этомъ отношеніи. Его трудъ только начать, и потому еще не можетъ быть оцѣненъ вполне; но самое желаніе успѣха этому прекрасному труду наводитъ на мысль о безпристрастной оцѣнкѣ начала. Вотъ почему никто да не сочтетъ неумѣстною на страницахъ Извѣстій статьи, написанной по поводу сборника г. Стаховича А. О. Тюринымъ, знатокомъ музыки вообще, а вмѣстѣ и народной. Нельзя не надѣяться, что и она будетъ содѣйствовать обращенію вниманія на ту сторону народной поэзіи и жизни, которая въ литературномъ отношеніи была доселѣ разрабатываема всего менѣе.

Мнѣніе А. О. Тюрина, тѣмъ болѣе любопытно, что отъ него самого мы въ правѣ ожидать изданія въ свѣтъ замѣчательнаго сборника народныхъ пѣсенъ. Да будетъ статья г. Тюрина вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствомъ, что II-е Отдѣленіе Академіи, обращая вниманіе на народную поэзію, и печатая само ея произведенія въ Памятникахъ, считаетъ важнымъ и собираніе напѣвовъ пѣсенъ — особенно историческихъ и обрядныхъ.

РЕДАКТОРЪ ИЗВѢСТІЙ II-ГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

«Народная пѣсня слагается народомъ и сохраняется преданіемъ. У нея нѣтъ автора отдѣльнаго лица — авторъ ея самъ народъ. Чтобы пѣсня удержалась въ памяти народа на долго, надо чтобы она ему нравилась по чему бы то ни было, или по мелодіи или по словамъ, или по своей старинности, а потому святости, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, множество народныхъ пѣсень предается вѣчному забвенію и замѣняется другими, которыя въ свою очередь ожидаютъ той же участи. Народная пѣсня проходитъ много мытарствъ, переходя отъ одного лица къ другому и отъ одного поколѣнія къ другому. Немало претерпѣваетъ она измѣненій къ лучшему и къ худшему. Одинъ услышитъ ее и изукраситъ на свой ладъ, другой недослышитъ перемѣнитъ, третій разовѣетъ и продолжить по своему, четвертый недоразслушаетъ сократитъ, а иной удержитъ въ памяти одинъ намекъ на слышанный мотивъ, намекъ, понятный только для него. Является множество мотивовъ, прекрасныхъ, оригинальныхъ, характерныхъ, исполненныхъ жизни, а иногда блѣдныхъ, безжизненныхъ, сухихъ и безсмысленныхъ. При этомъ нельзя поручиться чтобы и прекрасный оригинальный мотивъ въ иномъ краю не пропѣли такъ, что его едва-едва можно будетъ узнать и онъ покажется лишеннымъ всякаго смысла; съ другой стороны нельзя также ручаться и за то, чтобы самый сухой мотивъ народной пѣсни не оказался страшнымъ искаженіемъ драгоценнѣйшей мелодіи. Между этими крайностями есть много степеней, много музыкальных *списковъ* (если только можно назвать спискомъ то, что вовсе не написано) одной и той же мелодіи болѣе или менѣе лучшихъ. Таковъ музыкальный запасъ народа. Но это только собственно народныя пѣсни въ строгомъ смыслѣ, пѣсни природныя, — еще есть разрядъ пѣсень мѣщанскихъ, уличныхъ, на которыхъ уже лежитъ печать известной степени цивилизаціи. И въ нихъ есть свои степени: однѣ изъ нихъ ближе къ народнымъ, другія болѣе отъ нихъ удалены. Этими городскими пѣснями постепенно вы-

тѣсняются народныя, которыя могутъ когда нибудь и совершенно исчезнуть. Иногда случается, что цивилизація или полу цивилизація наложить руку свою на слова пѣсни, не коснувшись вовсе ея мотива, уплѣвшаго, можетъ быть, отъ языческихъ временъ; иногда она изуродуетъ мотивъ, не тронувши словъ пѣсни.

Таковъ источникъ, въ которомъ музыкантъ долженъ черпать, взявшись за дѣло изслѣдовать, собрать и представить на пользу науки и искусства остатки музыкальной дѣятельности народа.

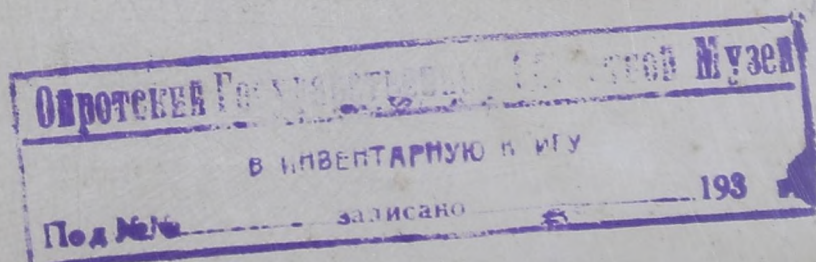
Конечно и мѣщанская пѣсня или канцонетта любопытна, кому есть время и охота ею позаняться; но для науки и для искусства важна пѣсня истинно-народная, безискусственная, такъ какъ въ ней-то и выражается духъ и характеръ народа.

Тутъ для музыканта нужно много условій. Взявшись за трудъ предстатить публикѣ истинную народную пѣсню, надо 1) твердо знать ея характеръ, чтобъ не набраться мѣщанскихъ мотивовъ, чтобъ народныя слова, поддѣланныя подъ мѣщанскую медодію, не сбили и не заставили ее принять за народную, и на оборотъ чтобъ мѣщанскіе слова не заставили отвергнуть народного мотива. 2) Надо обладать возможно бѣльшимъ запасомъ матеріаловъ, имѣть, если возможно, по нѣскольку списковъ въ одной и той же пѣсни; изъ нихъ, какіе явно окажутся искаженіями, уничтожить или оставить у себя въ портфель, а изъ остальныхъ выбрать наиболѣе типическій и представить безъ измѣненій, съ вариантами; но сохрани Боже составлять изъ этихъ списковъ произвольное чтеніе, котораго не знаетъ народъ и не узналъ бы въ немъ своей пѣсни. 3) Если не удалось добраться до истиннаго мотива пѣсни, а есть только на лицо или явныя искаженія или блѣдныя измѣненія мотива, безъ смысла, безъ оригинальности и безъ характера, то и не зачѣмъ дѣлиться этими пѣснями съ нами, а всего лучше сохранить ихъ въ портфель въ ожиданіи чего нибудь толко-

ваго. 4) Назначить движение (tempo) мелодіи съ точностью и въ ритмическомъ отношеніи представить ее буквально вѣрно и правильно: не дѣлать насильственного раздѣленія на такты, хотя бы для каждой музыкальной фразы потребовалось назначеніе новой мѣры ($\frac{3}{4}$, $\frac{2}{4}$ и пр.) и новаго темпа. Ритмически соотвѣтственное раздѣленіе на такты необходимо для полнаго уразумѣнія мелодіи.

Покончивъ съ мелодическою стороною пѣсни, надо ее гармонизировать. Гармонировка пѣсни есть какъ бы толкованіе мелодіи музыкантомъ, который освоился съ нею ближе другихъ. Безъ этого пѣсня какъ будто не производитъ полнаго впечатлѣнія; съ другой стороны нѣкоторыя части пѣсни, не отгѣненныя посредствомъ гармоніи, могутъ пройти не замѣченными, тогда какъ на нихъ то именно и должно быть обращено вниманіе слушателя. Въ этой постановкѣ мелодіи музыкантъ долженъ быть въ состояніи дать отчетъ себѣ и другимъ въ каждой нотѣ. Тутъ непременно выскажется пониманіе характера мелодіи, находчивость и умѣнье изворачиваться при капризныхъ оборотахъ ея, намѣреніе музыканта привлечь вниманіе слушателя именно на тѣ пункты мелодіи, которые составляютъ въ ней настоящую соль, и умѣнье растушевать мотивъ или иллюстрировать какъ картинку, съ тѣмъ чтобъ онъ представился ярко и рельефно въ должномъ видѣ.

При достаточномъ теоретическомъ образованіи музыканта и знаніи гармоническихъ эффектовъ, а главное при совершенномъ пониманіи дѣла и полномъ сочувствіи къ мелодіи, гармонировка вещь второстепенная. Тутъ музыкантъ долженъ стремиться къ главной цѣли *поставить пѣсню*, и этой цѣли принести въ жертву всѣ схоластическія требованія. Когда дѣло идетъ о Русской пѣснѣ, кто изъ насъ не согласился бы на всевозможные запрещенные гармонические ходы, лишь бы увидѣть свою пѣсню живьемъ? Что за дѣло, что скажутъ наши учителя Нѣмцы? — не для нихъ вѣдь

это дѣлается. И тутъ не безъ трудностей въ достиженіи цѣли, даже при знаніи гармоніи и пониманіи пѣсни. Одна изъ главныхъ трудностей въ томъ, что музыканту на каждомъ шагу представляется соблазнъ — блеснуть своею музыкальною грамотностью, иногда же и знаніемъ контрапункта. Но не мѣсто ему въ народной пѣснѣ! онъ только помѣшаетъ ее порядкомъ разслушать, и если она хороша, то жаль, а если нѣтъ, то никакой въ мірѣ контрапунктъ ее не украситъ. Безцвѣтною мелодіею, къ которой самъ музыкантъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія и не видитъ въ ней ничего кромѣ сухости, нисколько не поражается даже ея дикостью и странностью, — чего ради дѣлится съ нами? — всего лучше оставить ее въ покоѣ, пока найдется лучший списокъ, или предоставить тому изъ музыкантовъ, кто проникнетъ въ ея сокровенный смыслъ (если только онъ въ ней есть), представить ее въ истинномъ свѣтѣ и откроетъ намъ глаза, указавъ на всю ея прелесть или характерность.

Все это я веду къ тому, что главное условіе въ музыкантѣ, который взялся собрать и поставить народныя пѣсни, состоитъ въ томъ, чтобы обрабатываемая имъ мелодія не казалась ему сухою и безцвѣтною, но чтобы онъ былъ или плѣненъ ею эстетически или бы по крайней мѣрѣ признавалъ въ ней, не плѣняясь, что либо оригинальное, хоть бы даже странное или непонятное. При этихъ условіяхъ онъ не допуститъ ни ложнаго ритма, ни назначенія темпа не впопадъ, ни блѣдности постановки пѣсни безъ участія всякаго воображенія, ни выисканной гармонировки, ни контрапунктическихъ выходовъ, ни наконецъ неумѣстной придѣлки ригурнелей, когда ихъ не дѣлается въ народѣ. Коль скоро нѣтъ этихъ условій въ музыкантѣ, тогда ничто не поможетъ: онъ или будетъ гармонировать напѣвы кое-какъ, только бы отдѣлаться, трудиться какъ по заказу, не думая привлечь вниманіе другихъ на то, что ничѣмъ не возбудило его собственнаго вниманія, или же, увлекшись желаніемъ

сдѣлать что нибудь изъ ничего, вдастся въ вычурную искусственность.

Кромѣ отысканія и представленія возможно лучшаго методическаго текста и кромѣ гармонической постановки пѣсни, отъ образованнаго музыканта слѣдуетъ ожидать, что онъ, обращаясь постоянно съ пѣснями и живучи нѣкоторымъ образомъ въ мірѣ народной музыки, сочтетъ нелишнимъ подѣлиться результатами своихъ наблюденій — кому жъ и имѣть для этого больше данныхъ какъ не ему? Тутъ хорошо было бы анатомически разобрать мелодическій и гармоническій ходъ пѣсень, рассортировать ихъ въ музыкальномъ отношеніи, показать ихъ характеръ, сказать два слова о значеніи пѣсни въ жизни народа и проч. и проч. словомъ разрѣшить или хотъ только предложить многое множество вопросовъ, которыхъ всѣхъ вдругъ и не сообразить.

Таковы, кажется, должны быть требованія отъ музыканта собирателя народныхъ пѣсень.

Обращаясь къ труду г. Стаховича, нельзя не порадоваться, что за дѣло собранія и постановки народныхъ пѣсень взялся человѣкъ образованный, тѣмъ болѣе, что совмѣщеніе образованности съ музыкальностью даже и въ нашъ вѣкъ рѣдкость, и къ сожалѣнію много есть музыкантовъ, которые все еще смотрятъ на народную пѣсню съ высоты своего невѣжественнаго величія. Исторія музыки теперь проходитъ свой періодъ Тредіаковскаго, который когда то просилъ читателя «не зазреть на него за мужицкіе стихи, приводимые имъ токмо для примѣра». Но чтобы не вдаваться въ неутѣшительныя разсужденія, переходимъ къ дѣлу.

Пѣсень, собранныхъ г. Стаховичемъ вышло уже 4 тетради, въ каждой по нѣскольку, слѣдовательно уже отчасти можно судить, что сдѣлано и чего ожидать. Не мѣсто здѣсь входить въ подробный музыкальный разборъ труда г. Стаховича, а потому мы ограничимся немногими замѣчаніями о его сборникѣ.

Какъ видно, г. Стаховичъ не держится системы помѣщенія пѣсень по родамъ и не дѣлаетъ имъ классификаціи по содержанію или въ музыкальномъ отношеніи, а просто помѣщаетъ ихъ одну за другою, какъ придется. И то недурно. Изъ предисловія къ 1-й тетради узнаемъ, что намѣреніе его—представить пѣсни еще нигдѣ не напечатанныя;—тѣмъ болѣе надежды встрѣтить что нибудь новое. Больше всего собрано пѣсень плясовыхъ, величальныхъ и т. п., словомъ пѣсень короткихъ, строгаго ритма; пѣсень ритма менѣе сжатого сравнительно очень немного. Изъ этихъ невольно остановишься въ 1-й тетради на пѣснѣ № 3, такъ свѣжа ея мелодія; очень хороши также пѣсни бурлацкая и пѣсня № 8. Во 2-й тетради пѣсень этого рода три, изъ нихъ вниманіе останавливается на второй; первая же ямщицкая есть вариантъ извѣстной пѣсни «не вечерняя заря», напечатанной въ собраніи Бернара, а третья, солдатская, мало представляетъ музыкальнаго интереса; она похожа на Малорусскую рекрутскую пѣсню: «ой пусти мене, панъ Полковницькій», только послѣдняя гораздо лучше, хоть сама далеко не изъ лучшихъ Украинскихъ мелодій. Къ этому же разряду пѣсень по ритму можно отнести въ 3-й тетради богатырскую о Добрынѣ. Что касается до пѣсень другого ритма, какъ то плясовыхъ, уличныхъ, величальныхъ, хороводныхъ и т. п., то большая часть ихъ не лишены характера, многія даже исполнены необыкновенной живости, хотя встрѣчаются порою и не совсѣмъ замѣчательныя, но такихъ весьма мало. Особенно хороши пѣсни свадебныя; изъ нихъ пѣсня «стояли кони убраные» (Тетр. I, № 7, и вариантъ Тетр. III № 2) необыкновенно граціозна, изъ двухъ списковъ ея одинъ лучше другого,—между такими списками нечего выбирать, и нельзя не благодарить за помѣщеніе обоихъ. Свадебныя пѣсни «не разливайся мой тихій Дунай» и «свѣтъ Аннушка» (тетр. IV № № 1 и 3) неоцѣненны,—мелодіи ихъ такъ свѣжи, что съ ними нельзя разстаться. Къ сожалѣнію въ началѣ 4-й тетради

уже прекращается рядъ Русскихъ пѣсень живыхъ, записанныхъ съ натуры. Далѣе въ этой тетради помѣщены пѣсни Болгарская и мелодіи, приложенныя къ былинамъ Кирши Данилова, напечатанныя въ изданіи Калайдовича 1818 г. Объ этихъ мелодіяхъ будетъ сказано ниже. Что же касается до Болгарской пѣсни, то во 1-хъ, непонятно, какъ она попала въ «Собраніе Русскихъ народныхъ пѣсень», а во 2-хъ она даже вовсе не Болгарская и нисколько не народная: слова къ ней приложены на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ, а мелодія такъ манерна, съ такими оперными замашками, особенно къ концу, и до такой степени лишена дѣйственной чистоты народной мелодіи, что признать ее за народную рѣшительно нѣтъ возможности. Эта пѣсня можетъ служить доказательствомъ того, какъ легко вѣдаться въ обманъ, когда имѣешь дѣло съ незнакомой народностью, а не съ своими родными пѣснями. И такъ, говоря вообще, въ выборѣ пѣсень сборникъ Стаховича осудить нельзя: если попадутся въ немъ двѣ-три пѣсни въ неинтересныхъ спискахъ, то это съ избыткомъ вознаграждается нѣкоторыми мелодіями истинно драгоценными. Если такъ, то откуда жъ отзывы, которые намъ случилось слышать, будто почти всѣ мелодіи этого сборника блѣдны? Виною въ этомъ отчасти постановка пѣсень, а отчасти сами слушатели. Постановка пѣсень вообще блѣдна и блѣдна. Если бы мы не боялись заговорить языкомъ непонятнымъ для немусыкантовъ, то могли бы войти въ подробности гармонировки и осудить въ ней многое; но не вдаваясь въ музыкальную номенклатуру, безъ которой все таки нельзя ясно и осязательно доказать своего мнѣнія о гармонировкѣ г. Стаховича, мы должны ограничиться голо словнымъ замѣчаніемъ, что, какъ видно, онъ не занялся отдѣлкой собранныхъ имъ мелодій и не употребилъ въ дѣло при этой работѣ своего воображенія и вкуса, — а отъ этого уразумѣнье мелодіи для людей безъ навыка оцѣнять ее съ разу, безъ гармонической оболочки или подъ корою несо-

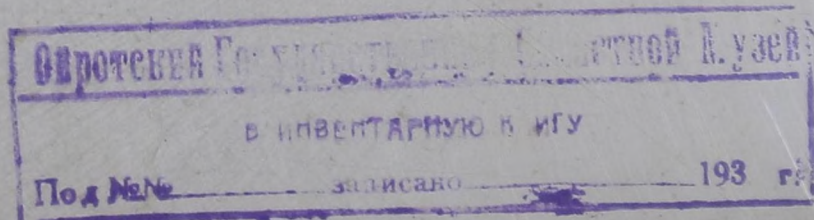
отвѣтственною, становится труднымъ. Съ другой стороны виноваты сами слушатели, если, не имѣя такого навыка, не задають себѣ труда хорошенько вникнуть и всмотрѣться въ мелодію, а судять и приговариваютъ по первому впечатлѣнію. Притомъ чтеніе нотъ про себя и даже проигрываніе мелодіи на фортепьянѣ для многихъ вовсе не представляетъ того эффекта, который должно произвести дѣйствительное исполненіе пѣсни, и оцѣнить ее при такихъ условіяхъ такъ же нелегко, какъ оцѣнить наприимѣръ монологъ «быть или не быть», прочитанный скороговоркой, безъ чувства, толку и разстановки. Всякія ноты только тѣнь мотива, и если исполнить ихъ безъ разумѣнія, то выйдетъ тоже тѣнь, сколокъ мотива, не всякому понятный. Воть откуда жалобы, что народныя мелодіи въ нотахъ искажены. Жалобы эти иногда справедливы; но часто и нѣтъ, оттого именно, что ошибочно считаютъ ноты пѣсни за самую пѣсню, тогда какъ онѣ только мертвыя буквы, намекъ на нее, подобно тому какъ драма въ чтеніи только намекъ на сценическій эффектъ.

Кромѣ выбора и постановки пѣсень въ сборникѣ г. Стаховича, въ предисловіяхъ къ разнымъ тетрадамъ представлено нѣсколько наблюденій и выводовъ относительно ритма и гармоническаго построенія народныхъ пѣсень. Надо надѣяться, что съ изданіемъ г. Стаховичемъ большаго числа пѣсень, выводы его вполне будутъ оправданы. Особенно показалося намъ важнымъ замѣчаніе или предположеніе, что древняя наша эпическая поэзія близка была по музыкальной формѣ своей къ нынѣшнимъ величальнымъ пѣснямъ. Такое предположеніе показалося намъ вдвойнѣ любопытнымъ: въ немъ говорится о музыкѣ эпической пѣсни, какъ о чемъ то давнопрошедшемъ, уже совсѣмъ отжившемъ, и выведено оно изъ того, что напѣвы пѣсень Кириши Данилова о разныхъ богатыряхъ соотвѣтствуютъ по своему гармоническому и ритмическому складу мелодіямъ пѣсень изъ разряда величальныхъ, уличныхъ и т. п., въ $2/4$ аллегро. Возбуждивъ такимъ образомъ вопросъ о музыкѣ эпическихъ пѣ-

сень, г. Стаховичъ предпринялъ трудъ гармонической постановки напѣвовъ, приложенныхъ къ сборнику Кирши Данилова.

Такъ какъ этотъ предметъ возбуждаетъ живой интересъ, то мы позволимъ себѣ на немъ немного остановиться.

Если довѣрять мотивамъ, приложеннымъ къ былинамъ Кирши Данилова, то это одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ нашей музыкальной старины. Къ сожалѣнію довѣрять имъ вполне невозможно: онѣ написаны полуграмотнымъ нотнымъ писцомъ и поправки, сдѣланныя въ нихъ Шпревичемъ, не привели ни къ чему путному. По этому мелодіи эпическихъ пѣсень сборника Кирши надо возстановлять. Трудъ не совсѣмъ легкій! Надо прежде всего разобрать хорошенько каждую мелодію, возстановить ея гамму, поставить діэзы и проч. гдѣ имъ слѣдуетъ быть, уничтожить тамъ гдѣ ихъ ненужно, — словомъ представить музыкальное чтеніе. Здѣсь нужна крайняя осмотрительность чтобы не сдѣлать поправокъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе ненадо и гдѣ съ ними иногда можетъ исчезнуть характеристическая странность музыкальной фразы, тѣмъ не менѣе вполне понятная Русскому человѣку. Этого мало, у нотнаго писца Кирши въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ нѣтъ раздѣленія на такты, въ другихъ оно сдѣлано не впопадъ и не оправдывается ритмомъ: простодушно отсчитано по двѣ четверти на тактъ, тогда какъ мелодія, при исполненіи, ясно слышится въ три удара. И такъ другая задача музыканта обработывателя эпическихъ мелодій Кирши — вникнуть въ мѣрность мелодіи, т. е. въ ея ритмъ и представить ее въ понятномъ видѣ по естественнымъ удареніямъ, какія въ ней слышны или должны быть слышны. Когда послѣ этого мелодія окончательно станетъ понятна, тогда надобно указать ея движеніе (tempo), которое необходимо условливается самымъ музыкальнымъ смысломъ мелодіи и указать съ точностью, если возможно, по метроному: музыкантъ, который вполне проникъ въ смыслъ мелодіи, долженъ быть твердо убѣжденъ

въ ея темпѣ; если же не проникъ, не по своей винѣ, а по винѣ самой мелодіи, то о такой мелодіи не стоитъ хлопотать, — значить въ ней нѣтъ смысла, по крайней мѣрѣ нѣтъ его въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ или приблизительно восстановлена по сохранившимся даннымъ; значить надо по нимъ добираться до другаго чтенія, ломать голову, но отнюдь не сочинять, или же наконецъ признать, что данныя никуда не годятся. Восстановленію мелодіи можетъ помочь принаровленіе къ ней словъ, но при твердой увѣренности, что слова бычины поются именно на приложенный къ ней напѣвъ, и что этотъ напѣвъ не какойнибудь совсѣмъ посторонній, приложенный къ ней по ошибкѣ или незнанію. Далѣе при разборѣ напѣвовъ сборника Кирши подѣ-часъ попадутся такіа требованія отъ человѣческаго голоса, какихъ не встрѣтить и въ труднѣйшихъ сольфеджіяхъ, но не по степени требуемой отъ пѣвца вокализациі, а просто по неестественности требуемыхъ отъ голоса интерваловъ. Раждаются сомнѣніе: быть можетъ мелодія писана для какогонибудь инструмента и слѣдовательно въ нее для большаго разнообразія могло быть вставлено много лишнихъ, несущественныхъ нотъ *)? и такъ-ли въ самомъ ли дѣлѣ голосъ долженъ исполнять мелодію, какъ она написана или нѣтъ? Дѣло музыканта рѣшить этотъ вопросъ утвердительно или отрицательно и въ послѣднемъ случаѣ отбросить то, что несвойственно человѣческому голосу и не составляетъ существеннаго въ мелодіи. Что касается до гармонировки этихъ напѣвовъ, то въ этомъ отношеніи требованія тѣже что и при постановкѣ народныхъ пѣсень вообще.

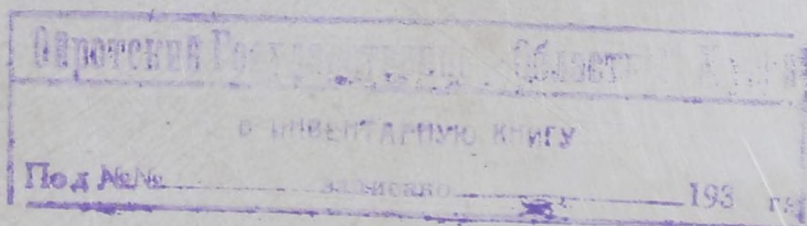
Изъ всего этого ясно видно, что при такихъ, какъ кажется, законныхъ требованіяхъ восстанавливать безграмотно

*) Что это дѣлается въ народѣ — доказательствомъ могутъ служить Малороссійскія плясовыя пѣсни: когда онѣ исполняются народными игроками на инструментахъ, безъ пѣнія, то обыкновенно обременяются множествомъ фіоритуръ, несущественныхъ нотъ, и вообще разнообразятся до безконечности.

написанныя мелодіи ничуть не легче, нежели читать гвоздеобразныя надписи и далеко труднѣе, чѣмъ просто записывать пѣсни съ природы, съ простонароднаго пѣнія.

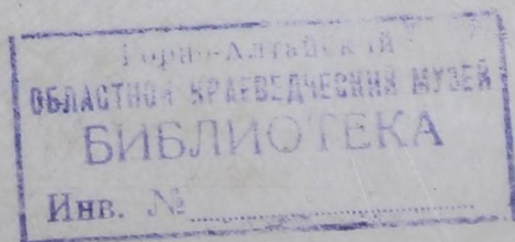
Если такъ, то изъ-за чего же задавать себѣ головоломный и неблагодарный трудъ добираться смыслу въ параньи полуграмотнаго музыканта, а не записывать мотивы былины просто съ пѣнія? Или былины уже пѣты и память народная ихъ не удержала? Ничуть не бывало! Былины и теперь еще живутъ въ народѣ, сохраняются старья и очень можетъ быть, что и новыя слагаются въ томъ же духѣ. Память народа вовсе не такъ коротка: былины и нынче еще поютъ, только, надо сказать, не совсѣмъ такъ, какъ написано у Кирши. Въ этомъ можно сослаться на тѣхъ, кому посчастливилось послушать пѣнья былины прямо отъ народа. Былины, кажется, больше всего удержались на востокѣ Руси; но нѣтъ сомнѣнія, что поются и въ другихъ краяхъ Европейской Россіи. Бѣда та, что мы сами не знаемъ и не видимъ того, что у насъ дѣлается передъ глазами и, чего добраго, готовы бѣхать за тридевять земель или еще хуже — возиться и мучиться съ безграмотными нотами, чтобъ услышать то, что можемъ слышать не выходя изъ дому, пригласивши только къ себѣ какого нибудь свѣдущаго старичка, который, если съумѣетъ съ нимъ обойтись, безъ труда запоетъ пѣсни, слышанныя имъ въ дѣтствѣ отъ своего дѣдушки. Случалось и намъ какъ то слышать напѣвы эпическихъ пѣсень, хоть и не изъ первыхъ рукъ, и признаемся, что въ слышанномъ нами общаго съ Киршенскими мелодіями, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, отчасти близкихъ къ народнымъ, мы вообще нашли весьма мало.

По удостовѣренію тѣхъ, кому удалось слышать эпическія пѣсни отъ народа, мелодіи ихъ вообще унылы, однообразны и тоскливы. — таковъ ихъ общій характеръ; попадаются иногда и плясовыя, но эти поются на слова шутиватаго содержанія. Такіе отзывы свѣдущихъ людей со-

гласуются и съ тѣмъ, очень-немногимъ, что намъ лично извѣстно. Хотя этихъ данныхъ весьма мало, но все же и по нимъ возможно составить себѣ какое нибудь понятіе о характерѣ эпическихъ мотивовъ, и еслибъ оно потдвердилось еще мелодіями Кирши, то оставалось бы только утвердиться въ немъ окончательно. Но на дѣлѣ выходитъ не то. Перейдемъ къ сборнику Кирши. Всѣхъ пѣсень у него числомъ 61 (изд. Калайдовича 1819 г.); къ каждой приложенъ мотивъ; но между мотивами то и дѣло попадаются двойники, такъ что собственно мотивовъ чуть ли не въ двое меньше чѣмъ пѣсень; еще меньше такихъ, которые остановили бы на себѣ вниманіе, есть даже мотивы не только вялые, но и лишенные музыкальнаго смысла — вѣроятно отъ способа написанія. Одинъ изъ лучшихъ по свѣжести № 4 (Щелканъ), но написанъ не такъ: ему слѣдуетъ быть по ритму въ $\frac{3}{4}$, а не въ двѣ, да въ концѣ надо отбросить двѣ послѣднія нотки (ре и фа-діэзъ) и поставить ихъ въ самомъ началѣ за тактомъ, иначе слова не подойдутъ. Другой мотивъ № 58 (усы) минорный плясовой также отличается оригинальностью; онъ и теперь еще поется въ народѣ. Любимый мотивъ у Кирши, приложенный къ пѣснѣ № 1 (Соловей Будимировичъ), не совсемъ лишенъ характера. Этотъ же мотивъ служить для пѣсень № № 7, 14, 15, 16, 17, 18, 22, 54; мотивъ № 50 тоже что 31 и 42, только къ этому послѣднему не поставлено въ ключѣ діэзовъ; № 32 двойникъ 33-го, а 34 тоже что 36, и еще вѣрно нашелся бы не одинъ дублетъ, если бы покопаться. Изъ всѣхъ шести десятковъ пѣсень наберется развѣ десятокъ такихъ, которыя, по увѣренію сборника Кирши, поются на минорные напѣвы, а если выключить отсюда дублеты минорныхъ мотивовъ, (наприм. № 11 и 48, 31 и 50) то ихъ останется еще меньше. Почти всѣ мотивы у Кирши мажорные и судя по тѣмъ, которыхъ характеръ ясенъ, безъ особеннаго возстановленія, большею частію сбиваются на плясо-

вую и темпо имъ, по характеру можно дать или *All^o* или ужь никакъ не медленнѣе *Andante mosso*. Между тѣмъ пѣсень шутливаго содержанія очень-очень немного — № № 2, 53, 55 — 59; изъ нихъ послѣдній («кто травника не слыжалъ»), какъ случилось намъ узнать отъ Сибиряковъ, гдѣ еще поютъ эту пѣсню, приложенъ не тотъ. Откуда же такая масса плясовыхъ напѣвовъ, когда большая часть пѣсень вовсе не шутливаго содержанія? Отчего бы на-примѣръ разсказать о томъ, какъ Щелканъ зарѣзалъ своего роднаго сына и выпилъ чашу его горячей крови, а потомъ самъ былъ растерзанъ — пѣлся на мотивъ исполненный необыкновенной живости и веселости? Отчего бы множество другихъ пѣсень, по содержанію величавыхъ, пѣлись на мотивы, подъ которые можно плясать въ присядку? Такое противорѣчіе характера Киршенскихъ мотивовъ съ тѣмъ понятіемъ объ эпической мелодіи, которое составляется на основаніи выше указанныхъ данныхъ, рождаетъ вопросъ: чему же вѣрить? Конечно, этого вопроса недостаточно, чтобъ отвергнуть и не признать мотивовъ Кирши за эпическія мелодіи, но съ другой стороны такъ же недостаточно и для того, чтобы отказаться отъ данныхъ, — а можно и должно развѣ усумниться въ одномъ и въ другомъ. Рѣшить это сомнѣніе голосъ народа, который донынѣ поетъ еще эти пѣсни, хранить ихъ въ памяти по преданію и сохранилъ, безъ всякаго сомнѣнія, во сто разъ вѣрнѣе полуграмотнаго музыканта, занесшаго еще Богъ-знаетъ какія, мелодіи въ сборникъ эпическихъ пѣсень. И такъ вотъ нашъ приговоръ: мелодіи сборника Кирши подвергнуть строжайшей повѣркѣ; поставить на очную ставку съ народомъ и при разногласіи вѣрить безусловно голосу народа. Тогда будетъ можно добиться истины: теперь же при недоуверіи къ мелодіямъ Кирши, неизбѣжномъ у всякаго, кто хоть мало-мальски не чуждъ этому предмету, не полагаться на нихъ и не дѣлать изъ нихъ выводовъ, прежде чѣмъ онѣ выдержутъ повѣрку, а эпическія мелодіи

черпать не въ такомъ мутномъ источникѣ, а въ иномъ, болѣе чистомъ, въ народѣ.

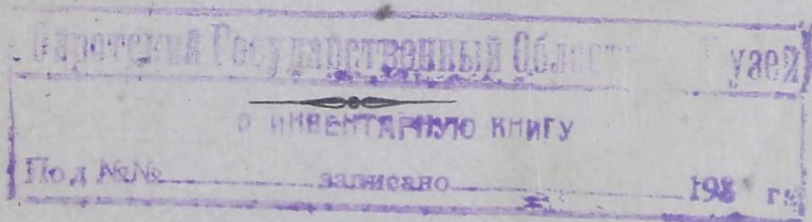
Теперь взглянемъ, какъ представляются Киршенскія мелодіи у г. Стаховича. Задачею въ этомъ дѣлѣ, кромѣ возстановленія мелодіи, подставка подъ нее словъ и придѣлка гармоніи. Самое трудное — возстановленіе, такъ какъ при желаніи осмыслить что нибудь иногда неизбѣженъ произволь; не такъ уже трудна придѣлка гармоніи, когда мелодія готова; еще легче подставка словъ, такъ какъ она у Кирши довольно ясна, хотъ и не всегда. Манера г. Стаховича при этомъ чрезвычайно добросовѣстна: прежде всего на судъ читателей представляется мелодія въ одну строчку безъ словъ, въ томъ видѣ, какъ она напечатана у Калайдовича; потомъ представляется таже мелодія съ поправками, если признаны онѣ необходимыми, съ подставленными словами, для голоса съ фортепьяннымъ аккомпанементомъ. Жаль только, что мелодіи перепечатаны не всегда исправно, такъ что встрѣчаются ошибки, которыхъ у Калайдовича нѣтъ *). Покуда вышло еще только 4 пѣсни. Первая, о Ермакѣ, въ такомъ видѣ какъ напечатана прежде и перепечатана теперь, въ мелодическомъ отношеніи лишена всякаго здраваго смысла, хотъ и видно, что была когда-то чудесная широкая мелодія, но искажена и обезображена до крайности. Ритмъ ея совершенно ложный и колеблется до такой степени, что слушатель не знаетъ, гдѣ опереться, и кончилась ли фраза или началась другая. Первый тактъ еще понятенъ въ $\frac{3}{4}$ (а и сіс за тактомъ и ударъ на d); второй уже какъ будто въ $\frac{4}{4}$, далѣе путаница и къ концу мелодія склоняется уже къ $\frac{3}{4}$. Кажется она была бы все таки хотъ немного понятнѣе, если-бъ ее всю написать въ $\frac{3}{4}$, оставивъ двѣ первыя ноты за тактомъ. Вторая, «горе», втрое короче и втрое понятнѣе; она немного похожа на звуки трубы почтальоновъ и вся состоитъ изъ интерва-

*) Въ пѣснѣ о Ермакѣ въ первомъ тактѣ пропущенъ діэзъ, а въ предпоследнемъ бемолю, что окончательно обезображиваетъ мелодію.

ловъ аккордовъ въ тонѣ D-dur: d, g⁶, a⁴, a⁵; сдѣланныя въ гармонировкѣ задержанія баса (антиципаціи) не совсѣмъ у мѣста. Третья, «а и не жалѣ мнѣ ко битаго», сложенная самимъ Киршею и четвертая, «изъ Крыму ли братцы изъ Нагаю» понятны, отъ того и гармонировка ихъ естественна, хоть и бѣдна. Темпо этихъ пѣсень вовсе не указано.

Такимъ образомъ дебютъ Киршенскихъ мелодій въ обновленномъ видѣ передъ публикой нельзя назвать совершенно удачнымъ. Въ томъ, что это эпическія мелодіи, еще можно и должно сомнѣваться; если это просто старыя мелодіи, высоко цѣнимыя народомъ, то отчего ихъ уже неслышно въ народѣ? всего ближе къ истинѣ — признать, что это или обветшалыя мелодіи, которыя народъ не хочетъ держать въ памяти, если только онѣ переданы вѣрно, или же просто искаженія мелодій, неизвѣстныя народу. Если гнаться за древностью, то не тутъ ее искать, а въ пѣсняхъ обрядныхъ, изъ которыхъ многія уцѣлѣли отъ язычества и общи не только Славянамъ, но и другимъ Европейскимъ народамъ.

Въ предисловіи въ 4 тетради обѣщана переработка остальныхъ пѣсень Кирши. По окончаніи предполагаемаго труда, г. Стаховичъ вѣроятно будетъ продолжать прерванный рядъ пѣсень, записанныхъ изъ устъ народа, и обратитъ больше вниманія на обстановку мотивовъ; между ними, быть можетъ, попадутся и эпическіе, — тогда можно будетъ провѣрить музыкальный сборникъ Кирши, окончательно разрѣшить сомнѣнія и положительно рѣшить, вѣрить ли ему или не вѣрить.»

ТЫРА.

Проваливай подалѣ, мы слышали!

БРУСЕНИНЪ.

Не первый разъ, не новая новинка!

ЦАПЛИНЪ.

Мы думали, что свѣжи, анъ все тѣ же.

ЗЕМСКІЙ СТАРОСТА.

Разбойниковъ и татей и убойцевъ

Въ посадѣ нѣтъ, разбойничья пріѣзду

Не держимъ мы; такъ нѣ по-что и кликать.

СМИРНОЙ.

Да кличь не кличь, немного проку будетъ,

Коль не ловить. По селамъ, по деревнямъ

Разбойники и днемъ и ночью грабятъ,

По пустошамъ становятся станами,

Имать бы ихъ!

ДРУЖИНА.

Твоими бы устами

Да меду пить! А кто имать-то будетъ?

Стрѣльцовъ у насъ, людей служилыхъ мало,

Шалыгину и на посадѣ дѣла

Довольно есть.

СТАРОСТА.

Ему бы и искать-то.

СМИРНОЙ.

Н
ОБ.
СЕМЕНЪ } то воровъ ему, поминки любить...

СТЕПАНЪ Б. }
НЕУСТРОЙКО, } ныхъ-то въ люди распускаетъ,
БЕЗСУДНЫЙ, } шутя и сто рублей, и больше.

НЕЖДАНЪ, } земскій староста. } ДРУЖИНА.

РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ, } бѣглый. }

ВЛАСТЬ ДЮЖОЙ, } богатый посадскій. }

НАСТАСЬЯ, } жена его.

СМИРНОЙ }
ДРУЖИНА } посадскіе изъ лучшихъ людей.

НЕСМѢЯНОВЪ, } старикъ.

БРУСЕНИНЪ }
ЦАПЛИНЪ } посадскіе изъ среднихъ людей.

ТЫРА

БАИМЪ, стрѣлецкій сотникъ.

ГРИШКА ЖИЛКА, отставной подъячій.

РѢЗВЫЙ, слуга Бастрякова.

БИРЮЧЪ.

Дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе, стрѣльцы, служилые люди, воеводскіе
слуги и всякій народъ. Слуги Бастрякова.

1363-1371

1939

2049

и таить и понаровки имъ чинить; а послѣ того т
воры и вѣдуны въ сыску будутъ мимо васъ, и учнутъ на васъ
говорить, что вы ихъ знали и воровство за ними вѣдали, и вѣда
то ихъ воровство, таили и ихъ укрывали и про нихъ не объявля
вали, и тѣмъ людямъ, кто такихъ воровъ учнетъ укрывать и
себя держать и воровство ихъ таить, отъ Великаго Государя бы
въ смертной казни, безо всякаго милосердія, а дворы и живо
взяты будутъ на Великаго Государя безповоротнo и розданы
исцовы иски (идеть къ посаду, дѣти за нимъ).

ТЫРА.

Проваливай подалѣ, мы слыхали!

БРУСЕНИНЪ.

Не первый разъ, не новая новинка!

ЦАПЛИНЪ.

Мы думали, что свѣжи, анъ все тѣ же.

ЗЕМСКІЙ СТАРОСТА.

Разбойниковъ и татей и убойцевъ
Въ посадѣ нѣтъ, разбойничья прїѣзду
Не держимъ мы; такъ нѣ по-что и кликать.

СМИРНОЙ.

Да кличь не кличь, немного проку будетъ,
Коль не ловить. По селамъ, по деревнямъ
Разбойники и днемъ и ночью грабятъ,
По пустошамъ становятся станами,
Имать бы ихъ!

ДРУЖИНА.

Твоими бы устами

Да меду пить! А кто имать-то будетъ?
Стрѣльцовъ у насъ, людей служилыхъ мало,
Шалыгину и на посадѣ дѣла
Довольно есть.

СТАРОСТА.

Ему бы и искать-то.

СМИРНОЙ.

Не до воровъ ему, поминки любить...
И сысканыхъ-то въ люди распускаетъ,
Беретъ на нихъ и сто рублей, и больше.

ДРУЖИНА.

А я скажу, что воевода сыщикъ
Лихой у насъ. Онъ дѣвокъ на посадѣ
Да по клетямъ добро какъ разъ разыщетъ,
Не утайшь.

СМИРНОЙ.

Потянетъ, такъ безъ сыску
И самъ отдашь, пустилъ бы только душу
Покаяться. Терпѣнья намъ не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

N 1409-43.

1934

23/11

2910 3049

ДРУЖИНА.

Храни Господь, помилуй!

Отъ рукъ его никто не упасется:
Воровъ беретъ изъ тюремъ, научаетъ
Поклепомъ насъ посадскихъ обнести.
Ты ничего не вѣдаешь, не знаешь,
А онъ по воровской язычной молвѣ
Беретъ тебя безъ сыску и пытается
Безъ царскаго указу, — мукой мучить,
Огнемъ палить.

СМИРНОЙ.

Да съ пытокъ-то поминки
Беретъ на насъ, на выкупъ выпускаетъ,
Испродаетъ напрасно.

ДРУЖИНА.

Обижаетъ

Два года насъ. Довольно потерпѣли,
Пора писать и челобитье.

СТАРОСТА.

Слышу

Давно ужъ я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дѣла нѣтъ.

СМИРНОЙ.

Москва намъ дорога,
Дойметъ тебя московской волокитой.

СТАРОСТА.

Ну, братъ, ау! Коль завязалась драка,
Такъ не жалѣй волосъ. Во чтобъ ни стало,
Ужъ только бы избыть его отъ насъ:
Московскіе убытки разверстаемъ.

ДРУЖИНА.

Пойдемъ въ избу: всѣмъ міромъ потолкуемъ.
Сберемъ головъ, таможенныхъ, кабацкихъ.

СТАРОСТА.

Онъ солонъ имъ своимъ примѣтомъ, лѣзетъ
Во всѣ дѣла.

СМИРНОЙ.

Да выборныхъ обратъ,
Кого въ Москву отправить съ челобитьемъ.

ДРУЖИНА.

А кто жь писать?

СТАРОСТА.

Дьячокъ напишетъ земскій.

Опять бы намъ Губныхъ.

СМИРНОЙ.

Не Бастрюкова ль?

СТАРОСТА.

Онъ намъ родной, мы сами выбирали,

А воеводъ не вѣсть откуда шлютъ.

ДРУЖИНА.

Да малоль что: мы жили за Губными,

Чего бы намъ, и умирать не надо;

Такъ ссорились, да воеводъ просили.

СТАРОСТА.

Теперь и близко локоть, — не укусишь.

Ты подожди, еще Губныхъ мы вспомнимъ

И всплачемся объ нихъ, да поздно будетъ.

(Уходятъ на посадъ. Отворяются воеводскія ворота, выходятъ ключникъ Неустройко съ палкой и слуги съ метлами).

ЯВЛЕНІЕ II.

НЕСМѢЯНОВЪ, БРУСЕНИНЪ, ЦАПЛИНЪ, ТЫРА, НЕУСТРОЙКО,
слуги и народъ.

НЕУСТРОЙКО.

Живѣй, живѣй! Сейчасъ пойдетъ бояринъ

Въ соборъ съ гостями. Чтобъ у меня кипѣло!

Зѣвать не дамъ; расправа недалеко! (грозятъ палкой).

Примусь учить, такъ небу жарко будетъ.

Ворочайся, да живо! Мнется, словно

Медвѣдь ученый.

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

Какъ еще работать!

Гуляемъ что ль? А ты возьми-ко метлу,

Да помети, чѣмъ лаять занапрасно.

НЕУСТРОЙКО.

Разинулъ пасть-то! Цыцъ! Не въ дармоѣдахъ,

Не то-что вы, живу у государя:
 Я день-деньской, какъ отымалка, мычусь,
 На части рвусь, куска недоѣдаю.
 А вамъ одна забота: завалиться
 Подальше гдѣ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь,
 И спать весь день, пока опухнуть бѣльма;
 Молъ все равно, работай, не работай,
 Накормятъ даромъ.

ТОТЪ ЖЕ СЛУГА.
 Даромъ и побьютъ.

ТЫРА.

Ну, видно ихъ не больно жирно кормятъ:
 У насъ въ посадѣ только и воруютъ,
 Что воеводскіе.

НЕСМѢЯНОВЪ.

Коль брюхо сыто,
 Въ чужую клѣтъ за ѣжей не полѣзешь!

БРУСЕНИНЪ.

Какіе воры, страсть! Концовъ не сыщешь,
 И ни суда, ни правды нѣтъ на нихъ.

ТЫРА.

Какой тѣ судъ! Вѣстимо, воевода
 Своихъ людей оправить. Самъ не кормить,
 Харчей-то жалъ, такъ воровскимъ и сыты:
 Чужой-то хлѣбъ дешевле своего.

НЕУСТРОЙКО.

Ты, смердъ, молчи!

ЦАПЛИНЪ.

А ты что за помѣщикъ?

(Шутъ выбѣгаетъ изъ воротъ, держась за голову).

ЯВЛЕНІЕ III.

НЕУСТРОЙКО, слуги, ТЫРА, ЦАПЛИНЪ, БРУСЕНИНЪ, НЕСМѢЯНОВЪ, ШУТЪ и народъ.

ШУТЪ.

Ой, ой, убилъ, убилъ, прошибъ до мозгу,
 Проклятый пёсъ, паршивая собака!
 Издохнуть бы тебѣ, какъ басурману!

И чтобъ ни дна тебѣ и ни покрышки,
Поганому. У! Волкъ тебя заѣшь!

НЕУСТРОЙКО.

Что вздалялся, аль подзатыльникъ дали?

ШУТЬ.

Тебѣ-то что, холопья образина!
И онъ туда жъ (передразниваетъ): «аль подзатыльникъ дали?»
Ай, батюшки! убилъ, убилъ по темю.
Костыль сломалъ, собака!

НЕУСТРОЙКО.

Пожалѣетъ.

ШУТЬ.

Меня-то что ль?

НЕУСТРОЙКО.

Нѣтъ, костыля-то.

ШУТЬ.

Дьяволъ (воетъ)!

ТЫРА.

По лысинѣ вотъ этакъ ошарашить,
И до смерти уходить.

ЦАПЛИНЪ.

Длины руки

Поотростилъ! Держалъ бы покороче;
Ужъ больно смѣлъ.

БРУСЕНИНЪ.

Кого ему бояться:

Не мало онъ народу изувѣчилъ,
Да терпятъ все, дають ему повадку,
Не жалуются въ Москву.

НЕСМЪЯНОВЪ.

Не испугаешь,

На трехъ дубахъ сидить, четвертымъ подпертъ.

НЕУСТРОЙКО (шуту).

Что воешь-то? Какой дѣтенышъ малой!
Не всеъ равно тебѣ, какъ псу издохнуть
Подъ палкой ли, иль пьяному подъ тыномъ!

ШУТЬ.

Не приставай! Всего изъѣмъ зубами (слуги смѣются).
А вамъ-то что смѣшно, холопье стадо?

Самихъ дерутъ, какъ сидорову козу,
У васъ самихъ увѣчья не проходятъ.

ТЫРА.

Влетѣло, братья!

ЦАПЛИНЪ.

Влилось!

БРУСЕНИНЪ.

Попало ловко!

ТЫРА.

Не привыкать!

ЦАПЛИНЪ.

Не въ первый разъ!

БРУСЕНИНЪ.

Еще бы!

ТЫРА.

Ты къ носу три.

ЦАПЛИНЪ.

До свадьбы заживетъ!

ШУТЬ.

Ну, подвернись который, изувѣчу!
Коль въ волосы иль въ бороду вцѣплюсь,
Не выпущу; такъ вся въ рукахъ и будетъ,
Ни волоска живаго не оставлю.

ТЫРА.

Ну полно, ты! Мы шутимъ. Ты подумалъ,
Взаправду, что ль?

ЦАПЛИНЪ.

Намъ что!

БРУСЕНИНЪ.

Господь съ тобой!

ТЫРА.

Обиды нѣтъ тебѣ.

ЦАПЛИНЪ.

Вѣстимо въ шутку

Языкъ чесать.

БРУСЕНИНЪ.

Не трожь его, робята!

ТЫРА.

А ты скажи намъ, милый человѣкъ,
За что, про что обиду терпишь?

шутъ.

Даромъ.

Жениться чортъ задумалъ...

тыра.

Такъ. Ну что-же?

шутъ.

Дюжова дочь облюбовалъ.

цаплинъ.

Ну знаемъ.

шутъ.

Я съ дуру-то сболтни ему неладно,
Молъ старому жениться не надолго,
Да часто, молъ, и не себѣ, а людямъ.
И я-то глупъ, шутить связался.

тыра.

Вѣрно!

Ты съ тѣмъ шути, кто любить. Ну и что-же?

шутъ.

Какъ вскочить онъ, затресся, ровно Каинъ,
Какъ волкъ стучить зубами, словно угли
Глаза зажглись, сѣдая грива дыбомъ...
Видалъ ли ты, какъ окаянныхъ пишутъ
На папертяхъ?—Точь вточь.

цаплинъ.

Какой бѣдовой!

неустройко.

А вотъ пойти, да скаредныя рѣчи
Боярину явить; такъ не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтобъ до свѣжихъ
Не забывалъ. У насъ недолго!

тыра.

Полно!

Доказчикомъ не будь. Доказчикъ первый
Подъ кнутъ идетъ.

неустройко.

Бросай, ребята! Будетъ!

Бояринъ вышелъ.

шутъ.

Братцы, схороните!

ТЫРА.

Бѣги скорѣй, покуда не схватили,
Валяй во всѣ лопатки, не догонять.

(Шутъ убѣгается).

ЦАПЛИНЪ.

Стрѣлой летить. Держи его, робята! (хохотъ).

БРУСЕНИНЪ.

На лошади, да развѣ на хорошей,
А на плохой ни за что не догонишь.

ТЫРА.

Какъ шкуру-то, робята, соблюдаетъ,
Диви-бы бобръ сибирской, али соболю!

ЦАПЛИНЪ.

Ему своя-то, надо быть, дороже.

(Входятъ воевода, Облѣзловъ, нѣсколько дворянъ и боярскихъ дѣтей
сотникъ стрѣлецкій, нѣсколько стрѣльцовъ и слугъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ВОЕВОДА, ОБЛѢЗЛОВЪ, БАИМЪ, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы,
цы, слуги и тѣже, и потомъ ГРИШКА ЖИЛКА.

ВОЕВОДА (Облѣзлову).

Ты говоришь, что мѣстомъ вышло. Вѣрно.
Во истинну. (кланяется народу) Здорово! Ты послушай!
Поѣхали мы звѣря погонять,
Гляжу, лѣса катить изъ мелколѣся
По вырубкѣ въ соснякъ, вотъ такъ и стелеть,
Какъ желтый листъ по вѣтру. Вижу, дѣло
Выходитъ дрянъ; уйдетъ, сплутуетъ. Надо
Заворотить, на перерѣзъ ударить.
Хлестнулъ коня по бедрамъ. (Баиму) Что за парень
Особнякомъ стоитъ? Коль нашъ — не трогай,
А кто чужой, такъ опроси построже (Баимъ отходитъ).
(Воевода, оборотясь къ Облѣзлову, продолжаетъ).

Проѣхалъ я шаговъ не больше съ сотню,
И вдругъ мой конь, какъ вкопанный, ни съ мѣста,
Какъ въ землю вросъ. Ужъ я его и плетью,
И лаской, нѣтъ, — дрожить, трясется, уши

Насторожилъ. Я вижу, дѣло плохо. (Сотникъ возвращается)
Какой-такой?

СОТНИКЪ.

Изъ нашихъ, изъ рыбацкой!

ВОЕВОДА.

Ну ладно. (Облѣзлову) Вотъ я слѣзь, перекрестился,
Обшолъ вокругъ три раза, зачурался,
И ничего, — мой конь пошелъ, какъ надо.
Такъ вотъ и знай, что значить мѣсто.

ОБЛѢЗЛОВЪ.

Диво ль!

Въ большомъ лѣсу, гдѣ всяка нечисть бродить.
Въ своемъ саду я лѣтось заблудился
Средь бѣла дня! Не мало мы дивились:
Брожу кругомъ, а выходу не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй —
Не доведи впередъ, умрешь со страху.
Ужъ я кричалъ, кричалъ, сошлись людишки
Да вывели.

(Входитъ ЖИЛКА и кланяется воеводѣ въ ноги).

ВОЕВОДА.

Всего бываетъ! Что ты?

ЖИЛКА.

И бьетъ челомъ, бояринъ, и являетъ
Твой сирота, бывлой подъячій Жилка.

ВОЕВОДА.

О чемъ еще, анаеема?

ЖИЛКА.

О боѣ

И грабежѣ денномъ и объ увѣчьѣ!

ВОЕВОДА.

Который разъ тебя увѣчатъ! Скоро ль
Совеѣмъ убьютъ? Пора бы! Кто же грабилъ
И билъ тебя?

ЖИЛКА.

Семена Бастрюкова

Дворовые и скоморохи: Рѣзвый
Съ товарищи; они жъ, бояринъ, воры,

И картами и зернью промышляютъ
 И табакомъ, и воровское держатъ
 И продаютъ, и бѣглыхъ укрываютъ,
 И на посадъ насильствомъ въ харяхъ ходятъ
 Съ потѣхами и съ пѣснями и съ зурны.
 И съ домрами и скаредныя пѣсни
 И срамныя поютъ и дѣйства дѣютъ,
 Тебя жъ обносятъ скаредною лаей
 И неудобь-сказанною бранью...
 Въ томъ жалоба моя тебѣ и явка.

ВОЕВОДА.

А грабежу?

ЖИЛКА.

Колпакъ да зипунишко.

ВОЕВОДА.

За что—про что?

ЖИЛКА.

Да якобы съ тобою
 Я ставаясь составнымъ челобитьемъ
 Испродаю посадскихъ и убытку,
 Поклепный искъ взвожу, корысти ради,
 По твоему приказу.

ВОЕВОДА

Бастрюкова

Унять давно пора. Зазнался больно,
 На шею сѣлъ ко мнѣ. Плутамъ заступникъ,
 Оберегатель земской. Двумъ медвѣдямъ
 Не жить въ одной берлогѣ. Челобитье
 Въ избѣ подай мнѣ завтра. Мы посмотримъ,
 Велимъ сыскать и, буде виноваты
 Доподлинно, людешекъ Бастрюкова
 Не пощадимъ.

ЖИЛКА (кланяется).

Ты смилуйся, пожалуй!

И сироту твою не дай обидѣть!

(Воевода идетъ на ступени къ собору).

ГОЛОСА (изъ заднихъ рядовъ).

Алтынникъ, песь! Посульщикъ, кровопивецъ!
 А крестъ на немъ, робята, есть, аль нѣту?
 Наврядъ ли ужъ. Другой татаринъ лучше.

ВОЕВОДА (на ступеняхъ).

Кричатъ, а что, никакъ не разберу я.
 Да вамъ чего? Вы говорите прямо,
 Поди сюда впередъ и говори!
 Изъ-за людей не слышно. Что жъ вы стали?
 Ай молодцы! Вы смѣлые робята!
 Изъ-за людей область и присядеть,
 Разинетъ пасть и тягу. Кукишь кажетъ
 Изъ рукава, чтобъ люди не видали.
 Чего же вамъ? Строптивъ, сердить я что ли?
 Не милостивъ? Все это правда ваша,
 Я не святой.—А знаете ли, дѣти,
 Писаніе насъ учить покоряться
 Властителю и доброму и злему.
 Строптиваго послушать передъ Богомъ
 Угодиѣ. Иль мнитъ вамъ, что власти
 Людскимъ хотѣньемъ созданы? Что можно
 Безъ власти жить? Что мы равны? Такъ знайте,
 Звѣзда съ звѣздою разнствуетъ во славъ,
 Такъ на небѣ, и на землѣ все также:
 И старшіе, и младшіе, и слуги,
 И господа, и князи, и бояре,
 И Господомъ вѣнчанные на царство
 Великіе цари и государи.
 За чиномъ чинъ по лѣствицѣ восходитъ
 Отъ насъ къ царю и отъ царя до Бога.
 И всяка власть отъ Бога. Власть не судятъ
 Подвластные, а только царь, ему же

(снимаетъ шапку)

Господь вручилъ насъ всѣхъ на попеченье.
 Изъ-за чего намъ ссориться! Вы дѣти,
 Я вамъ отецъ. Не лучше ль намъ любовью
 И миромъ жить! Ходите по закону —
 И вамъ цѣлѣй, и мнѣ милѣй! За что же
 Браниться-то! Не хорошо. Не ладно.

(Киваетъ головой Баиму).

Пошарь-ко тамъ съ своими молодцами,
 Не сыщешь ли кого изъ крикуновъ.
 Да не зѣвай! Того, Баимъ, не бойся,
 Что въ виноватыхъ правый попадетъся:

Не виновать, — укажетъ виноватыхъ.
 Переловить, связать и запереть
 Всѣхъ накрѣпко въ сторожню, тамъ разсудимъ.

(Уходятъ: воевода, товарищъ и вся свита, кромѣ стрѣльцовъ. Баимъ
 стрѣльцы ходятъ въ народѣ).

ГОЛОСА.

Чего тебѣ? Ты тише, не толкайся!
 Что за напасть! Да чтожь вы драться, что ли?
 Робята, нашихъ бьютъ. Кричите шибче.

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ

Сюда, сюда, робята, нашихъ бьютъ!

(Съ посаду бѣжитъ народъ. Бастрюковъ Семень, Бастрюковъ Степанъ
 выѣзжаютъ верхомъ на лошадахъ, за ними пѣшіе слуги: Рѣзвый
 друге).

ЯВЛЕНИЕ V.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ, БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ, СЛУГИ И
 ПРЕЖНИЕ.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

О чемъ шумятъ? Что дѣлать?

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

На посадскихъ

Баимъ напалъ. Не уступай, робята!

ГОЛОСА.

Застой за насъ! Безвинно бьютъ и мучать.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Оставь, Баимъ!

БАИМЪ.

А ты что за указчикъ?

Велѣлъ сыскать ослушныхъ воевода,
 И съищемъ ихъ. Пока найдемъ да свяжемъ,
 Не отступлю.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

А какъ всполохъ ударимъ

На весь посадъ, и ногъ не унесете!
 Какъ примутся за колья, такъ держитесь.
 Не мятежи чинить, а для паряду

На городу посаженъ воевода.

Сбирай стрѣльцовъ! (посадскимъ) Робята, расходитесь!

(Расходятся).

Не тронетъ васъ никто.

БАИМЪ.

Не ты въ отвѣтъ,

А я, съ меня и спросятъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Ты не бойся,

Я самъ скажу въ соборѣ воеводѣ.

Пусть на меня и сердится, какъ хочетъ.

Иди со мной въ соборъ.

БАИМЪ.

За мной, робята!

(Уходятъ: Бастрюковы, Баимъ, стрѣльцы, прислуга уводитъ лошадей, посадскіе идутъ къ городскимъ воротамъ; навстрѣчу имъ Власъ Дюжой и Настасья).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЛАСЬ и НАСТАСЬЯ и прежніе посадскіе.

НАСТАСЬЯ.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

ТЫРА.

Какъ не видать.

ВЛАСЬ.

Иди, какъ люди ходятъ.

НАСТАСЬЯ.

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

ВЛАСЬ.

Настасья,

Уймешься ты, аль нѣтъ?

НАСТАСЬЯ.

Фу! Смерды!

ЦАПЛИНЪ.

Шире,

Народъ, навозъ плыветъ.

НАСТАСЬЯ.

Да какъ ты смѣешь?

Не виновать, — укажетъ виноватыхъ.
 Переловить, связать и запереть
 Всѣхъ накрѣпко въ сторожню, тамъ разсудимъ.

(Уходятъ: воевода, товарищъ и вся свита, кромѣ стрѣльцовъ. Баимъ и стрѣльцы ходятъ въ народѣ).

ГОЛОСА.

Чего тебѣ? Ты тише, не толкайся!
 Что за напасть! Да чтожь вы драться, что ли?
 Робята, нашихъ бьютъ. Кричите шибче.

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ

Сюда, сюда, робята, нашихъ бьютъ!

(Съ посадку бѣжитъ народъ. Бастрюковъ Семень, Бастрюковъ Степанъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ, за ними пѣшіе слуги: Рѣзвый и другіе).

ЯВЛЕНІЕ V.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ, БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ, СЛУГИ И
 ПРЕЖНІЕ.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ.

О чемъ шумягъ? Что дѣлать?

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

На посадскихъ

Баимъ напалъ. Не уступай, робята!

ГОЛОСА.

Застой за насъ! Безвинно бьютъ и мучать.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ.

Оставь, Баимъ!

БАИМЪ.

А ты что за указчикъ?

Велѣлъ сыскать ослушныхъ воевода,
 И съищемъ ихъ. Пока найдемъ да свяжемъ,
 Не отступлю.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ.

А какъ всполохъ ударимъ

На весь посадъ, и ногъ не унесете!

Какъ примутся за колья, такъ держитесь.

Не мятежи чинить, а для порядка

На городу посаженъ воевода.

Сбирай стрѣльцовъ! (посадскимъ) Робята, расходитесь!
(Расходятся).

Не тронетъ васъ никто.

БАИМЪ.

Не ты въ отвѣтъ,

А я, съ меня и спросятъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Ты не бойся,

Я самъ скажу въ соборѣ воеводѣ.

Пусть на меня и сердится, какъ хочеть.

Иди со мной въ соборъ.

БАИМЪ.

За мной, робята!

(Уходятъ: Бастрюковы, Баимъ, стрѣльцы, прислуга уводить лошадей, посадскіе идутъ къ городскимъ воротамъ; навстрѣчу имъ Власть Дюжой и Настасья).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВЛАСТЬ и НАСТАСЬЯ и прежніе посадскіе.

НАСТАСЬЯ.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

ТЫРА.

Какъ не видать.

ВЛАСТЬ.

Иди, какъ люди ходятъ.

НАСТАСЬЯ.

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

ВЛАСТЬ.

Настасья,

Уймешься ты, аль нѣтъ?

НАСТАСЬЯ.

Фу! Смерды!

ЦАПЛИНЪ.

Шире,

Народъ, навозъ плыветъ.

НАСТАСЬЯ.

Да какъ ты смѣешь?

Ты страдникъ, смердъ! (мужу) Доправь на немъ безчестье!
Ты знаешь, смердъ, я теща воеводѣ.

БРУСЕНИНЪ.

Ну какъ не знать!

ВЛАСЬ.

Иди добромъ, Настасья,
Не постыжусь, при всемъ честномъ народѣ
Учить примусь.

НАСТАСЬЯ.

Толкуй! Ты самъ не знаешь,
Какая честь на насъ.

ТЫРА.

Отъ воеводы

Пристала къ вамъ?

ВЛАСЬ.

Иди! Народъ смѣется.
Ишь срамъ какой! Вотъ съ душой-то сваялся,
Такъ, Господи, и жизни-то не радъ.

НАСТАСЬЯ.

Фу! Смерды! прочь!

НЕСМЪЯНОВЪ.

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.

(Власъ и Настасья уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

НЕСМЪЯНОВЪ, ТЫРА, ЦАПЛИНЪ, БРУСЕНИНЪ и потомъ
ДУБРОВИНЪ.

ТЫРА.

Ишь дура-то, за воеводу дочку
Просватала, и думаетъ, что тоже
Боярыня; идетъ и ногъ не слышитъ

НЕСМЪЯНОВЪ.

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старикъ живетъ, а жены молодая
Все мрутъ да мрутъ. Диковина и только!
Тѣхъ женъ обѣхъ зашекоталъ до смерти —

Отъ ревности; вотъ что холопы бають.
Не миновать и третьей.

ЦАПЛИНЪ.

Защекочетъ,
Такъ не дадутъ четвертой, заговѣйся!
Закону нѣтъ, и попъ вѣнчать не станетъ.

ТЫРА.

Да ну его!

НЕСМѢЯНОВЪ.

Робята, не слыхали ль,
Что Худояръ на Волгѣ появился
И станомъ сталъ не вдалекѣ?

ЦАПЛИНЪ.

Такъ что же?
Тебѣ-то чтожь?

НЕСМѢЯНОВЪ.

Разбойникъ лютой, бають.

ТЫРА.

За чтожь его разбойникомъ ты лаешь,
Не знаючи? Какой же онъ разбойникъ?
Кого разбилъ? Тебя?

НЕСМѢЯНОВЪ.

Меня не трогалъ,
Мнѣ грѣхъ сказать; не грабилъ, такъ не грабилъ.

ЦАПЛИНЪ.

Такъ покажи другихъ!

НЕСМѢЯНОВЪ.

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбилъ, бають.

ТЫРА.

Ты бай, не бай — не наше это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщеть;
А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

НЕСМѢЯНОВЪ.

А говорятъ, что въ Нижнемъ былъ пойманъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ, досталъ изъ печки уголь
И написалъ онъ лодку середь полу

Углемъ и сѣмъ, забралъ съ собою сидѣльцевъ,
Плеснулъ воды да въ Волгу и уѣхалъ.

(Дубровинъ входитъ и осматривается.)

ЦАПЛИНЪ (увидя Дубровина).

Никакъ чужой? Чего онъ ищетъ?

ТЫРА (подходя къ Дубровину).

Парень,

Ты изъ какой Литвы, съ какой орды?

Отъ дѣла ты лытаешь, или дѣла

Пытаешь?

ЦАПЛИНЪ.

Сватъ! Ты ближній, али дальній?

ТЫРА.

Какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ?

НЕСМѢЯНОВЪ.

Не бѣглой ли? А можетъ, онъ, робята,

Коня укралъ, аль мужика убилъ.

Связать его!

ДУБРОВИНЪ.

Эхъ, дѣдушка, за что же?

Ты пожалѣй меня! Связать не долго;

Вязать вяжи, да послѣ не тужи.

Я самъ даюсь; одинъ — не ратникъ въ полѣ,

И дерево одно — не темный лѣсъ.

Меня въ тюрьму; а сколько насъ на волѣ

Останется, ты всѣхъ не перевяжешь;

А у тебя домишко на посадѣ, —

Чай, бережешь отъ красныхъ пѣтуховъ, —

Со всѣхъ угловъ подпускаютъ, — плохо дѣло.

НЕСМѢЯНОВЪ.

Ну, полно ты! Къ чему ты привязался!

Я пошутилъ, а ты и вправду.

ДУБРОВИНЪ.

Полно,

Шутилъ ли ты? Да ну, я зла не помню:

Я знаю, ты меня не свяжешь.

БРУСЕНИНЪ.

Братцы,

Я признаю его.

ЦАПЛИНЪ.

И мнѣ знакомо

Обличье—то, а какъ назвать — не знаю.

ДУБРОВИНЪ.

Я не боюсь и не таюсь, я бѣглый,
Посадскій вашъ, Романъ Дубровинъ.

ТЫРА.

Братцы,

И то вѣдь онъ. Два года не видались!
Ты гдѣ гулялъ?

ДУБРОВИНЪ.

На бѣломъ свѣтѣ много
Привольныхъ мѣстъ — и Донъ, и Волга мать.
Гдѣ я гулялъ — тамъ нѣтъ меня; теперь
Домой пришелъ.

ТЫРА.

Ты хочешь объявиться?

ДУБРОВИНЪ.

Ну, нѣтъ, зачѣмъ! Съ женой бы повидаться.
Не знаешь, гдѣ жена?

ТЫРА.

У воеводы.

ДУБРОВИНЪ (хватается за голову).

Ужель къ нему попала?

ТЫРА.

Взялъ насильемъ,
Въ тюрьму сажалъ, а изъ тюрьмы да на домъ
Красавицу твою Олену.

ДУБРОВИНЪ.

Дьяволъ!

Ну, помни жъ ты! А что, жива, здорова?

ТЫРА.

Да говорятъ, все воетъ.

ДУБРОВИНЪ.

Эко, братцы,

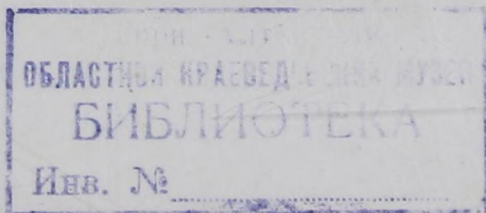
Житье мое! А выходу ей нѣту?

ЦАПЛИНЪ.

На заперти.

ДУБРОВИНЪ.

Ну, только мнѣ и надо.

Спасибо вамъ на добромъ словѣ, братцы.
 Увидите жену, такъ поклонитесь!
 Молъ, живъ еще и помнитъ. Воеводѣ
 Скажи хоть ты (Несмѣянову), что собираюсь въ гости,
 Чтобъ припасалъ, чѣмъ подчивать. Прощайте!

НЕСМѢЯНОВЪ.

Никакъ ушелъ? Поотлегло отъ сердца, —
 Перепугалъ, проклятый. Что жъ, робята,
 Явить аль нѣтъ?

ТЫРА.

А намъ какое дѣло?

Какъ хочешь ты, а мы и знать не знаемъ.
 Поди являй, а въ послухи не ставь —
 Во всемъ запрись.

ЦАПЛИНЪ.

И я.

БРУСЕНИНЪ.

Мы не видали.

ТЫРА.

Вотъ такъ-то, братъ! ты совокъ, да неловокъ!
 Помалчивай, такъ самъ цѣлѣе будешь.

(Выходятъ изъ собора: воевода, Облѣзловъ, Ба-
 стрюковы, дворяне, дѣти боярскіе, Баимъ, стрѣль-
 цы, слуги. Посадскіе и народъ уходятъ въ глу-
 бину площади.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВОЕВОДА, ОБЛѢЗЛОВЪ, БАСТРЮКОВЫ, дворяне, дѣти боярскіе,
 БАИМЪ, стрѣльцы, слуги и прежніе посадскіе.

ВОЕВОДА (остановясь, не доходя воротъ).

Два раза глупъ бываетъ человѣкъ:
 Съ младенчества сперва, потомъ подъ старость;
 Состарѣешь и поглупѣешь, разумъ
 Отыметъ. Не даромъ люди стали
 Учить меня. Ты думаешь, что дѣльно
 Прикажешь что, а говорить — не ладно.
 Плохая жизнь. И вижу самъ, что плохо;
 Да какъ же быть? Одно и остается:

Коль старъ и глупъ, такъ умныхъ больше слушай.

Вотъ я велѣлъ переловить Баиму

Ругателей, а Бастрюковъ наѣхалъ,

Прогналъ его, — что мы не дѣло, видишь,

Затѣяли, мятежъ заводимъ, буйство.

Челомъ ему за то, что надоумилъ

Насъ, дураковъ. Впередъ умнѣ будемъ.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Да что жъ, и впрямь, затѣяли не дѣло.

ВОЕВОДА (смѣется).

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо

Сказалъ тебѣ, чего жъ еще! Не въ ноги жъ...

Другую рѣчь я поведу. Вотъ, видя,

Что глупъ-то я и старъ, большое дѣло

Безъ вашего, друзья мои, совѣту

Начать не смѣлъ. Что вы приговорите,

Тому и быть.

ОБЛЕЗЛОВЪ.

Нечай Григорьичъ, полно

Пытать-то насъ. Какіе мы совѣты

Дадимъ тебѣ! Ты самъ умнѣ всѣхъ.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

Не дураки и мы.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Что смыслимъ, скажемъ.

Въ чемъ дѣло-то?

ВОЕВОДА.

Не знаю, какъ сказать!

Попуталъ грѣхъ. И молодыхъ и старыхъ

(Снимаетъ шапку и кланяется).

Простить меня прошу. Отцы и братья,

Не осудите! Старому, сѣдому

И стыдно бы, да человѣкъ я слабой,

Лѣтами старъ, за то душою молодъ.

ОБЛЕЗЛОВЪ.

Какой старикъ, ты лучше молодыхъ, —

И старъ, да дюжъ.

ВОЕВОДА.

Безъ бабы не живетъ;

Грѣха боюсь, — такъ вздумалъ ожениться.

ОБЛЕЗЛОВЪ.

И въ добрый часъ.

ВОЕВОДА.

И не о томъ бы думать,

Молиться бы, да слабость наша.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Что же

Жениться-то объ эту пору! Сколько
 Тебѣ и жить-то! Было двѣ жены,
 Чего жъ тебѣ! И третьей вѣкъ загубишь,
 Коль женишься. Не дѣло, такъ не дѣло —
 Тебѣ-то блажь, а молодежь-то сохнетъ
 За стариками.

ВОЕВОДА.

Вотъ что значить умъ-то!

Не вамъ чета. И слушать-то отрада.
 Отъ умной головы совѣту много.
 Хорошаго. А васъ про что ни спросишь,
 Отвѣту нѣтъ, а только другъ за друга
 Хоронитесь; а у него какъ разъ
 Умень отвѣтъ и скорь. Развѣсьте уши
 И слушайте Семена Бастрюкова!
 Ужь если онъ, такой разумной, скажетъ,
 Что не женись, Нечай Григорьичъ, значить,
 Что надобно жениться безпремѣнно.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Ты на смѣхъ что ль?

ВОЕВОДА.

Какъ хочешь, такъ и думай;
 За что почтешь, не буду спорить.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Ладно жь!

Припомни ты! Я сорокъ лѣтъ на службѣ,
 Я сорокъ лѣтъ дослѣха боеваго
 Не скидывалъ, израненъ весь, я земскимъ,
 Губнымъ служилъ по выбору, не ползалъ,
 Не кланялся подъячимъ по приказамъ,
 Не плакался: пустите покормиться!
 Своимъ кормлюсь всю жизнь. Моя обида

Откликнется тебѣ; держись, да крѣпче!
Въ Москвѣ бывалъ, туда дорогу знаю.
Не усидишь.

ВОЕВОДА.

Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься самъ къ отвѣту.
Въ помѣстьи ты, какъ въ омутѣ, усѣлся,
И думаешь, ты царь, тебѣ суда нѣтъ.
Мы выведемъ на свѣжую водицу.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Меня?

ВОЕВОДА.

Тебя.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Нѣтъ, руки коротки.

ВОЕВОДА.

Длиннѣй твоихъ. Ты бѣглыхъ укрываешь,
И зернищиковъ, и воровское держишь,
И полонъ дворъ нагнали скомороховъ.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЬ.

Что жь, батюшко, ты смотришь! Что жь онъ лаесть!
Царю челомъ ударимъ о безчестьи.

ВОЕВОДА.

Молчи, щенокъ!

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЬ (бросается на воеводу).

Ахъ старая собака! (его удерживаютъ).

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Царю челомъ ударимъ, а покуда
Ты бородой отвѣтишь. Безъ остатку
Всю выдеру. (Бросается на воеводу).

ВОЕВОДА.

Держите ихъ, держите! (его загораживаютъ).

ОБЛѢЗЛОВЪ.

Семень, уймись! Безмѣщичное дѣло
Затѣялъ ты. Ругаться не пригоже
На площади.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Не я, а онъ затѣялъ!

Не уступлю, я самъ его не хуже.

ВОЕВОДА (въ воротахъ).

Ко мнѣ, друзья! Запьемте рукобитье! (Бастрюковымъ)
И васъ бы звалъ къ себѣ, да не взыщите,
Поподчивать васъ не чѣмъ, незапасливъ. (Уходитъ, Облѣзловъ
вся свита за нимъ).

(Ворота затворяются; посадскіе подходятъ, съ ними староста).

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

И чортъ съ тобой! Ты думаешь, мнѣ надо?
Подавишься твоимъ кускомъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ, БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ, ЗЕМСКІЙ СТА-
РОСТА и ПОСАДСКІЕ.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ (посадскимъ).

Робята,

Съ чего онъ взялъ, что я ворами потатчикъ
И зернщикамъ?

ТЫРА.

Про то являлъ сегодня

На площади и подалъ челобитье
Былой дьячокъ, прозваньемъ Гришка Жилка,
И сказывалъ на васъ грабежъ и бой.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Сыскать его! Эй! Люди! По посаду,
По кружечнымъ дворамъ и постоялымъ,
По всѣмъ рядамъ и шалашамъ и лавкамъ,
По кабакамъ, по всѣмъ щелямъ и норамъ
Искать дьячка и привести сюда!

СТАРОСТА (тихо).

Бояринъ, мы желаемъ челобитье
Въ Москву свезти на воеводу.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Ладно,

Хвалю за то.

СТАРОСТА.

Да написать не знаемъ;

А земской нашъ дьячокъ писать не хочетъ,
Боясь того, что вишь у воеводы
Сильна рука въ Москвѣ.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

Напишетъ Жилка.

СТАРОСТА.

Заставишь ли?

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

А батоги на что?

На самого себя напишетъ. Руки
Прикладывать путемъ. Отцовъ духовныхъ
Просите всѣхъ. Мѣское челобитье
И выборныхъ я самъ свезу къ Москвѣ.
Да поскорѣй!

СТАРОСТА.

Да хоть сейчасъ пойдемъ

Ко мнѣ во дворъ; какъ только Жилку сыщутъ,
Чтобъ къ намъ вели.

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ (громко).

Я къ старостѣ поѣду.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЬ.

А я домой! Айда! (подають коня).

БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЬ.

За мной, айда! (подають коня).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЛАСЬ ДЮЖОЙ.

НАСТАСЬЯ.

ПРАСКОВЬЯ.

МАРЬЯ.

НЕДВИГА, мамка.

ВОЕВОДА.

ШУТЪ.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

РѢЗВЫЙ.

КУБАСЬ.

ШИШИГА.

} дочери ихъ.

} слуги Бастрюкова.

Слуги Дюжова и воеводы; сѣнныя дѣвушки.

Густой садъ. Налѣво теремъ съ выходомъ и крыльцомъ. Направо баня; въ глубинѣ стоячій тынъ, изъ котораго нѣсколько надолабъ вынуто; за тыномъ, когда онъ разобранъ, видѣнъ берегъ Волги.

ЯВЛЕНИЕ I.

РѢЗВЫЙ, СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ въ кустахъ, КУБАСЬ и ШИШИГА у разобраннаго тына,

РѢЗВЫЙ.

Пожалуй, осударь, Степанъ Семенычъ!

Иди смѣлѣй! Въ саду души невидно.

БАСТРЮКОВЪ.

Ишь заросло какъ часто, не пролѣзешь.

РѢЗВЫЙ.

Дубье, вязье рощёное.

БАСТРЮКОВЪ.

Да гдѣ ты?

РѢЗВЫЙ.

Ты на голосъ вди! Здѣсь чисто!

БАСТРЮКОВЪ.

Вышелъ!

РЪЗВЫЙ.

Кубась, Шишига, забирайте тынъ,
Да разомъ въ лодку, и лежи, какъ мертвый!
На спрось, что за люди? молъ, ждемъ съ базара
Крестьянишекъ, замѣшались въ кружалахъ.
Откуда? молъ, изъ Краснаго села,
Рыбачимъ, молъ! А больше не болтайте!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубась, за весла;
А ты, Шишига, здѣсь у лазу будь!

БАСТРЮКОВЪ.

Да поживѣй!

КУБАСЬ.

Ты свисни, а мы смыслимъ,
Передъ тобой, какъ листъ передъ травой!
(Загораживаютъ тынъ)

БАСТРЮКОВЪ.

Спасибо вамъ, робята! Услужили!

РЪЗВЫЙ.

Кому жь служить, какъ не тебѣ, бояринъ!
Аль ты насъ платьемъ цвѣтнымъ изобидѣлъ,
Аль холодно и голодно живемъ?
И жалуешь, да и живемъ прохладно —
Что день, то пиръ да новыя затѣи
У насъ идутъ. Гульба, а не работа
Намъ за тобой!

БАСТРЮКОВЪ.

Въ гульбѣ короче время.

РЪЗВЫЙ.

Одно и дѣло веселить да тѣшить
Тебя, Степанъ Семенычъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Да еще бы!

Потоль и тѣшиться, пока живется.
Вѣдь одна живемъ на свѣтѣ бѣломъ.
Не въ чернецы жь идти!

РЪЗВЫЙ.

Въ твои-то дѣта!

Что говорить! Лишь далъ бы Богъ здоровья,
Пей, да гуляй! А дѣло не медвѣдь,
Въ лѣсъ не уйдетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Бездѣлье, такъ бездѣлье,
А дѣло дѣломъ. Позовутъ на службу,
За нами дѣло никогда не станетъ.

РѢЗВЫЙ.

И на войну пойдемъ, какъ на потѣху,
Не спрячемся за печку.

БАСТРЮКОВЪ.

Тамъ что будетъ,
Тому и быть. А у меня покуда
Одно въ умѣ; одно и сплю и вижу,
Какъ Марью Власьевну достать.

РѢЗВЫЙ.

А мы-то!

Да насъ и хлѣбомъ не за что кормить,
Коль мы тебѣ забаву не доставимъ.
Въ твоёмъ дому боярскомъ полны сѣни
Насъ скомороховъ, слугъ да челядинцевъ.
Да будь она за тридевять замками,
За тридцать морями — мы достанемъ.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тыщъ, шесть иголъ вынимали
Съ великимъ береженіемъ и страхомъ,
Да и опять поставили, какъ было.
И разберемъ и заберемъ въ минуту,
Широкій лазъ, хотъ тройкой поѣзжай.

БАСТРЮКОВЪ.

А крѣпко Власъ живетъ.

РѢЗВЫЙ.

На всемъ посадѣ

Ни у кого нѣтъ выше городьбы;
Казну блюдетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Ну, мы казны не тронемъ

РѢЗВЫЙ.

А дочерей ужъ не взыщи. Бояринъ,
Никакъ идутъ. Схоронимся до время

Куда жь?

БАСТРЮКОВЪ.

РѢЗВЫЙ.

Вотъ баня старая!

БАСТРЮКОВЪ.

Ну, ладно!

(Уходить въ баню. За сценой пѣсня дѣвушекъ)

На морѣ утушка купалася,
На синемъ сѣрая полоскалася.

(Входятъ: Прасковья Власьева, Марья Власьева, Недвига; сѣнныя дѣв-
ки вносятъ ковры, подушки и разное шитье).

ЯВЛЕНІЕ II.

НЕДВИГА, ПРАСКОВЬЯ и МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНЫ, сѣнныя дѣвушки.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Намъ въ терему и тѣсно да и душно,
Жара, какъ въ банѣ, а тебѣ и любо,
Коль у тебя въ Петровки стынетъ кровь.
Ты, старая; тебя не манитъ лѣто
На волюшку, на шелковы луга,
Въ тѣнистый боръ, гдѣ бѣлымъ днемъ потемки,
Въ зеленый садъ, гдѣ алый цвѣтъ цвѣтеть,
Гдѣ вишенье, орѣшенье назрѣло
И налилось, и ждетъ дѣвичьихъ рукъ.
Мы не старухи, намъ безъ печки жарко,
Не больно милъ намъ новъ высокъ теремъ.

НЕДВИГА.

Ну въ садъ, такъ въ садъ; мнѣ все равно, старухѣ.

сѣнныя дѣвушки (допѣваютъ).

Купавшись, утушка вострепелася,
Вострепелувшись, сѣрая воскрикнула:
Какъ-то мнѣ съ синя моря подыматься будетъ,
Какъ-то мнѣ съ желтымъ пескомъ разставаться будетъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Что теремъ, что тюрьма — одно и то же.

НЕДВИГА.

Ну будь по вашему. Вотъ здѣсь и сядемъ.

(Садятся).

23/IV 1934

3049

Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замужъ впору,
А все еще, какъ посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что въ теремѣ, что въ церкви
Ты завсегда спасеной человѣкъ;
Тамъ образа, закрещены всѣ двери.
А что въ саду? Тутъ вольная земля,
Ну, значить, онъ, оборони Создатель,
Свободно ходить; долголь до грѣха!
На всякой часъ блюдись!

одна изъ дѣвушекъ.

А зачураться,

Не подойдетъ.

всѣ.

Чуръ! наше мѣсто свято!

другая изъ дѣвушекъ.

И поминать-то бы его не къ мѣсту.

Не въ часъ сболтнешь, онъ къ слову-то привязчивъ
И на поминѣ-то легокъ бываетъ.

недвига.

Что правда, правда. Пусто будь ему!

(Молчать).

Охъ, не люблю, когда молчать! Въ молчанки
Мы чтоль играть сошлись! Ну те, дѣвки,
Повеличайте молодую княжву.

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Все величать! Довольно! Надоѣли.

недвига.

Сказать, аль нѣтъ? Вѣстимо, что не дѣло
Холопское о господахъ судачить,
И промолчать нельзя.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну что такое?

недвига.

Да все про тоже, все про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Тебѣ-то что, коль ей по сердцу?

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

По сердцу — не по сердцу, а пойду,
И охъ не молвлю!

НЕДВИГА.

Думали, гадали

Родимые, да вотъ и догадались.

Ну ровня ли! Сѣдой, какъ лунь, согнутый,
Глядитъ медвѣдемъ, такъ и хочетъ съѣсть.

Одно и лестно, что большой бояринъ.

Такъ не съ боярствомъ жить, а съ человѣкомъ,
Какъ мѣсяцъ не свѣти, а все не солнце!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ей что ни попъ, то батъка, все равно;

Ей лишь бы замужъ, разбирать не станетъ.

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Само собой. Да развѣ наша воля

Себѣ мужьевъ по сердцу выбирать!

Прикажутъ, и конецъ; а милъ ли, нѣтъ ли —

Тебя не спросятъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Лучше утопиться.

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Не мы одни, всѣмъ дѣвкамъ та же доля,

А всѣмъ топить, Волгу запрудить.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Другая бѣ плакала, а ты такъ рада.

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

О чемъ, о комъ я буду горевать-то?

Боярыней живи да величайся,

Бѣшь сладкое, медовъ сыченыхъ въ волю,

Гора горой пуховики лебяжьи

Въ опочивальнѣ; хочешь спать, такъ спи,

А нѣтъ, лежи, пусть тонетъ бѣло-тѣло

И нѣжится. Да вотъ сама увидишь,

Такъ раздобрѣю въ годъ, что не узнаютъ.

Работы нѣтъ, заботы не бывало!

Сиди, какъ пава, а кругомъ рабыни

Кроятъ и шьютъ и строчатъ во сто рукъ.

Такая жизнь, что умирать не надо!

Чего жалѣть-то? Дѣвичью красу,

Да косу русую? Объ ней поплачу,
Какъ расплетутъ, да по уши повяжутъ
Волосникомъ, да бабью кикю вздѣнутъ.

НЕДВИГА.

Тебѣ съ нимъ жить, ну и живи, какъ знаешь.
Не наше дѣло, конченъ разговоръ!
Что жъ мы начнемъ? всѣ пѣсни перепѣли,
Переиграли игры, развѣ сказку
Договорить, что давѣ начинали.
Да съ уговоромъ: не любо, не слушай,
Лгать не мѣшай!

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Досказывай хоть сказку.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ты думаешь, намъ очень любы сказки?
Отъ скуки слушаемъ, одна забота,
Какъ время скоротать. А вотъ ты мелешь,
Мы слушаемъ, такъ время и проходитъ.

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Досказывай Никиту Кожемяку!

НЕДВИГА.

Ну, долголь, коротко ли, въ сказкѣ скоро;
На дѣлѣ-то не вдругъ. Ну вотъ въ ту пору
Сидитъ себѣ Никита, кожи мнетъ.
И держитъ онъ, красавицы мои,
Въ рукахъ двѣнадцать кожъ; вдругъ царь въ кожевню,
Взглянулъ Никита, такъ вотъ и затресся;
Со страху ходнемъ руки заходили,
И разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну ври еще!

НЕДВИГА.

Извѣстно, сказка складка,
А пѣсня быль; не мимо говорится.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Не всякая. Сама же ты пѣвала,
Что воля краснымъ дѣвушкамъ гулять;
Молодкамъ миновалася гульба.
Мы дѣвки вотъ, а все живемъ въ неволѣ.

НЕДВИГА.

Досказывать, аль нѣтъ?

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну брось, не надо.

Ужь надоѣло про змѣёвъ-то слушать!

НЕДВИГА.

Чего же вамъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Любовную скажи!

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ты расскажи, какъ въ теремѣ высокомъ
Сидитъ красавица; замкомъ булатнымъ
Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь кругъ терема стоитъ.
И солнцемъ не печетъ и буйный вѣтеръ
Пахнуть не смѣетъ на нее.

НЕДВИГА.

А дальше?

ПРАСКОВЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

А дальше я не знаю; я не стала бъ
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебѣ и книги въ руки.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Какъ добрый молодецъ прокрался въ теремъ...
Да ты намъ все рассказый, какъ было.

НЕДВИГА.

А мать услышитъ, кто въ отвѣтъ будетъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Пойдемъ въ малину! Не найдутъ до завтра.

НЕДВИГА.

Ну быть по вашему! Срамницы, право!
Васъ хлѣбомъ не корми, а дай послушать
Соромскихъ сказокъ. Да и то сказать —
Все въ заперти — чужихъ людей не видимъ,
Гулять нѣтъ воли, миловаться не съ кѣмъ,
А у живаго на умѣ живое.

(Всѣ уходятъ. Рѣзвый и Степанъ Бастрюковъ показываются изъ бани).

Боярской сынъ, — тебѣ почету больше,
Со скоморохомъ веселѣе жить.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну нѣтъ, старуха на двое сказала.
Купецкой сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Все краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ же буду. Нѣтъ, зачѣмъ же?
А надоѣмъ, къ отцу прогонишь! Лучше
Я дома посижу, изъяну меньше!
Одинъ изъяну, что новый тынъ попорченъ,
Такъ батюшкѣ скажу, поправлять завтра.
А ты женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ,
Тогда вези, куда душѣ угодно.

БАСТРЮКОВЪ.

Да я бы радъ, да вишь, Нечай Шалыгинъ
Беретъ сестру твою Прасковью замужъ,
Онъ врагъ заклятый и отцу и мнѣ;
Не то, что сватать, мнѣ нельзя и носу
Къ вамъ показать.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну, станемъ дожидаться;
Мнѣ лѣтъ не много; я не перестарокъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Толкуй съ тобой; а замужъ отдадутъ?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ — ну тогда, не знаю,
Быть можетъ, парень, выйдетъ на твое;
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку,
Бери въ охапку и тащи домой.

БАСТРЮКОВЪ.

Голубушка (обнимаетъ)!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ты волю-то не очень
Давай рукамъ, повремени до срока!
Придетъ пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

БАСТРЮКОВЪ.

Жизнь моя, лебедка!

Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другаго парня, не найдешь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что, Маша,
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатный ножъ? (Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса).

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Да что ты! Богъ съ тобой!

БАСТРЮКОВЪ.

Нѣтъ, погоди! Промолви только слово—
И глазомъ не моргну, по рукоятку
Въ грудь опущу. Вели!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Да вѣрю, вѣрю.

БАСТРЮКОВЪ.

Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Да лжешь ли, нѣтъ ли, самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

БАСТРЮКОВЪ.

Значить, по рукамъ (подаетъ руку)?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Да что ужъ говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведешься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь ты какой пригожій уродился.

БАСТРЮКОВЪ.

И поцалуемся?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Изволь, голубчикъ.

Грѣха тутъ нѣтъ. Цалуемся со всѣми;
Чужихъ цалую, а тебя подавно (Цалуются).

ДѢВКИ (поютъ въ кустахъ).

Въ теремѣ дѣвушка умывалася,

Въ высокомъ красная бѣлилася...

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Домой пошли. Пора. Прощай! (идетъ; навстрѣчу ей входитъ шутъ)

Ай, ай! (прячется въ кустахъ).

БАСТРЮКОВЪ.

Чего она?

РЪЗВЫЙ.

Шутило воеводинъ (прячутся въ баню).

ЯВЛЕНИЕ V.

ШУТЪ, ПОТОМЪ ВОЕВОДА, ВЛАСЬ СЪ НАСТАСЬЕЙ И ДѢВКИ.

ШУТЪ.

Авось-то онъ смириѣ у невѣсты.

А все боюсь, душа уходитъ въ пятки.

Бродилъ кой-гдѣ; съ недѣлю укрывался,

А надобно-жъ когда нибудь явиться.

Велить сыскать, такъ не проси пощады.

Ухъ! Идолъ! Змѣй Горынычъ! Чудо-юдо!

(Входитъ Воевода, за нимъ Власъ и Настасья; дѣвки несутъ жбаны, чары и ковриги).

ШУТЪ (изъ-за кустовъ).

Есть виноватому прощенье?

ВОЕВОДА.

Есть.

ШУТЪ (падая на колѣни).

Помилуй, дяденька! Впередъ не буду.

ВОЕВОДА.

Вставай, собака! съ одного вола

Двѣ шкуры не дерутъ. Да только помни,

Шутить съ оглядкой, какъ бы не заплакать!

ШУТЪ.

Всѣмъ закажу и недругу, и другу

Шутить съ тобой! А то накладно, дядя,—

Я языкомъ шучу, а ты дубинкой!

ВЛАСЬ.

Покрой ковромъ бесѣдку-то, Настасья!

Пожалуй, осударь, Нечай Григорьичъ,

Изволь присѣсть, не нудь боярскихъ ногъ.

ВОЕВОДА (садится).

Мы здѣсь свои, и вы садитесь рядомъ.

Вы нареченные мнѣ тестъ и теща.

ВЛАСЬ.

Не подобаетъ намъ, съ женишкой Настькой,

Передъ тобой высокимъ воеводой,
Передъ твоими свѣтлыми очами
Сидѣть да барствовать. Намъ, темнымъ людямъ,
Холопами твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь.
Ты погости у насъ, а мы послужимъ.

НАСТАСЬЯ.

Да ну-ко ты! Служи одинъ, я сяду.
Я экой чести съ роду не видала,
Во снѣ не грезилось; что я за дура—
Привель Господь сѣсть рядомъ съ воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажаетъ самъ! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудеть!

ВЛАСЬ.

Не осуди! Прискорбна головой,
Съ измальства скудоумна, Богъ обидѣлъ.
Робячій смыслъ; нелѣпое творить.

ВОЕВОДА.

Не тронь, сидить.

ПУТЬ.

Я, дядя, тоже сяду.

Понаберись-ко разума, ума
Отъ насъ съ Настасьей. Хитрое ли дѣло
Судить, рядить да рѣчи разводить
Съ боярами да съ думными дьяками!
Поговори-ко съ нами, дураками.

ВЛАСЬ (подъучетъ медомъ).

Откушай, не побрезгай! Чѣмъ богаты,
Тѣмъ мы и рады.

ВОЕВОДА.

Покажи дорогу!

Допрежь хозяина и попъ не пьетъ;
Клади начинъ и подноси по ряду!

ВЛАСЬ.

Желаю здравствовать на многи лѣта!
Храни тебя Господь, да царь люби!
Не осуди, что рѣчи не умильны,
Что мы, по простотѣ своей, не знаемъ,
Какъ чествовать и величать тебя (пьетъ и наливаєтъ).

ВОЕВОДА.

Спасибо, Власть! Проси теперь хозяйку.

ВЛАСТЬ (кланяясь).

Хозяюшка!

НАСТАСЬЯ.

Ужъ пить ли мнѣ-то, право?

ВЛАСТЬ.

Да не дури! я кланяюсь не стану—

Примай да бей челомъ.

НАСТАСЬЯ (беретъ чару).

Коротокъ разумъ

У бабы-то; сказала-бъ, да не знаю,

Грѣхомъ обмолвишься, не ладно выдетъ.

Ну, будь здоровъ (цалуются).

ВОЕВОДА.

Спасибо и на этомъ.

ВЛАСТЬ.

Теперь сама проси.

НАСТАСЬЯ.

Покорно просимъ.

ВОЕВОДА.

Въ гостяхъ въ неволѣ. Отказать не смѣю.

Я выпью! (пьетъ) Знатный медъ, стоялый, крѣпкій,
Хорошій медъ! Ты, Власть, живешь исправно.

ВЛАСТЬ.

Да есть-таки запасъ про всякой случай;

Для праздниковъ, вотъ дочери невесты,

Такъ для родни, да для поповъ пасемъ

Поподчивать послаще. Всежъ не ровня

Твоимъ медамъ боярскимъ; намъ далеко

Съ тобой тягаться, мы живемъ черно,

Да и сварить-то путно не умѣемъ.

Ты наше малое поставь въ большое.

ВОЕВОДА.

Не диво пиво, дорога любовь (отдастъ чару Настасьѣ).

НАСТАСЬЯ.

Что смотрите! примайте, дѣвки дуры!

ВОЕВОДА.

Недаромъ говорятъ: не будь запасливъ,

Будь гостю радъ.

ШУТЬ.

Я не обѣвокъ въ полѣ,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирогъ съ крупой и мы съ рукой, да видно,
Кого блинками, а меня пинками.

ВОЕВОДА.

Не по губамъ тебѣ, языкъ проглотишь.

ШУТЬ.

Ну, зелена винца!

ВЛАСЬ.

Вотъ есть въ сулейкѣ.

НАСТАСЬЯ.

Сулеечку подайте, дѣвки, дуры.

ШУТЬ.

Покланяйся, а я ломаться стану.

ВЛАСЬ.

Ты самъ себя поподчуй, сколько влѣзетъ,
Бери совсѣмъ. Своя рука владыка.

ВОЕВОДА.

Ты, волчья сыть, медвѣжья дрань, дорвался!
Смотри, не задужи!

ШУТЬ.

Я помаленьку.

ВЛАСЬ.

Пей помаленьку, только выпей всё (шутъ отходить).

ВОЕВОДА.

Закону нѣтъ глядѣть невѣсть до свадьбы,
А мнѣ охота; хотъ глазкомъ взглянуть бы.

ВЛАСЬ.

Да ты глядѣль.

ВОЕВОДА.

Несыто наше око:

Посмотришь разъ, манить тебя въ другой,

НАСТАСЬЯ.

Вотъ женишься, такъ нагладишься вдоволь:

Неказаному золоту цѣны нѣтъ;

Показано, такъ всякой цѣну знаетъ.

ВОЕВОДА.

Здорова? Не скучаетъ?

ВЛАСЬ.

Да съ чего ей!

Объ чемъ скучать! ростеть, толстѣть, всходить,
Какъ на дрожжахъ опара.

НАСТАСЬЯ.

Ты, бояринъ,

Не обижай! Въ любви держи да въ холѣ,
Чтобъ намъ не плакаться.

ВЛАСЬ.

Молчи ты, дура!

НАСТАСЬЯ.

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый затюшко, Нечай Григорьичъ!
Ужь чтобъ и мнѣ, старухѣ, былъ почетъ,
Чтобъ всѣ-таки, отъ мала до велика,
Мнѣ кланялись, а я чтобъ величалась.
Вотъ я иду, примѣромъ, хотъ къ обѣдни,
Народъ безъ шапокъ, съ кѣмъ заговорила —
Чтобъ на колѣни падалъ.

ВЛАСЬ.

Ты очнись;

Коль захмѣлѣла ты, поди проспись,
Ты голову съ меня снимаешь!

НАСТАСЬЯ.

На-ко!

Я теща воеводская! Кому же
И величаться, какъ не мнѣ? Вѣстимо,
Я въ городѣ большая, больше всѣхъ.

ВОЕВОДА.

Съ тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мнѣ пора. Безсудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

ШУТЬ (въ кустахъ).

На слѣдъ попалъ, по красному, по звѣрю.
Ты обожди, я погоню на васъ.

ВЛАСЬ.

Переложилъ хмѣльнаго, брешеть спьяну.

ШУТЬ.

Вотъ звѣрь, такъ звѣрь; не соболю, ни кунице,

А красная дѣвица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дорогѣ!

(Выбѣгаетъ Марья Власѣевна).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(ВОЕВОДА, ВЛАСЬ, НАСТАСЬЯ, ПУТЬ и МАРЬЯ ВЛАСѢВНА).

ВЛАСЬ.

Марья!

Ты какъ зашла?

МАРЬЯ ВЛАСѢВНА.

Съ сестрой гуляли, съ няней

Мы давѣ здѣсь; онѣ домой пошли,

А я замѣшкалась; бѣгу за ними,

Вдругъ онѣ на встрѣчу, я въ кусты съ испугу

И схоронилась, тамъ и просидѣла.

НАСТАСЬЯ.

Вотъ я тебя! Бѣги домой, срамница!

Безстыдница!

ВОЕВОДА (беретъ за руку Марью Власѣевну).

Постой! Какія очи!

Нельзя налюбоваться, наглядѣться!

Я много видѣлъ на своемъ вѣку,

Такихъ очей не приводилось видѣть.

Красавица, ты изъ какой земли?

Кто породилъ тебя, кто возлелѣялъ?

ВЛАСЬ.

Меньшая дочка, Марья.

ВОЕВОДА.

Вы обманомъ,

Холопы, смерды, обошли меня:

Похуже сбыть товаръ такъ воеводѣ,

Получше дома приберечь. Я знаю

Купецкую замашку. Ты мнѣ ворогъ,

Ты плутовствомъ живешь, обманнымъ дѣломъ!

ВЛАСЬ.

Помилуй, осударь, мы безъ обману,

По старшинству, Прасковью выдавали, —

Таковъ у насъ обычай.

ВОЕВОДА.

Я Прасковью

И видѣть не желаю, врозь все дѣло!

И Марью я не выпущу изъ рукъ!

Отдайте мнѣ ее! Ее отдайте!

Ее хочу, ее беру, отдайте!

Я васъ озолочу.

ВЛАСЬ.

Твоя есть воля.

Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

НАСТАСЬЯ.

Да что ты! Что ты! Гдѣ жъ такой порядокъ?

Да нешто водится?

ВОЕВОДА.

Уйми жену!

ВЛАСЬ.

Да какъ унять, что дѣлать съ ней, бояринъ?

Бью походя, околотилъ всѣ руки.

Настасья, слушай! Милъ тебѣ, аль нѣтъ

Свѣтъ бѣлый, вольный? Молви только слово

Противное, убью тебя до смерти!

Молчи, да въ ноги кланяйся за милость!

Благодаримъ за честь.

(Кланяются.)

ВОЕВОДА.

Такъ рукобיתье?

ВЛАСЬ.

Приказывай; велишь — сейчасъ ударимъ.

ВОЕВОДА.

Пойдемъ въ хоромы, тамъ и порѣшимъ.

(Настасья) Веди невѣсту, при огнѣ посмотримъ,

Здѣсь темно стало. Дѣвица-краса,

Ты не слези свои соколы очи,

Ты не труди свою лебяжью грудь!

Не на горе ко мнѣ пойдешь, на радость.

(Всѣ уходятъ, кромѣ шута, который остается на крыльцѣ. Выходятъ Бастрюковъ и Рѣзвый).

ЯВЛЕНИЕ VII.

БАСТРЮКОВЪ, РѢЗВЫЙ и ШУТЬ.

Ахъ, старый пѣсь! Ты слышалъ, РѢзвый?

РѢЗВЫЙ.

Слышалъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Вѣдь дѣло дрянъ.

РѢЗВЫЙ.

Бѣда ума прикупить.

Ты не кручинься, какъ нибудъ поправимъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Поправить нечѣмъ, надобно украсть.

РѢЗВЫЙ.

И я про то же. Лишь бы показалась—

Ужъ только здѣсь и видѣли ее.

БАСТРЮКОВЪ.

Да выдетъ ли?

РѢЗВЫЙ.

Да сердце не утерпѣть.

Урвется какъ нибудъ на малый часъ

Хоть на прощаньи вскользь словечко бросить.

ШУТЬ.

Ай молодцы! Веселые ребята!

Ну, какъ теперъ: явить ли воеводѣ,

Да и накрыть удалыхъ молодцовъ?

Иль зло сорвать — продать его, собаку,

Да послужить ребятамъ удалымъ?

Нѣтъ, лучше къ дядѣ. Онъ за эту службу

Не пожалѣетъ горсти серебра.

(Уходитъ.)

БАСТРЮКОВЪ.

Зѣвать не надо! Ты гляди да въ оба!

Всю ночь прождать, да только бѣ не съ пустыми

Руками намъ домой вернуться. Лучше

Не жить на свѣтѣ, вовсе не родиться!

А уступить нельзя, не мой обычай.

Т. СВИ. Отд. I.

РЪЗВЫЙ.

Никакъ и деть.

БАСТРЮКОВЪ.

Свисти.

(Ръзвый свищетъ. Марья Власъевна на крыльцѣ.)

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАСТРЮКОВЪ, РЪЗВЫЙ и МАРЬЯ ВЛАСЪЕВНА.

МАРЬЯ ВЛАСЪЕВНА.

Я, мой родной! Иду и ногъ не чую!

Спаси меня, спаси! Мнѣ все постыло,

Мнѣ лучше въ омутъ, чѣмъ назадъ въ хоромы:

Отецъ родной и матушка родима

И продали, и пропили меня.

БАСТРЮКОВЪ.

Да гдѣ ты?

МАРЬЯ ВЛАСЪЕВНА.

Здѣсь! Боюсь идти въ потемкахъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Свисти въ другой. (Ръзвый свищетъ.) Чего со мной бояться?

Душа моя, голубка, полегоньку

Мы на рукахъ тебя снесемъ до лодки,

(Тынъ разбирается.)

Да и прощай, и поминай, какъ звали.

(Входятъ Воевода, Власъ, Настасья, шутъ и слуги съ фонарями.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ, МАРЬЯ ВЛАСЪЕВНА, РЪЗВЫЙ, ВОЕВОДА, ШУТЪ, ВЛАСЪ, НАСТАСЬЯ, слуги.

ШУТЪ.

Держите!... Воры!

РЪЗВЫЙ.

Осударь, спасайся!

БАСТРЮКОВЪ.

Авось пробьемся. Мнѣ свою голубку
Неужто бросить!

ВОЕВОДА.

Бросишь по неволѣ.

И радъ бы взять, да руки не достанутъ.
Вяжите ихъ!

РѢЗВЫЙ (вынимаетъ саблю).

Поди-ко, сунься кто!

(Всѣ отступаютъ. Бастрюковъ и Рѣзвый отходятъ
къ тыну.)

БАСТРЮКОВЪ.

Прощай, касатка, не моя — чужая!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ну да, чужая. Пусть владѣетъ силой,
Ни ласки онъ, ни слова не дождется.
Мнѣ что сказать, мнѣ чѣмъ тебя утѣшить?
Ему не я, а красота нужна,
Такъ пусть же силой насъ и обвѣнчаютъ,
Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ; я буду
Какъ мертвая.

ВОЕВОДА.

Такъ вотъ, Степанъ Семенычъ,
Ты по какимъ дѣламъ пошелъ?

БАСТРЮКОВЪ.

Ошибся,

Ты не узналъ, я не Степанъ Семенычъ. (Бастрюковъ и слуги
входятъ въ лодку).

ВОЕВОДА.

Эй! Люди! Въ лодки, да въ погоню живо!

ОДИНЪ ИЗЪ СЛУГЪ.

Что было лодокъ, всѣ поотвязали
И по водѣ пустили. Не въ чемъ ѣхать.

РѢЗВЫЙ.

Поѣдемъ тихо и пѣшкомъ догонишь.

ВОЕВОДА.

Смотри, куда поѣдутъ — вверхъ по Волгѣ,
Иль внизъ?

СЛУГА.

Ни вверхъ, ни внизъ, даются въ рѣку;
Не видно стало, обняли потемки.

НАСТАСЬЯ.

Вотъ видѣли, какъ дѣвокъ-то воруютъ!
Вотъ погляди! А какъ за ней усмотришь!

ВОЕВОДА.

Украсть хитро, какъ сторожей поставлю!

НАСТАСЬЯ.

Да просто такъ, возьмутъ да и украдутъ.
Не надивлюсь, когда они спознались.

ВЛАСТЬ.

А вотъ пойдемъ, притянемъ всѣхъ къ допросу,
Всѣхъ нянекъ, мамокъ, спросимъ и ее.
Эй, заберите тынъ, да подоприте
Его путемъ! Всю ночь ходить дозоромъ!

ВОЕВОДА.

Ну, мы ее побережемъ покрѣпче.
Ко мнѣ, въ мой домъ ее перевезите,
Что на посадѣ, онъ пустой стоитъ;
Тамъ не украдутъ; пусть живетъ до свадьбы.

НАСТАСЬЯ.

Какъ хочешь самъ, а мнѣ не убережь.
Оно и лучше—отъ бѣды подальше.
Иди домой! Ахъ, батюшки, нейдетъ. (Толкаетъ, та попенного
подвигается).

ВОЕВОДА.

Упрямится. Дай время — обойдется.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Сѣни въ домѣ Бастрюкова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.
РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ.
РѢЗВЫЙ.
КУБАСЬ.
ШИПИГА.
БУРЫЙ.
ЗОРЕА.

ЯВЛЕНИЕ I.

БУРЫЙ и ЗОРЯ (настроивает гусли).

ЗОРЯ.

Давно у насъ старый бояринъ въ Москву уѣхалъ?

БУРЫЙ.

За недѣлю русальной, да поста недѣля, вотъ и считай.

ЗОРЯ.

А надолго?

БУРЫЙ.

А кто его знаетъ. Челобитную повезъ въ Москву на воеводу, такъ, вѣстимо, скоро не выпустятъ; да онъ масла на всякій случай съ собой повезъ.

ЗОРЯ.

Зачѣмъ?

БУРЫЙ.

Экой ты какой! Въ Москвѣ даромъ дѣла не дѣлаютъ. Подъячихъ маслить. Съ порожними руками съ судьей не сговоришь; судиться—не Богу молиться, поклономъ не отдѣлаешься. Подъячимъ, братъ, житье лучше нашего скоморошьяго. Съ правымъ дѣломъ бояринъ-то поѣхалъ, а подъячимъ-то приданого на трехъ возахъ повезли; а воевода отъ себя на четырехъ поминки шлетъ, чтобъ не забыли. Самъ, дескать, кормлюсь, да и васъ покармливаю.

ЗОРЯ.

И много же на воеводу челобитчиковъ!

БУРЫЙ.

Да, почитай, весь городъ.

ЗОРЯ.

Круто ему будетъ.

БУРЫЙ.

Баба ворожила, да на двое положила. Чья мощна туже, та и перетянетъ.

ЗОРЯ.

Что Степанъ Семенычъ долго не ѣдетъ; а я ужъ гусли наладилъ. Садись да играй.

бурый.

Да съ кѣмъ онъ поѣхалъ?

зоря.

Рѣзвый съ нимъ, да еще Кубасъ съ Шишигой.

бурый.

Ну такъ пріѣдутъ, да не скоро. Они теперь рыщутъ, черн
бобра ищутъ. Привезутъ ли, нѣтъ ли, соболя въ сафьянныхъ че
ботахъ, кунку въ шубкѣ.

зоря.

А мы и повеселимъ, чтобъ на новомъ мѣстѣ не скучно бы
ло (поетъ).

Ужъ и что же вы, ребята, пріуныли?

Аль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

(Входятъ: Бастрюковъ, Рѣзвый, Кубасъ и Шишига.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣже, БАСТРЮКОВЪ, РѢЗВЫЙ, КУБАСЪ и ШИШИГА.

БАСТРЮКОВЪ (садится).

Душа горитъ, на части сердце рвется

Ретивое. Куда ты подѣвалась

Моя удача, мой таланъ да счастье?

Аль пріугасла, али закатилась

Звѣзда моя несчастная?

рѣзвый.

Бояринъ,

Степанъ Семенычъ! Выпей хоть маленько,

Облей ты, окати свое сердечко,

Повеселѣе будетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

На роду ли

Мнѣ такъ написано, аль доля вышла

Спознаться съ горемъ. Вѣтру не развѣять

Тоски, кручины. Ройте мнѣ могилу,

Дубовую колоду приготовьте,

Желтымъ пескомъ засыпьте!

рѣзвый.

Насъ живыми

Зарыть въ могилу надо, что доводимъ
Тебя до этакой кручины.

БАСТРЮКОВЪ (встаетъ).

Слуги

И челядинцы вѣрные мои!
Я васъ кормилъ и жаловалъ и тѣшилъ,
Съ плеча дарилъ свое цвѣтное платье —
Хоть въ жизни разъ и вы меня потѣшите!
Я въ ноги вамъ ударю, доставайте
Мнѣ Марью Власьевну!

Рѣзвый.

Робята, надоть

Хоть умирать, а доставать. Потѣшимъ
Боярина. Вели, Степанъ Семенычъ,
Мнѣ слово молвить.

БАСТРЮКОВЪ.

Молви.

Рѣзвый (кланяется въ ноги)

Головы

Повинной не сѣкутъ, не рубятъ. Прежде
Ты выслушай, потомъ казни, какъ знаешь.
Хоронится у насъ отъ воеводы
Романъ Дубровинъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Вѣдомаго вора

Во дворъ пустили. Воровской притонъ
Здѣсь завели. А ну, какъ вдругъ нагрянуть
Да вора вымутъ на моемъ дворѣ!
Въ отвѣтъ я. По грамотѣ царевой,
И головой и животомъ отвѣчу,
Помѣстья отберутъ на государя
За ваше воровство!

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ,

Не воръ Дубровинъ. Тѣмъ и провинился,
Что жилъ богато, да жена красива;
Да такъ красива, что другой на свѣтѣ
И не найдется. Въ тѣ поры напрасно
Его томилъ въ острогѣ воевода —
Все денегъ вымогалъ. Сбѣжалъ Дубровинъ,

Такъ онъ въ тюрьму его хозяйку вкинулъ;
И ночи тамъ она не почевала,
Къ себѣ въ опочивальню перевелъ.
Въ бѣгахъ былъ съ годъ Дубровинъ, вотъ вернулъ ся;
Сгрустнулось, повидаться захотѣлось
Съ женою.

БАСТРЮКОВЪ.

Гдѣ же она?

Рѣзвый.

У воеводы.

БАСТРЮКОВЪ.

Такъ вы его пустили?

Рѣзвый.

Да боится

Къ чужимъ пристать. Да что жь, Степанъ Семенычъ,
Пускай живетъ; у насъ его не сыщутъ;
А взыщутся, такъ мы тогда спровадимъ,
И слѣдъ простымъ; а насъ хоть жги огнями
И знать не знаемъ, слыхомъ не слыхали.
А ужъ куда на выдумки гораздой!
Вели позвать. Умъ хорошо, два лучше,
Потолковать бы съ нимъ о нашемъ дѣлѣ,
Худаго не придумаешь.

БАСТРЮКОВЪ.

Зови!

Рѣзвый.

Кубась, бѣги! Да ты найдешь?

КУБАСЬ.

Пошарю,

Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщикъ (уходитъ).

Рѣзвый.

Горе-то убило

Теперь его, а ужъ куда затѣйникъ—
Что слово скажетъ, то рублемъ дарить.

БАСТРЮКОВЪ.

Послушаемъ. Крестами помѣняюсь,
Коли бѣду мою бобами разведетъ,
Печаль-тоску на радость поворотить.

РѢЗВЫЙ.

Кромя его и не кому.

БАСТРЮКОВЪ.

Посмотримъ (входитъ Дубровинъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣже и ДУБРОВИНЪ.

ДУБРОВИНЪ.

Здорово, осударь, Степанъ Семенычъ!

БАСТРЮКОВЪ.

Живешь давно, а глазъ своихъ не кажешь
Хозяину. У насъ такихъ порядковъ
Не водится межъ добрыми людьми.

ДУБРОВИНЪ.

Да по что я тебѣ? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришелъ не въ гости, ни съ добромъ, ни съ худомъ,
Пришелъ по тиху и уйду по тиху,
А за постой скажу тебѣ спасибо!
Зачѣмъ покликалъ?

БАСТРЮКОВЪ.

Дѣло есть, Дубровинъ.

Тебѣ не боязно?

ДУБРОВИНЪ.

Чего бояться?

БАСТРЮКОВЪ.

Велю связать, да къ воеводѣ.

ДУБРОВИНЪ.

Шутишь!

Я пуганый, меня не испугаешь.

БАСТРЮКОВЪ.

И то шучу. И волосомъ не тронуть,
Пока ты здѣсь. Вотъ Богъ тебѣ порука.

ДУБРОВИНЪ.

Да я тебѣ и безъ божбы повѣрю.

БАСТРЮКОВЪ.

Нужна послуга.

Одобрено и утверждено
3049 23/11 1937

ДУБРОВИНЪ.

Будетъ ли подь силу?

БАСТРЮКОВЪ.

А есть охота?

ДУБРОВИНЪ.

Твой слуга, бояринъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Не ждалъ бѣды, сама бѣда сыскалась,
Тужить не думалъ, довелось тужить.

ДУБРОВИНЪ.

За что, про что сыръ боръ горить?

БАСТРЮКОВЪ.

За дѣвку!

Въ рукахъ была, да отняли изъ рукъ.

ДУБРОВИНЪ.

Здѣсь дѣвушки по денежкѣ.

БАСТРЮКОВЪ.

Не купишь

И тысячей. Слыхалъ ли ты про Власа
Дюжова?

ДУБРОВИНЪ.

Ктожь его не знаетъ, плута,

Лисицу старую!

БАСТРЮКОВЪ.

А дочекъ видѣлъ?

ДУБРОВИНЪ.

Чтобъ не солгать, разъ съ десять доводилось.

Молва идетъ: не знаю, правда, нѣтъ ли?

Прасковью Власьевну за воеводу

Просватали. Ужель, Степанъ Семенычъ,

Я молвлю не въ укоръ, ее жалѣешь?

Похаять нечего, съ лица красива,

Собой статна, а все же кусъ не твой;

Пухла, лѣнива, слова не дождешься.

Я не тебѣ чета, а не польщуся.

Вотъ Марья Власьевна совсѣмъ другая,

Какъ не родныя точно.

БЮСТРЮКОВЪ.

Про нее-то

И говорю, ее-то и жалѣю;
Мы по любви сошлись и столковались.

ДУБРОВИНЪ.

Чего жь жалѣть-то? Сватайся порядкомъ,
Не отдадутъ, возьми безъ позволенья.

БАСТРЮКОВЪ.

Такъ и задумалъ.

ДУБРОВИНЪ.

Ну!

БАСТРЮКОВЪ.

Да помѣшали.

Я за руку, а за другую...

ДУБРОВИНЪ.

Кто же?

БАСТРЮКОВЪ.

Все онъ же, воевода.

ДУБРОВИНЪ.

Не татаринъ,

Не женится на двухъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Да онъ раздумалъ

Прасковью взять. Какъ увидалъ меньшую,
Такъ подавай ее, а ту не надо.

Во дворъ беретъ беречь, чтобъ не украли.

ДУБРОВИНЪ.

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

БАСТРЮКОВЪ.

Что уступить, что заживо въ могилу!

Мнѣ жизнь, не въ жизнь! Безчестье-то безчестьемъ,

Да каково, слюбившись, разставаться;

Любовь-то не пожаръ, а загорится,

Такъ не потушишь.

ДУБРОВИНЪ.

Не сложить же руки,

Не плакать стать; слезами не поможешь.

Подумать, да за дѣло.

РѢЗВЫЙ.

Въ добрый часъ!

ДУБРОВИНЪ (оглядываясь).

Повыстудить бы избу. Лишнихъ за дверь.

Останься, РѢЗВЫЙ, ты не помѣшаешь.

БАСТРЮКОВЪ (слугамъ).

Въ сѣняхъ постойте, подождите зову.

ДУБРОВИНЪ.

Бояринъ, я пришелъ не даромъ. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.

Взаймы жену, безъ спросу, люди взяли:

Просить по чести — самого посадятъ,

Что вѣкъ не выльзешь. Одно осталось —

Свое добро у вора воровать.

Давай ужь вмѣстѣ! Первымъ дѣломъ надо,

Чтобъ воевода выѣхалъ дня на два,

Хоть за охотой, хоть на богомолье.

БАСТРЮКОВЪ.

Какъ выживешь его?

ДУБРОВИНЪ.

Ужь наше дѣло.

Мизгирь для насъ уладить.

РѢЗВЫЙ.

Воевода

Безъ Мизгирия ни шагу. Ужь давно бы

Его казнить пора за чародѣйство,

А онъ въ тюрьмѣ томить; да днемъ ли, ночью ли,

Во всякой часъ къ себѣ въ покои водить,

По книгамъ смотреть, въ шестоккрыль и въ рафли.

Мизгирь что скажетъ, то и свято.

ДУБРОВИНЪ.

Завтра

Пошли въ тюрьму колодникамъ на хлѣбъ,

А Мизгирию особо. Отъ Романа

Молъ прислано.

БАСТРЮКОВЪ.

Чѣмъ свѣтъ пошлю Кубаса.

РѢЗВЫЙ.

Я самъ схожу.

ДУБРОВИНЪ.

Намъ только большака-то

Долой бы съ глазъ, а челядь наша будетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Ну ладно. Дѣлай! Денегъ ли, людей ли

Бери, что нужно.

РѢЗВЫЙ.

Ты, Степанъ Семенычъ,

Опочивай, ложись! Не думай; утро
Помудренѣ вечера бываетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Не къ смерти грѣхъ. Вели-ко дать медку!
Мнѣ не впервой гулять до бѣла свѣта.

(РѢзвый уходитъ).

Ты гдѣ бродилъ?

ДУБРОВИНЪ.

Не клиномъ свѣтъ сошелся.

БАСТРЮКОВЪ.

Гулялъ по Волгѣ?

ДУБРОВИНЪ.

Волей и неволей,

Въ бурлакахъ...

БАСТРЮКОВЪ.

И въ удалыхъ молодцахъ?

ДУБРОВИНЪ.

Всего бывало.

БАСТРЮКОВЪ.

И большой дорогой

Въ ночь темную?

ДУБРОВИНЪ.

Придетъ пора, покаюсь.

Ни ты чернецъ, ни мнѣ конецъ, бояринъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Здѣсь слухъ прошелъ про Худояра. Слышалъ?

ДУБРОВИНЪ.

Слыхать слыхалъ.

БАСТРЮКОВЪ.

А можетъ и видалъ?

Такъ правда ли, что онъ народъ не грабилъ
И рукъ не кровянилъ; а на богатыхъ
Кладетъ оброкъ, служилыхъ да подъячихъ
Не жалуетъ, и насъ дворянъ помѣстныхъ
Пугаетъ крѣпко?

ДУБРОВИНЪ.

Ты его боишься?

БАСТРЮКОВЪ.

Мнѣ что бояться, я живу по правдѣ.

ДУБРОВИНЪ.

Такъ что жъ тебѣ?

БАСТРЮКОВЪ.

Да поглядѣть охота.

ДУБРОВИНЪ.

Зачѣмъ, бояринъ?

БАСТРЮКОВЪ.

Удалъ заставляеть.

ДУБРОВИНЪ.

Не спятишься?

БАСТРЮКОВЪ.

Не пятился ни разу.

Я самъ удалъ и молодцовъ люблю.

ДУБРОВИНЪ.

Поѣдемъ завтра.

БАСТРЮКОВЪ.

Ладно. Рѣзвый, живо!

(Входятъ Рѣзвый, Кубасъ, Шишига, Зоря, Бурый и слуги).

Вина давайте, меду. Пѣсни пойте!

Дымъ коромысломъ! Съ гора загуляли,

А съ радости опохмѣляться будемъ.

Зоря и слуги (поютъ).

Ужъ и полно намъ, робята, чужо пиво пити,

Не пора ли намъ, робята, свое затирати.

Солодъ молодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ.

Ужъ и что же вы, робята, приуныли!

Аль у васъ, робята, денегъ нѣту?

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВОЕВОДА.
 НЕУСТРОЙКО.
 НАСТАСЬЯ.
 МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
 ВДОВА УЛЬЯНА.
 МИЗГИРЬ, колаунъ.
 ОЛЕНА, жена Дубровина.
 ГРИШКА ЖИЛКА.
 ШУТЬ.
 ПРИСЛУГА И СТРАЖА. Женщины и дѣвки.

Свѣтлица въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВОЕВОДА и НЕУСТРОЙКО (входятъ), за ними одинъ слуга.

ВОЕВОДА (садится).

Согнать ко мнѣ всю дворню! (слуга уходитъ). Всѣ покои
 Прибрать! Послать ковры! Завѣсы къ окнамъ
 Тафтяныя повѣсить съ кружевами!
 Чтобъ былъ полавочникъ на каждой лавкѣ!
 Столы сукномъ завѣсить! Жениховы
 Мои подарки въ теремѣ поставить:
 Ларцы и зеркала, бѣлила, перстни
 И мыла всякія, и всѣ покупки
 И рухлядь всю разставить и развѣсить
 Лицомъ на поглядѣнье!

НЕУСТРОЙКО.

Все готово

Для дорогихъ гостей, всего запасно.
 Посадимъ съ честью и накормимъ сыто.

ВОЕВОДА.

Не на день гости къ намъ.

НЕУСТРОЙКО.

Да хоть бы на годъ!

(Входят прислужники обоего пола и кланяются; межъ ними Олена)

ВОЕВОДА.

Я жалую васъ милостью боярской:
Не красенъ домъ, не веселье господину,
И слугамъ сиротливо безъ хозяйки
Боярыни. Благословенъ Божимъ
И нашимъ счастьемъ, мы нашли дѣвицу
Себѣ по мысли, и понять желаемъ
Себѣ въ жену, вамъ въ мать и госпожу.

НЕУСТРОЙКО.

Часъ добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина. (Кланяются въ ноги).

ВОЕВОДА.

Теперь пока до свадьбы
Я этотъ домъ со всѣмъ добромъ и съ вами
Невѣстѣ отдаю.

НЕУСТРОЙКО.

Опять ударьте
Челомъ ему на милости боярской
И слушайте наказъ.

ВОЕВОДА.

Наказъ короткой —
Служить боярынѣ, какъ мнѣ, со страхомъ
И вѣжествомъ, въ грозѣ и береженьи,
Не красть, не лгать, отъ всякаго безчинства
И пьянаго питья блюстись всемирно!
Все это присказка, а вотъ и сказка!

(Встаетъ).

Чтобъ день и ночь ворота на запорѣ!
Чтобъ день и ночь кругъ дома сторожа!
Чтобъ ни къ кому приходу, ни подсылу!
Чтобъ сѣннымъ дѣвкамъ изъ воротъ ни шагу!
На портомой водить за карауломъ
Не часто! Слово каждое и дѣло
Чтобъ было мнѣ доподлинно извѣстно!

Не только вѣсти въ домъ, или изъ дому
Не проносить; а птица прилетѣла
Съ чужихъ хоромъ, чтобъ мнѣ про это вѣдать!
Я батовъ для васъ не пожалѣю
За малую оплошку; за большую
Казненнымъ быть нещадно скорой казною.

НЕУСТРОЙКО.

Челомъ боярину и вонъ ступайте.

(Кланяются и уходятъ, кромѣ Олены).

ЯВЛЕНИЕ II.

ВОЕВОДА, НЕУСТРОЙКО и ОЛЕНА.

ВОЕВОДА.

Олена! (Олена останавливается). Ты все волкомъ къ лѣсу смотришь.

Змѣей шипишь. Пора бы уходитьсь,
Забыть про вора мужа.

ОЛЕНА.

Не забуду,

Пока жива.

ВОЕВОДА.

Кто на тебя посмотреть
Со стороны, такъ скажетъ, что зарѣзать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на насъ, а на душѣ, кто знаетъ,
Чтò у тебя.

ОЛЕНА.

Да что кому за дѣло,
Какъ я гляжу? Я лучше не умѣю.
Живу покорно, голову поклонно
Держу передъ тобой; что ни заставишь,
Я дѣлаю, не выхожу изъ воли.
Чегожь тебѣ?—

ВОЕВОДА (Неустройкѣ).

Стеречь ее покрѣпче,
Чтобъ не сбѣжала какъ съ двора.

ОЛЕНА.

Кто? Я-то?

Куда сбѣжать? Подумай! Многоль мѣста
 Ты мнѣ оставилъ? Домъ стоитъ покинуть
 И раззоренъ по милости твоей,
 И дворъ заросъ. А гдѣ Романъ гуляетъ,
 Гдѣ буйною головушкой качаетъ,
 Печетъ ли солнце, дождикъ ли сѣчетъ
 Ясного сокола, въ живыхъ ли, нѣтъ ли,
 И я не знаю, да и ты не знаешь.
 Куда жъ бѣжать? Ужъ развѣ на погостъ—
 Надъ матушкой повыла-бъ, что на горе,
 На муку зародила, да взглянула,
 Хоть издали, на домъ пустой, да въ Волгу;
 Да грѣхъ великъ. Ужъ я у васъ останусь
 Рабой твоей до гробовой доски.
 Да буду ждать, чѣмъ насъ Господь разсудитъ
 Съ тобой. (Уходитъ).

НЕУСТРОЙКО.

Нѣтъ звѣря злой жены лютѣ.

Бояринъ, Мизгиря пригнали.

ВОЕВОДА.

Кликни.

НЕУСТРОЙКО (въ двери).

Ведите! (стража вводитъ Мизгиря)!

ЯВЛЕНІЕ III.

ВОЕВОДА, МИЗГИРЬ, НЕУСТРОЙКО и стража.

ВОЕВОДА.

Расковать (расковываютъ). За дверью станьте!

(Стража и Неустойко уходятъ).

Поди сюда.

МИЗГИРЬ.

Что хочешь, господине?

Почто извлекъ изъ смрадныхъ темницы?

Почто труждаешь?

ВОЕВОДА.

Адово исчадье!

Слуга ты дьявольскій! Не въ трудъ, а въ милость

Себѣ поставь боярскую послугу:
Потоль ты живѣ, пока въ тебѣ нужда есть.
Мигну, и духу твоего не будетъ
Поганаго, и вороны не сыщутъ
Костей. Пошлю къ Москвѣ, тамъ судъ коротокъ —
Не волоча, сожгутъ тебя живаго
За волховство.

МИЗГИРЬ.

Нѣсть власти надо мною
Въ твоихъ рукахъ. Написана мнѣ въ книгахъ
Другая смерть. Суда не испугаюсь!
На гадинѣ я ѣду, погоняю
Ужомъ, самъ дюжъ, судей своихъ объѣду.
Судъ по суду, вѣкъ по вѣку ведется.
Посѣю макъ, разыдутся всѣ судьи.
Лишь тѣ сидятъ, что на меня глядятъ,
Меня ѣдятъ, да несѣдятъ — не смогутъ;
Медвѣжій ротъ имѣю, волчьи губы,
Свинные зубы. (Молчаніе). Отъ меня не скроешь
Своей души. Зачѣмъ позвалъ, я знаю,
Не сказывай. Бѣсъ падохъ на сѣдины,
А старый глазъ завистливъ. Что увидѣлъ,
То и подай. Охъ, трудно дѣло, трудно!
Ты къ ней лицомъ, она къ тебѣ затылкомъ!
Ха, ха, ха, ха! Не знаю, какъ осилю,
Попробую. Вели вина и меду
Подать сюда.

ВОЕВОДА (свиститъ. Входитъ Неустройко).

Подай вина и меду.

МИЗГИРЬ (развертываетъ книгу).

Въ отъѣздъ тебѣ изъ городу, дня на два.
А не уѣдешь, ничего не будетъ.
Вся сила въ томъ. Пускай она тоскуетъ
И сохнетъ по тебѣ. Какъ меду выпьетъ,
Сейчасъ тоска ее обыметъ, станетъ
Всѣхъ спрашивать: да скоро ль онъ пріѣдетъ,
Мой милъ сердечный другъ?

ВОЕВОДА.

Куда жъ бы ѣхать?

МИЗГИРЬ.

Сходи пѣшкомъ въ Лѣсную пустынь, на боръ.

ВОЕВОДА.

Инь ладно. Тамъ и звѣря погоняемъ
Денекъ, другой.

(Неустройко вноситъ вино и медъ).

МИЗГИРЬ.

Давай вино, я выпью.

(Пьетъ).

А медъ поставь на столъ.

ВОЕВОДА.

А самъ ступай

За двери.

МИЗГИРЬ (приговариваетъ надъ медомъ).

На морѣ, на океанѣ,

На каменномъ на островѣ Буянѣ

Лежитъ доска, на той доскѣ тоска

И корчится, и ёжится, и бьется,

Съ доски да въ воду, изъ воды въ огонь,

А изъ огня выходитъ чортъ и вопить:

Бѣги скорѣя, пава Романея,

Ты дуй тоску рабѣ Маріи въ кости

И въ тѣло бѣлое и въ черну печень

И въ сердце ретивое! Шалда, калда!..

ВОЕВОДА.

Ступай и жди награды по заслугѣ.

Не жалъ мнѣ денегъ, только бы сбылось

(Свищеть. Входитъ Неустройко и стража).

Сковать и свести въ тюрьму!

(Мизгира уводятъ).

НЕУСТРОЙКО.

Къ тебѣ, бояринъ,

По твоему посылу и приказу,

Вдова Ульяница.

ВОЕВОДА.

Зови скорѣе!

НЕУСТРОЙКО.

Поди, не бойся (входитъ Ульяна). Стань вотъ такъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ВОЕВОДА, УЛЬЯНА и НЕУСТРОЙКО.

ВОЕВОДА.

Ульяна!

Ты слушай въ оба! Не по чести мѣсто
 Тебѣ даю. Боярскіе хоромы
 Велика честь для васъ, людишекъ малыхъ —
 Ты это чувствуй. Ты сиротскимъ дѣломъ
 День за день бьешся. У меня въ почетѣ
 И въ холѣ будешь. Вся твоя забота
 Беречь боярышню, отъ ней ни шагу
 Не отходить. Какія будутъ рѣчи
 Межъ вами, сказывай! А бабъ и дѣвокъ
 Не допускай къ боярышнѣ съ рѣчами,
 Блюда за ними крѣпко. Все, что нужно,
 Черезъ тебя чтобъ шло, никакъ не мимо.
 Послужись честно, честно и отпустимъ
 Съ большимъ надѣломъ деньгами и платьемъ,
 И замужъ выдамъ.

ульяна.

Не трудна работа
 И много милости. Продли Богъ вѣку
 Тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Сиротинку
 Не забываетъ.

ВОЕВОДА.

Дѣло-то, я знаю,
 Тебѣ по сердцу. Нравомъ ты свирѣпа,
 Глядишь медвѣдемъ, ни грозой, ни лаской
 Ни чѣмъ не взять. Пили тебя на части —
 Ты все свое. Ежовою щетиной
 Ты обросла кругомъ. Не надо бѣса,
 Когда ты здѣсь. Мнѣ того и нужно.
 Ступай! (Неустройкѣ). Отдай ей медъ. (Неустройко подаетъ)

Когда попросить

Испить боярышню, ты дай ей меду,
 Что въ этой чаркѣ, да проси о всей.

(Ульяна и Неустройко уходятъ. Входитъ Жилка).

ЯВЛЕНИЕ V.

ВОЕВОДА и ЖИЛКА.

ВОЕВОДА.

Откуда ты?

ЖИЛКА.

Изъ погреба.

ВОЕВОДА.

Треклятый,

Какъ чортъ занесъ на погребъ?

ЖИЛКА.

Посадили.

Въ гостяхъ гостилъ у Бастрюковыхъ.

ВОЕВОДА.

То-то

И не видать тебя.

ЖИЛКА.

Голодной смертью

Околѣвалъ-сидѣлъ и кнутѣмъ били.

А на тебя, бояринъ, челобитье

Написано, и услао къ Москвѣ.

ВОЕВОДА.

А кто писалъ?

ЖИЛКА.

Да я.

ВОЕВОДА.

Съ ума ты спятилъ!

Или объ двухъ ты головахъ?

ЖИЛКА.

Напишешь

И на себя, какъ по бокамъ съ плетями

Съ ордынскими стоять.

ВОЕВОДА.

А кто поѣхалъ?

ЖИЛКА.

По выбору послали. Съ Бастрюковымъ

Поѣхали. И онъ въ Москву.

ВОЕВОДА.

Ну съ Богомъ!

Широкій путь.

ЖИЛКА.

Романъ Дубровинъ близко.

ВОЕВОДА.

И знаешь, гдѣ?

ЖИЛКА.

У Бастрюковыхъ.

ВОЕВОДА.

Точно?

ЖИЛКА.

Хоть умереть, на мѣстѣ провалиться!

ВОЕВОДА.

А вотъ, дай срокъ, схожу на богомолье,
Нагрянемъ къ нимъ.

ЖИЛКА.

Про Худояра вѣсти.

ВОЕВОДА.

Хорошія?

ЖИЛКА.

Остановился станомъ

За пустыню. Осиновикъ—починокъ
Слыхалъ когда?

ВОЕВОДА.

Ну, вотъ и кстати будетъ,

А я иду туда на богомолье.

Бѣги скорѣй, вели собрать Баиму

Стрѣльцовъ своихъ и всѣхъ служилыхъ. Мигомъ

Лети къ нему: чтобъ нынче и въ походъ.

(Жилка кланяется въ ноги и уходитъ. Входитъ Неустройко).

НЕУСТРОЙКО.

Бояринъ, гости къ намъ.

ВОЕВОДА.

Бѣги на встрѣчу!

Чего-жь стоишь, какъ пень!

НЕУСТРОЙКО (у двери).

Прощенья просимъ,
Что у воротъ не встрѣлъ, позаглядѣлся.

(Кланяется. Входятъ: Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потомъ шутъ, Ульяна и женщины).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВОЕВОДА, НАСТАСЬЯ, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, НЕУСТРОЙКО, потомъ
ШУТЪ, УЛЬЯНА и ЖЕНЩИНЫ.

ВОЕВОДА.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здѣсь. Какъ спали, ночевали? (Цалуются).

НАСТАСЬЯ.

Зятекъ поклонистый, живемъ, покуда
Господь хранить.

ВОЕВОДА.

Садись въ передній уголь!

Хозяйкой будь.

НАСТАСЬЯ.

Хозяйка не садится,

Садись ты, гость.

ВОЕВОДА.

Не гость и не хозяинъ.

Хозяйка вотъ. Весь домъ со всѣмъ запасомъ

Ея теперъ, а я сюда до свадьбы

Не загляну. Живите, какъ хотите.

Для береженья, для услуги много

Дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Былъ женатый,

(Входитъ Ульяна и нѣсколько женщинъ).

Такъ нужны были, а вдовцомъ остался —

Куда ихъ дѣтъ? Хотѣлъ ужъ по осинамъ

Развѣшать ихъ, анъ вотъ и пригодились.

Вотъ и Ульяна, ей на мѣсто мамки.

НАСТАСЬЯ.

На всемъ спасибо! Только ты послушай,

Какое дѣло! Словно кто испортилъ
Ее у насъ. Бывало, день настанетъ —
Одну ее и слышишь: безъ умолку
Трещить, болтаетъ, прыгаетъ да скачетъ;
Теперь ни слова, точно какъ нѣмая,
И устъ не открываетъ, и ни шагу
Не сдѣлаетъ сама, толкнешь — идетъ.
Аль сглазиль кто?

ВОЕВОДА.

Отъ глазу и отъ порчи

Мы слово знаемъ. Молодо — стыдливо.
Глазамъ-то стыдно, а душой-то рада.
Дѣвичій стыдъ до мужнина порога,
Лиха бѣда порогъ переступить.

НАСТАСЯ.

Не то что стыдъ, а норовомъ такая.
Упрямится.

УЛЯНА.

Устанетъ — перестанетъ.

НАСТАСЯ.

Тоскуетъ, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвить ничего.

ВОЕВОДА.

Тоску прогонимъ

(Шутъ входитъ)

Забавами, да играми, да пляской,
Да пѣснями. Безсуднаго покличемъ.

ШУТЬ.

Здѣсь, дяденька.

ВОЕВОДА.

Тебя-то намъ и надо.

Шути, хвостомъ верти, хоть бѣсомъ корчись,
Да только тѣшь! А я домой поѣду.
Хочу пѣшкомъ сходить на богомолье,
Благословиться. Крѣпче дѣло будетъ.
Да говорятъ, кругъ города удалыхъ
Поразвелось, такъ надо попугать ихъ.
Дня два проходимъ, да честнымъ пиркомъ
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не надолго прощаемся съ тобой,

Немного дней пройдетъ до нашей свадьбы,
 Но каждый день протянется мнѣ годомъ:
 Я ночью буду утра дожидаться,
 Я утромъ буду вечеръ торопить.

НАСТАСЬЯ.

Убить бы день, а ночи не увидишь.

ВОЕВОДА.

Не крой лица, не прячь своихъ очей
 И ненаглядной красоты дѣвичьей,
 Дай наглядѣться, дай на разставанье
 Налюбоваться вдоволь про запасъ.

(Открываетъ покрывало и смотритъ на нее; она
 закрывается.)

Прощай-ко, тещинька.

НАСТАСЬЯ.

Прощай, зятекъ.

(Всѣ кланяются.)

ЖЕНЩИНЫ.

Въ святой-бы часъ, въ архангельской.

ВОЕВОДА.

Спасибо!

(Уходитъ съ Неустройкой).

ЯВЛЕНИЕ VII.

НАСТАСЬЯ, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, УЛЬЯНА, ШУТЬ и ЖЕНЩИНЫ.

ШУТЬ (прыгаетъ).

Ишь скачетъ какъ! Пыль-курево стоитъ.
 Прощай, бояринъ! Съ Богомъ по морозцу!
 Уѣхалъ дядя! Запили лохмотья,
 И загуляли лоскутки. Не страшно!
 Хоть пой, хоть плачь! Никто не сыметъ воли.

(Поетъ).

Ахъ ты бѣдный ёжъ,
 Горемычный ёжъ,
 Ты куда ползёшь,
 Куда ёжишься?

Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высокому терему,
Къ Марьѣ Власьевнѣ.

(Ѣжится и жметя къ Марьѣ Власьевнѣ, она его толкаетъ ногой).

Спѣсива ты, дерешься! А не знаешь,
Какъ бѣднаго ежа встрѣчаютъ? Слушай:

Какъ взяли ежа
Во высокій теремъ,
Какъ стали ежа
Цаловать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

УЛьяНА.

Пойдемъ-ко въ теремъ, погляди подарки
Боярскіе.

НАСТАСЬЯ.

Пойти. Чай то-то диво!

(Уходятъ всѣ кромѣ шута и Марьи Власьевны).

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (открываетъ покрывало и сердито смотритъ на шута).

Кабы не ты, гуляла-бъ я на волѣ.
Постылый песъ, тебѣ бы бѣса тѣшить!
Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя.

(Входитъ Уляна; она опять закрывается, ее уводятъ).

ШУТЪ.

Гляди-ко-сь! Вотъ такъ пылъ! Чуть живъ со страху!
Съ ковшемъ на брагу налетѣли, дядя!
Убилъ бобра! Нашла коса на камень!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДУБРОВИНЪ.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

РѢЗВЫЙ.

ПУСТЫННИКЪ.

ЩЕРБАКЪ, есаулъ.

КАУРЫЙ

ЗАЯЦЪ

ВОТРЯ

КАЛГА

ЕРГОЛЬ

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СВИТА ВОЕВОДЫ.

ПРОХОЖІЕ.

НИЩЕ и УБОГІЕ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

разбойники.

Лѣсистое ущелье: на лѣво гора, въ ней пещера; за горой оврагъ и рѣчка, которая поворачиваетъ въ глубину сцены; за рѣчкой гора, на ней сквозь лѣсъ видны стѣны монастыря; черезъ рѣку мостъ; съ правой стороны лѣсистая гора, по ней идетъ дорога къ мосту и потомъ подымается къ монастырю; подъ горой кусты и шалашъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

НИЩЕ на мосту. ПУСТЫННИКЪ идетъ съ ведромъ, съ рѣчки.
ПРОХОЖІЕ БОГОМОЛЬЦЫ идутъ по мосту къ монастырю.

НИЩЕ (поютъ на мосту).

Отчего начался у насъ бѣлый свѣтъ?

Отчего началось солнце красное?

Отчего начался младъ-свѣтель мѣсяцъ?

Отчего начались звѣзды частыя?

Отчего начались зори свѣтлыя,

Зори утреннія и вечернія?

ПУСТЫННИКЪ (ставитъ ведро подлѣ пещеры).

Года бѣгутъ; что день, слабѣютъ силы;

А немочи часть отъ часу сильнѣй.
 Настанетъ день, зайдетъ къ моей пещерѣ
 Убогій братъ; на окликъ нѣтъ отвѣта,
 Отворитъ дверь, и тлѣющія кости
 Отшельника увидитъ предъ собой.
 Сойдутъ съ горы, потупившись смиренно,
 Въ нѣмомъ молчаньи, братъ за братомъ старцы
 И съ пѣньемъ понесутъ меня въ обитель
 И честно похоронятъ и напишутъ
 Въ синодикъ имя Божьяго раба
 На память вѣчную. И у престола,
 Что день, поминъ по мнѣ твориться будетъ;
 Но все, что видѣлъ я, что самъ содѣялъ,
 Что я любилъ, что я покинулъ въ мірѣ—
 Со мной въ могилѣ быльемъ поростетъ (молчаніе).

(Уходитъ въ пещеру. Дубровинъ, Бастрюковъ и Рѣзвый подъѣзжаютъ на лодкѣ подъ мостъ и пристають къ берегу.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ДУБРОВИНЪ, БАСТРЮКОВЪ, РѢЗВЫЙ и ПУСТЫННИКЪ.

ДУБРОВИНЪ.

Тавань! Я вылѣзу, а вы плывите,
 Да въ тальникѣ и схоронитесь съ лодкой.
 На кликъ иди.

БАСТРЮКОВЪ.

Ну, ладно. Поплывемъ.

(Уплываетъ. Дубровинъ идетъ. Пустынникъ выходитъ).

ПУСТЫННИКЪ.

Ты здѣсь опять? Гуляешь на свободѣ?
 И не страшитъ тебя святое мѣсто,
 И не уймуть тебя земныя власти?

ДУБРОВИНЪ.

Не столько ловятъ, сколько насъ гуляетъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Ты живъ еще? Земля сырая терпитъ
 Твои грѣхи?

ДУБРОВИНЪ.

Ты видишь, живъ покуда.

Привѣтъ меня, отецъ, хорошимъ словомъ,
Благослови, а не кляни! Не сдѣлалъ
Тебѣ дурнаго я.

ПУСТЫННИКЪ.

Не мной то созданъ,

Не мной и судъ свершится надъ тобой,
Я не клянусь, а лишь молюсь и плачу
Да божьему дивлюсь долготерпѣнью.
Мнѣ жаль тебя! Мы оба бѣглецы.
Ты зломъ за зло, обидой за обиду
Грѣховному и суетному міру
Воздать желаешь; я молюсь о немъ.
Не обнажай меча! Мечемъ погибнетъ
Извлекшій мечъ. Живи со мной въ пещерѣ;
Ко мнѣ и звѣрь безтрепетно приходитъ,
А отъ тебя и человѣкъ со страхомъ
Отходитъ прочь.

ДУБРОВИНЪ.

Отецъ, ты въ мірѣ не живъ,

Мірской заботы—тяготы не знаешь.
Я Богу грѣшенъ, виноватъ царю,
Великъ мой грѣхъ, велико окаянство,
И радъ бы каяться, да не готова
Душа: въ міру есть счеты да приманки,
Да зло на человѣка мыслю, душитъ
Меня вражда, клещами горло давитъ.
У сердца моего кусокъ оторванъ.
Ты дай мнѣ срокъ, возьму мое родное,
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдамъ ему обиду. Пусть, собака,
Живетъ да бѣды на голову копить
До божьяго и царскаго суда.
Тогда покину вольную потѣху
И самохотную расправу. Слушай!
Вотъ видитъ Богъ, тебѣ обѣтъ кладу:
Построю монастырь; въ своемъ приходѣ,
Коль приведетъ Господь свой домъ увидѣть
И сызнова по старому зажить,

Украшу храмъ стѣннымъ писаньемъ новымъ.

Ни денежкой, неправо нажитою,

Не покорыстуюсь. Пришло неправдой —

Пойдетъ на дѣло.

ПУСТЫННИКЪ.

Смерть не за горами,

А за плечами. Легче не родиться,

Чѣмъ умереть, не помирившись съ Богомъ.

А вдругъ помрешь?

ДУБРОВИНЪ.

Туда мнѣ и дорога!

Своя вина, такъ по дѣломъ и мука.

Въ чемъ Богъ застанетъ, въ томъ меня и судить.

Не все же зло, и добраго не мало

Случалось дѣлать; сколько ни потянетъ,

Во что ни постановятъ, все же легче.

Ужъ мнѣ давно шатанье надоѣло,

Давно хочу покинуть ножъ булатный;

И грѣхъ большой, и впереди-то пытка,

Да кнутъ, что по заказу гнуть. Не сладко.

Душа просила, и въ умѣ бродило

Не смертное убойство, не разбой;

Мой норовъ крутъ, душа моя не терпитъ,

Когда большой молодшаго обидить,

Подвластнаго гнететъ да давить властный.

ПУСТЫННИКЪ.

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто же

Тебѣ дозволилъ стать надъ властью?

ДУБРОВИНЪ.

Сердце

Ретивое, что бьется—не уймется.

Неправый судъ царитъ на бѣломъ свѣтѣ,

Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;

Кто жъ застоитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?

Не мы, такъ кто жъ? Нѣтъ власти — есть охота.

Затѣмъ-то я тюремное сидѣнье

Смѣнялъ на боръ сырой. Про это горе

Я въ темну ночь надъ Волгой думу думалъ

И съ соловьями рѣчи говорилъ.

Да не нашелъ я по сердцу удалыхъ,

Все голъ кабацкая, убойцы, воры,
 Виномъ и кровью пьяные. По локоть
 Въ крови ихъ руки, головы похмѣльны,
 Я имъ не ровня; я затѣмъ и съ низу
 Привольнаго поближе къ дому приплылъ,
 Чтобъ бросить ихъ и сѣсть опять въ посадѣ,
 Лишь, далъ бы Богъ, смѣнился воевода.
 Ты не дивись, на бѣломъ свѣтѣ много
 Къ своимъ дворамъ, на царское тягло,
 Приходитъ нашей братьи. Поживають
 И въ усъ себѣ не дуютъ: кто торгуетъ
 На воровскія деньги, кто припряталъ.
 Другой, гляди, не два, не три убойства
 На плечахъ носить, да живутъ покойно,
 Никто не трогаетъ. Меня подавно
 Посадскіе не выдадутъ, подъячихъ
 Купить не дорого. А тамъ годочекъ,
 Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
 Живешь потиху, такъ въ разбоѣ старомъ
 Судить заказано, опричь убойства.
 А я не лгу, я рукъ не кровянилъ.

пустынникъ.

Ну, Богъ тебя благослови! Смотри же,
 Я буду ждать!

дубровинъ.

Приду, отецъ, и скоро.

(Пустынникъ уходитъ. Дубровинъ подходит къ шалашу. Выходитъ Щербакъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДУБРОВИНЪ и ЩЕРБАКЪ.

дубровинъ.

Гдѣ наши?

щербакъ.

Всѣ въ лѣсу разбродомъ бродятъ.

Велишь скричать?

дубровинъ.

Не надо.

ЩЕРБАКЪ.

Бережемся.

Поразошлись, кто съ кузовомъ на плечахъ
 Грибовъ да ягодъ ищетъ по опушкѣ,
 Другой къ слѣпымъ усѣлся на мостъ съ чашкой,
 Кто въ чашѣ, кто на острову на Волгѣ
 При лодкахъ, при запасѣ. Воевода
 Идетъ большой дорогой, цѣлой ратью,
 Близъ ста головъ, со всякимъ ратнымъ боемъ;
 Какъ на войну собрался, сбиль народу,
 Затинщиковъ, стрѣльцовъ и пушкарей;
 Пищали, бердыши несутъ, ослопы,
 Рогатины, луки и самопалы
 Звѣриные и весь запасъ воинской.
 Ужь не за нами ли?

ДУБРОВИНЪ.

Похоже дѣло.

ЩЕРБАКЪ.

Отвѣсть-бы въ сторону. Мы мужиченка
 Завертели въ лѣсъ съ дряннымъ возишкомъ,
 Съ мѣшкомъ муки; такъ наказаль я на мостъ
 Идти ему да плакать, воеводѣ
 Челомъ ударить: вотъ молъ, животишки
 Пограбили сегодня утромъ воры
 И поскакали дальше по дорогѣ.
 Коль скажешь такъ, и возъ назадъ воротимъ,
 А нѣтъ,—и самому не быть живому.
 Да я впередъ по деревнямъ верстъ на семь
 Послалъ молву пустить, что утромъ были,
 А спросятъ, молъ куда ушли? Кажите
 Отъ города все дальше.

ДУБРОВИНЪ.

Ты съ опаской

Живешь, Щербакъ. Да тутъ не то, что съ сотней —
 Въ такомъ лѣсу, хоть тысячу народу
 Сгони—и то не сыщутъ.

ЩЕРБАКЪ.

Съ береженьемъ

Здоровѣ. Теперь въ верстѣ, не дальше,
 Идетъ походомъ воевода, смотреть

Съ деревьевъ наши; чуть вдали завидятъ,
Придутъ сказать. Да что-жъ ты насъ покинулъ?
Работы нѣтъ, давно безъ дѣла бродимъ,
Тоска взяла. Тебя не видимъ.

ДУБРОВИНЪ.

Вовсе

Бѣжалъ-бы я отъ васъ.

ЩЕРБАКЪ.

Да ты что больно

Спѣсивишься?

ДУБРОВИНЪ.

Мнѣ въ городѣ есть дѣло

Дня на два на три. Если я не буду
Къ вамъ на четвертый, и не ждите больше —
Считайте такъ, что нѣтъ меня на свѣтѣ.
И живъ я, нѣтъ ли, — будь ты атаманомъ.
Казну дуванъ; бери мой лукъ бухарской,
Камки и бархаты, цвѣтное платье,
Сбирай людей, плывите безъ оглядки
На низъ.

ЩЕРБАКЪ.

Къ казакамъ, тамъ цѣлѣе будемъ;
Туда и слѣдъ, тамъ что-то заварилось.
Да и тебѣ бы съ нами.

ДУБРОВИНЪ.

Не узнаешь

Своей судьбы. Вернусь ни съ чѣмъ, такъ съ вами-жъ,
Ни съ кѣмъ другимъ, опять за тужь работу.
Некраденый кусокъ пріѣдется скоро,
Не стать къ другой работѣ привыкать.

ЩЕРБАКЪ.

А гдѣ казна твоя?

ДУБРОВИНЪ.

Въ яру зарыта.

Примѣта есть: иди ручьемъ съ дороги
Все на полдень, увидишь двѣ березы,
Сверни направо, на пенекъ сосновый,
Да тутъ и рой.

ЩЕРБАКЪ.

А на свою-то долю

Ты взял ли что? Бываетъ, откупиться
Нужда придетъ, такъ было-бъ чѣмъ.

ДУБРОВИНЪ.

Припряталъ

По малости. А тамъ себѣ, иль людямъ
Достанется — впередъ не угадать.
Была бы голова, а деньги будутъ.

ЩЕРБАКЪ.

Да что за дѣло у тебя? не баба ль?
Такъ лучше брось. Кто съ ними поведется,
Самъ бабой будетъ. Бабій волосъ дологъ,
Языкъ длиннѣй.

ДУБРОВИНЪ.

Зачѣмъ иду, я знаю,

А будетъ то, что будетъ. Кто по ближе
Изъ нашихъ тутъ?

ЩЕРБАКЪ.

Каурой, Заяцъ, Вотря,

Калга, Ерголь.

ДУБРОВИНЪ.

Сбери ихъ поскорѣе,

Приказъ отдать. Какъ кликать будешь?

ЩЕРБАКЪ.

Птицей,

И откликъ тоже, лихо наловчились.

(Кличетъ. Выходятъ: Каурой, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь; съ другой
стороны Бастрюковъ).

ЩЕРБАКЪ (хватается за ножъ).

Чужой!

ДУБРОВИНЪ.

Не тронь. Я прибралъ изъ посадскихъ,
Пригоденъ будетъ на мою работу.

(Бастрюкову).

Вотъ Худояръ передъ тобою, — весь тутъ!
Гляди глазами и ушами слушай,
Языкъ держи на привязи. (Разбойникамъ) Ну, братцы,
Товарищи, не первый годъ гуляемъ
По Волгѣ матушкѣ. Добра чужаго
Награблено, накрадено довольно.

Погуляно, поѣдено, попито
 По горлышко. И вѣкъ гулялъ бы съ вами—
 Не разставался, да такое дѣло,
 Что не ордой, а надоть одному
 Пролѣзть и вылѣзть, гдѣ ползкомъ, гдѣ бокомъ,
 Кругомъ болотца, въ задніе воротца.
 Ужь радъ не радъ, а васъ покинуть надо
 Не надолго. Щербакъ за атамана
 Послужить вамъ, такъ и другимъ скажите.
 Вернусь, такъ вашъ—ужь вплоть до самой петли,
 А не вернусь—не поминайте лихомъ.

КАУРЫЙ.

Ты не бросай совсѣмъ-то!

ЗАЯЦЪ.

Чтожь такое

Ты затѣваешь? Это не порядокъ.

ВОТРА.

Такъ нѣшто водится?

КАЛГА.

Да онъ виниться

Не хочетъ ли, дьякамъ въ ногахъ валяться?

Такъ не помилуютъ.

ЕРГОЛЬ.

Ты не въ монахи ль?

ДУБРОВИНЪ.

Галдѣть! Душа не терпитъ! Разсердиться

Не долго мнѣ, да какъ-то вы уймете!

Со мной не спорь. Что сказано, то свято,

Тому и быть.

КАУРЫЙ.

Да безъ тебя-то горе:

Ты голова, мы руки.

ЗАЯЦЪ.

Ну какъ часомъ

Попутаешь нелегкая, случится,

Въ тюрьму влетишь?

ДУБРОВИНЪ.

Доводу чтоль боитесь?

На вора воръ докащикомъ не будетъ.

Пытай, хоть жги, хоть рѣжь, а васъ не выдамъ.

(Прибѣгаютъ разбойники).

РАЗБОЙНИКИ.

Идутъ близёхонько!

ДУБРОВИНЪ.

По норамъ, живо!

(Всѣ прячутся въ чащу; Дубровинъ и Бастрюковъ за дерево. Щербакъ достаётъ изъ-за пазухи лапоть, садится на пенъ и начинаетъ ковырять).

ЩЕРБАКЪ (поетъ).

Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай-ли, ай люли,
Огородъ горожу!

Огородъ горожу,
Все капустку сажу.
Ай-ли, ай люли,
Все кочавенькую!

У кого нѣту капусты,
Просимъ къ намъ въ огородъ.
Ай-ли, ай люли,
Во дѣвичій хороводъ!

НИЩЕ (на мосту поютъ).

Сходилася правда со кривою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой землѣ,
По народу православному:
Оттого суды неправые.

(Входятъ на мостъ: Воевода, за нимъ стрѣльцы; Неустройко съ мѣшкомъ, одѣляетъ нищихъ. Крестьянинъ кланяется воеводѣ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВОЕВОДА, НЕУСТРОЙКО, СТРЕЛЬЦЫ, КРЕСТЬЯНИНЪ, ДУБРОВИНЪ, БАСТРЮКОВЪ и ЩЕРБАКЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Челомъ тебѣ, бояринъ, воевода!

ВОЕВОДА (поднимая его).

Не кланяйся! Земное поклоненье

Клади святымъ; мы грѣшныя.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Бояринъ,

Ограбили, убили, животишки

Всѣ отняли, стрѣлами пострѣляли.

ВОЕВОДА.

Кто билъ тебя?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Невѣдомые люди.

ВОЕВОДА.

На коняхъ, или пѣши?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Всѣ на коняхъ.

ВОЕВОДА.

Куда поѣхали?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Все по дорогѣ,

Все на полдень.

ВОЕВОДА.

Теперь отыди съ миромъ

Въ свой домъ. А я иду молиться Богу

И не хочу смущать мірской заботой

Своей души. Дѣла мірскія завтра.

Приди и жди конца церковной службы,

Свою бѣду скажи, а мы разсудимъ.

Я самъ пойду въ погоню за ворами.

А вотъ тебѣ на убылое мѣсто. (Даетъ изъ мѣшка).

Прими!

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пошли тебѣ Господь здоровье

За наше умоленье, осударь.

(Въ монастырѣ звонъ. Всѣ снимаютъ шапки и переходятъ мостъ).

ДУБРОВИНЪ.

Теперь на лодку, въ городъ и за дѣло!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

ВДОВА УЛЬЯНА.

НЕДВИГА.

ОЛЕНА.

ДОМОВОЙ.

ДѢВУШКИ.

Теремъ въ домъ воеводы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ НЕДВИГА и ДѢВУШКИ.

НЕДВИГА.

Что за напасть! Не хочетъ слова молвить!

А вы-то дуры! Нѣтъ у васъ умѣнья

Повеселить.

Одна изъ дѣвушекъ.

Коль ты умна, попробуй!

А мы-то ужъ и пѣли, и плясали,

На головахъ вотъ развѣ не ходили—

Да не сумѣть, а то бы попытались.

НЕДВИГА.

Толкуй съ тобой! Тебѣ чужая видно,

А мнѣ своя. Ну какъ не распотѣшить!

Охоты нѣтъ! Была царева дочка

На выданьи, царевна Несмѣяна;

Сидить, не улыбнется, говорить ли,

Не усмѣхнется. Нѣ-въ-которомъ царствѣ

Нашелся парень, разсмѣшилъ таки.

ДРУГАЯ ДѢВУШКА.

Такъ парень, а не мы! Чудная, право!

ПЕРВАЯ.

И ваша бы, пожалуй, размѣялась,
Какъ привести ей парня по душѣ.
Да гдѣ же взять?

НЕДВИГА.

Ты по себѣ не мѣрай!

Что у самой глаза-то завидуши—
Такъ не у всѣхъ такіе

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Говорить-то

Не хочется. До брани не далеко,
Какъ свяжешься.

НЕДВИГА.

Знать нечего?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

На врьдъ-ли?

НЕДВИГА.

Ну говори!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Съ чего она тоскуетъ?

Я слышала. Она сбѣжать собиралась
Да не дали.

НЕДВИГА.

Такъ что-жь?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Слюбилась съ парнемъ.

НЕДВИГА.

А вотъ и врьшь. Когда ей съ нимъ слюбиться?
Она его въ глаза-то не видала.

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ты говоришь, а кто тебѣ повѣритъ?

Ну какъ сбѣжать, не зная съ кѣмъ?

НЕДВИГА.

Да такъ же:

Пришелъ да взялъ, не станешь упираться,
А взялъ—повель! У бабы волосъ дологъ,
А умъ коротокъ. Ихъ куда ведутъ—
Онѣ идутъ.

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

А можетъ и взаправду.

НЕДВИГА.

Вотъ то-то же! Ты не мели пустаго!
Молоть пустое—жернова сотрешь.

(Входятъ: Ульяна и Марья Власьевна. Дѣвушки уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

НЕДВИГА, УЛЬЯНА и МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

НЕДВИГА.

Ждала-ль меня? А я шугай надѣла,
Да въ гости къ вамъ. Ну все-ли поздорову?
Господь съ тобой! Съ чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

УЛЬЯНА.

И сладу нѣтъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбилась;
Хоть молода, а норовъ старъ.

НЕДВИГА.

Да ты бы

Не все грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнуть не вдругъ, а прежде парятъ.

УЛЬЯНА.

Да парь, не парь, а надо будетъ гнуться,
Не гнуться, сломишься. Она упряма,
А я упряме.

НЕДВИГА.

Миѣ что за дѣло,
Какая ты! Твое передъ тобою.
Вотъ память-то! Совсѣмъ было забыла (кланяется)
Поклонъ отдать родительской. Велѣли
Здоровой быть тебѣ, да заказали
Кручиниться, да вотъ меня старуху
Прислали. Пошто, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и дѣньте. Видишь,
Поваднѣ тебѣ со мной, старухой!
Люба—оставь, а нѣтъ—домой пусти.
Велишь остаться? (Марья Власьевна киваетъ головой)

И на томъ
спасибо!

УЛЬЯНА.

Пойду-ко я, да челядь попытаю

Проклятую, не спать ли, дармоѣды!
 Да заперты ль ворота. Ну, людешки!
 Бѣда и только! Хуже окаянныхъ:
 За ними глазъ да глазъ, да кнутъ ременный
 Въ рукахъ держи, а то не поворачишь!

(Уходитъ).

НЕДВИГА.

Ахъ, волкъ те съѣшь и съ потрохомъ! Откуда
 Такое зелье взяли? На лѣсъ взглянеть—
 Такъ лѣсъ завянетъ. Не велика птичка,
 А ноготокъ востеръ. Пустили волка
 Овецъ стеречь, небось не отказался,
 А говорить: «что дѣлать! такъ и быть,
 Ужъ какъ не какъ, а надо послужить.»

(Олена входитъ, робко оглядываясь).

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, ОЛЕНА и НЕДВИГА.

ОЛЕНА (падая къ ногамъ Марьи Власьевны).

Государыня, боярышня,
 Есть за мной вина не малая:
 На рѣкѣ платно мыла,
 Громко колотила...

(Оглядывается, Недвига уходитъ).

Боярышня, есть вѣсточка.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Откуда?

ОЛЕНА.

Степанъ Семенычъ шлетъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Не лжешь, такъ правда.

ОЛЕНА.

На что мнѣ лгать! На Волгѣ платье мыла

Я на плоту; невѣдомая женка

Рядкомъ пристала, вглядываться стала,

Взглянула разъ и два, заговорила:

«Лицо твое мнѣ, милая, знакомо;

А какъ назвать, не знаю». Такъ и такъ молъ.
«Ну, говоритъ, тебя-то мы и ищемъ.
Придешь домой, боярышнѣ тихонько
Шепни, когда уллучишь часъ»...

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Скорѣе!

Ну говори жъ! Придутъ да помѣшаютъ.

ОЛЕНА.

Чтобъ завтра въ садъ, какъ только солнце сядетъ,
Ты выходила. Сторожей не бойся! —
Всѣхъ напоятъ. На даровое падки,
Весь домъ напьется къ ночи. Я нарокомъ
Фату твою изъ рукъ пустила въ воду,
Чтобъ допустили, будто повиниться
Пришла къ тебѣ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (цалуя ее).

Спасибо!

ОЛЕНА.

Ты Ульяну

Уговори, чтобъ погулять пустила.
Пусть и сама идетъ; изъ рукъ не вырветъ,
Какъ молодцы подхватятъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Да не пуститъ

Изъ терема.

ОЛЕНА.

Ты подари, попробуй.

Чай есть что!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Мало-ль дряни. Тише! Идутъ!

(Входятъ: УЛЬЯНА и НЕДВИГА; останавливаются и смотрятъ).

ОЛЕНА (на козвяхъ).

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:
На рѣкѣ, платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою бѣлую
Въ воду уронила (клянется въ ноги).

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (съ сердцемъ).

Ну нѣтъ! Простить нельзя бѣду такую.

Какая ты работница! Работать,
 Такъ не зѣвать по сторонамъ! Не надо
 Твоей работы! Не пуждаюсь. Много
 И безъ тебя народу. За провинность
 Не заставлятъ ее работать. Въ теремъ
 Къ себѣ беру. Пусть на меня и служить,
 Чтобъ отъ меня не отходила шагу.

ОЛЕНА.

Во бѣлыхъ рукахъ было,
 Да ушло, уплыло.
 Хошь казнишь, хошь милуешь —
 Я не утаила.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

И вмѣстѣ спать со мной! Да накормите
 Съ боярскаго стола ее. Ступай.

НЕДВИГА.

Вотъ, поглядишь, господское-то дѣло —
 Не разберешь у нихъ, что гнѣвъ, что милость.

(Недвиг и Олена уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

УЛЪЯНА и МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

УЛЪЯНА.

Заговорила? Аль опять надулась?
 Житье мое! Ужь нечего сказать!
 Вотъ дитятко на шею навязалось!
 Ходи за ней! И не было печали,
 Да черти накачали. Ты хоть лопни,
 Она молчитъ и знать тебя не хочетъ,
 Стоитъ какъ пень, ничѣмъ не поворачишь.

(Марья Власьева уходитъ).

Сама пошла. Диковина! Посмотримъ,
 Что будетъ отъ нея.

(Марья Власьева входитъ и подаетъ съ поклономъ тафтяную рубашку).

Ну вотъ спасибо!

Какъ поглядѣть, такъ ты изъ умныхъ, дѣвка.
 Не вдругъ тебя и распознаешь! Право!

Не осердись, что я тебя бранила.
 По глупости. Словечка не услышишь
 Противнаго. Ни въ чемъ не поперечу:
 Ты добрая. А чай грѣшки ведутся
 И за тобой. — Охъ дѣвки молодыя,
 Проказницы! Вы при людяхъ тихони:
 По лавочкамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ,
 Смирнехонько сидите, глазки въ землю
 Опушены. А дай-ко вамъ потачку,
 Не догляди, — откуда прыть возьмется —
 Бойчѣе бабъ. Погудки, смѣхъ да грохотъ,
 А разговоръ послушать, уши вянуть,
 Стыдомъ сгоришь. Да что кому за дѣло,
 Чѣмъ тѣшатся, не плакали бы только.
 Не то бѣда, что игры да потѣхи
 На разумѣ у дѣвокъ! Ну пускай бы
 Промежъ себя и тѣшились, такъ мало —
 Утѣхи нѣтъ однимъ, безъ парней скучно.
 Не правда чтоль? Ну и отыщутъ парня,
 А тотъ и радъ. Глядишь, и свелъ украдкой
 Изъ подъ носу. Не скажетъ и спасибо,
 Что берегли. Ну отъ того и вѣры
 Вамъ нѣтъ нигдѣ. Сама чудила въ дѣвкахъ,
 Такъ знаю васъ, меня не проведете.
 И ты, какъ всѣ, не лучше и не хуже,
 Да хитрости въ тебѣ ужъ больно много.

(Марья Власьева уходитъ).

Опять ушла. Еще не принесетъ ли?
 А ладно бы! У ней добра-то много,
 А мнѣ-то гдѣ взять?

(Входитъ Марья Власьева съ лѣтникомъ и подаетъ съ поклономъ).

Что ты! Богъ съ тобою!
 Не надо, нѣтъ! Куда мнѣ! Совѣсть зазреть.

(Марья Власьева кланяется).

Ужъ развѣ взять? Подарокъ-то хорошъ.
 Непрошенный подарокъ-то дороже.
 И то возьму. Благодарю покорно!
 Да вотъ бѣда! Отдаривать придется.

Я братъ беру, а отдарить-то нечѣмъ.
 Понаровлю за это; что захочешь,
 Отказу нѣтъ, опричь того, что въ теремъ
 Чужихъ водить—и затѣвать не думай!
 Да не пушу и самое изъ дому.
 А въ терему, что хочешь, то и дѣлай,
 Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь—
 Тому и быть. Чѣмъ хочешь забавляйся.

(Марья Власьевна уходитъ).

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
 Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
 Ахти грѣхи! Кто падохъ на подарки,
 Добра не быть. Кому придетъ охота
 Бросать добро на вѣтеръ? Видно хочетъ
 Купить меня. Не слѣдъ бы мнѣ и братъ-то,
 Да какъ не взять, когда въ глаза мнѣ тычетъ.
 Охъ смерть моя! Такой ужъ скверный норовъ —
 И соблазнюсь какъ соблазнюсь! Подаркомъ
 Меня и взять, глаза-то завидуши.
 Продамъ тебя, бояринъ, сердце чуетъ.
 Не утерплю, продамъ. Глядѣть не стану,
 Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.

(Зажмуривается. Входятъ: Марья Власьевна съ тѣлогрѣей въ рукахъ и
 Олена).

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, ОЛЕНА и УЛЬЯНА.

ОЛЕНА.

Гляди-ко ты, какая тѣлогрѣя,
 И съ выпушкой!

УЛЬЯНА (открывъ глаза).

Вотъ чудо, такъ ужъ чудо!

Неужто мнѣ? (Марья Власьевна кланяется).

ОЛЕНА.

Кому же?

УЛЬЯНА.

Дорогая!

Не намъ носить.

ОЛЕНА.

Надѣнешь, такъ износишь.

УЛЬЯНА.

Охъ, каравай-то не по рылу. Гдѣ намъ!
Ужъ какъ тебя благодарить, не знаю,
И не умѣю. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мнѣ. Сулилъ мнѣ воевода,
Да жди-пожди, а онъ, гляди, обманетъ,
А ты добрѣй, ты прежде догадалась.

ОЛЕНА.

Да у тебя и лѣтчикъ—вошвы бархатъ
На золотѣ. Тафтяная рубашка
Съ запястьями.

УЛЬЯНА.

Ужъ развѣ нарядиться?

ОЛЕНА.

Ты нарядись, а мы посмотримъ.

УЛЬЯНА.

Что ты!

И впрямь пойти.

ОЛЕНА.

Чай то-то заглядѣнье!

УЛЬЯНА.

Пойдемъ со мной, ты мнѣ пособишь.

ОЛЕНА.

Можно.

(Ульяна и Олена уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (одна).

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Не много натолкуешь
Сама съ собой. Сложу отъ скуки пѣсню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтобъ не слышали.

(Поетъ).

Я по терему хожу,
Я по миленькомъ тужу,

Тужу, хожу
Да потуживаю.

Ужь я сяду, посижу,
Въ окошечко погляжу,
Въ окошечко
Во косящето.

Милый вѣсточку даетъ,
Молодаго гонца шлетъ,
Гонца, гонца
Да молоденькаго.

Что не быть, да не бывать,
Съ милымъ розно не живать,
Мнѣ жить, не жить
Со милымъ со дружкой.

Поскачу да попляшу
Во високомъ терему,
Вотъ такъ, вотъ такъ,
Вотъ и такъ, вотъ и такъ!

(Слышитъ шорохъ, садится и молчитъ. Входятъ: Ульяна и Олена).

ЯВЛЕНИЕ VII.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, УЛЪЯНА и ОЛЕНА.

ОЛЕНА.

Куда красно! И посмотрѣть такъ любо.
Красавица, какъ есть.

УЛЪЯНА.

Чему дивишься!

И пенъ хорошъ въ уборѣ!

ОЛЕНА.

Не похаять

Тебя и безъ убора. Всѣмъ пригожа,
Собой статна, лицомъ бѣла, румяна,
Глаза какъ вишни, брови колесомъ.
По красотѣ твоей, за дворянина
Тебѣ идти. Ты баба молодая,
Чего жъ сидѣть!

УЛЯНА.

Дворяне по дворянамъ,
А не по насъ. А наши-то дворяне
Не родились.

ОЛЕНА.

Какъ знать, чего не знаешь.

УЛЯНА.

Да нечего и знать-то! По одежкѣ
Протягивай и ножки. А дворяне
Хорошій кусъ, да не для нашихъ устъ.
Достатковъ нѣтъ, какая я невѣста;
Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ
Похаживай. Чужой-то хлѣбъ не сладокъ,
Подавишься. Кормить не станутъ даромъ;
И угрожай на всякаго, какъ знаешь.
Хоть бы вотъ здѣсь, смотри за цѣлымъ домомъ—
Бѣда-бѣдой! Будь смиренъ, такъ проглотятъ,
Сердитъ, проклясть готовы. Вотъ и казись!
Ужъ только, дѣвушка, у васъ людишки!
Здѣсь не люди, а черти! Какъ шальные,
Проклятые! Кто спитъ, кто пьяный бродитъ,
Шатается. Сама за всѣмъ и смотришь,
За всякой малостью. А понадѣйся,
Такъ пропадешь, не рада жизни будешь.
Дай только срокъ боярину пріѣхать,
Все выведу наружу: а покуда
Помучиться. И ночь-то не придется
Часокъ уснуть. Чужимъ глазамъ не вѣрю,
Свой глазъ милѣе, а чужой обманетъ.
Сама запру всѣ выходы, всѣ двери,
Да поперегъ порога здѣсь и лягу.
Одинъ глазокъ усни, другой пусть смотреть.

(Марья Власьева даетъ ей перстень).

Раздобрилась и не уймешь. А правду
Сказать тебѣ, такъ мнѣ тебя и жалко.

ОЛЕНА (вздохнувъ).

А у насъ въ саду
Соловей поетъ,
Выговорочки
Выговариваетъ.

УЛЬЯНА.

Послушаемъ; послушать что ли хочешь?

ОЛЕНА.

Сходить бы завтра.

УЛЬЯНА.

Чтожь такое! сходимъ
Въ сумеречки. Большой бѣды не вижу;
Въ своемъ саду, а не въ чужомъ. Бояринъ
И не велѣлъ, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко въ строку.
Наказъ—то знай, а дѣлай, какъ придется.

(Марья Власьевна цалуеъ ея).

Ну въ садъ, такъ въ садъ! Давно бы ты сказала.
Гуляй себѣ, когда придетъ охота;
Хоть днемъ гуляй, хоть ночью.

ОЛЕНА.

Вотъ и ладно.

УЛЬЯНА.

Гуляй, гуляй! Авось повеселѣешь,
Хоть улыбнись на насъ съ Оленой!

(Марья Власьевна улыбается).

Ишь ты!

Пошло на ладъ.

ОЛЕНА.

Дай срокъ, не то увидишь.

(Входитъ Недвига).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и НЕДВИГА.

НЕДВИГА.

Пора и спать. Чего сидѣть въ потемкахъ!
Поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, да на бокъ
И завались. Безъ ужина ложиться
Не хорошо бываетъ, плохо спится,
Да много грезится. А то, какъ знаешь,
Сиди себѣ. А ужь огня не стану
Вздувать теперь.

УЛЬЯНА.

Кто лѣтомъ зажигаетъ!

Чай дворня спить?

НЕДВИГА.

И куры, и собаки —

Всѣ спать.

ОЛЕНА.

И я, боярышня, прилягу.

(Уходитъ).

НЕДВИГА.

Ну чтожь нейдешь? Аль спать-то не охота?

Не то что я. Всѣ ноги отходила,

Всѣ кости, всѣ суставы заболѣли,

Измаялась. Не рассказать ли сказку

Да присказку? Авось тогда задремлешь.

(Садится на скамейку).

Сумерничать давайте. Мы любили

Въ сумеречкахъ сидѣть съ тобой тихонько

И побасенки баять тихомолкомъ,

А кругъ тебя какъ точно кто мурлычить...

Ахъ, батюшки! Вотъ такъ меня и клонить,

Такъ и валюсь и тычусь носомъ. Часомъ

Совсѣмъ усну, такъ ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.

За тридевять земель,

Въ тридесятомъ царствѣ,

(Дремлетъ).

Жили два брата,

Да мать брюхата,

Да отецъ на дняхъ...

Постой! Не такъ. Я что загородила,

Не сплю, а бредится. Начну съ начала:

Жили да были два брата родные,

У одного брата всего богато,

А другой убогій, а дѣтей у него много.

Говорить богатый бѣдному брату:

Самъ ты убогій, а дѣтей у тебя много,

Дай ты мнѣ сына, вотъ тебѣ жита осьмина,

Вотъ тебѣ осьмина, а женѣ твоей холстина,

А дочери коза, лубяныя глаза...

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тыфу ты!
 Пропась тебѣ! не то все! Задремала.
 Вотъ дальше-то забыла, что тамъ было.
 Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,
 Что попросилъ у брата лошадь бѣдный,
 А волкъ и съѣлъ, оставилъ хвостъ да гриву.
 И повели дружка къ судѣ Шемякѣ.
 Сидитъ судья Шемяка, судомъ судить,

Бороду закусить, да усъ разлощить,
 Усъ разлощить, глаза вытаращить...

Тыфу! пропасть! Не налажу, да и только.
 То про Оому начну, то про Ерему.

(Изъ двери выходитъ Домовой съ фонаремъ. Недвига въ полуснѣ машетъ руками).

Аминь, аминь, разсыпся! Чуръ меня!

(Засыпаетъ).

домовой.

Что вечерняя красная зорюшка
 Догараетъ, чуть краюшкомъ теплится,
 Загораются частыя звѣздочки,
 Разсаждаются по небу чистому.
 Докачались головки, домаялись
 До пуховыхъ цвѣтныхъ изголовьицевъ,
 Ходитъ сонъ по снѣгамъ, по новымъ дрема.
 Ты поди, сонъ-дрема, въ головахъ постой.

По хоромамъ старымъ

Я давно брожу;

Въ теремѣ чужая,

Дай-ко погляжу.

Новая новинка

Къ худу иль къ добру?

Нѣтъ, такая гостя

Намъ не ко двору.

Ты на счастье, на радость роженная,
 Не про старого мужа роционная,
 Старику-то чернѣть да горбы растить,

А тебѣ-то алѣтъ спѣлой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость съ милымъ дружкой.
Тихой сонъ—угомонъ яснымъ глазынькамъ,
Въ изголовье тебѣ грезы дѣвичьи.

За сердечнымъ другомъ
То ли не житье,
А у насъ по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный теремъ
На короткій часъ,
Да и пусть покинешь
И бѣжишь отъ насъ.

Запустѣетъ теремъ, принаклонится,
Замететъ по угламъ пылью, плѣсенью,
Понесетъ по сѣнямъ бранью, руганью,
Сипъ да вопъ по клѣтямъ съ перекорами.
Не слыжать-то мнѣ смѣху веселаго,
Молодаго, дѣвичьяго, звонкаго.
Не слыжать по ночамъ бреду жаркаго,
Только старымъ старухамъ шлыки сшибать.

(Сшибаетъ шлыкъ съ Недвиги и уходитъ).

НЕДВИГА (въ просонкахъ).

Аминь, аминь, разсыпся!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Ахъ, какъ сладко

Уснула я!

НЕДВИГА.

Аминь, аминь, разсыпся!

(Встаетъ).

Не разберу, во снѣ ли, на яву ли,
А сбили шлыкъ. Не ты ли пошутила?
Пойдемъ-ко ужинать да спать ложиться.
Вотъ день прошелъ, до насъ дошелъ. (Зѣваетъ). Ахти мнѣ!
Грѣхи мои (зѣваетъ)! И-ахъ... великіе!

(Уходятъ).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СТАРУХА, крестьянка, хозяйка постоялаго двора.

ИВАНЪ, ея сынъ.

ГАВРИЛО { бортники изъ Нижняго.

КЛИМЪ

СИДОРЪ, лѣсной промышленникъ изъ Унжи.

КУРЧАЙ {

КУЛИКЪ { цѣловальники съ казенной рыбой и солью.

Слуги воеводы.

СОНЪ ВОЕВОДЫ:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ, старикъ.

СЕМЕНЪ БАСТРЮКОВЪ.

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ { изъ приказа костромской четверти.

ДЬЯКЪ

НЕСЫТОВЪ {

ПОДЖАРЫЙ { дворяне.

Дворяне и разные дворцовые чины.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

РОМАНЪ ДУБРОВИНЪ.

РѢЗВЫЙ и слуги.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба, направо печь, передъ печью люлька съ ребенкомъ, налѣво столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТАРУХА (за люлькой), ГАВРИЛО, КЛИМЪ (за столомъ ужинаютъ),
потомъ ИВАНЪ, КУРЧАЙ, КУЛИКЪ и СИДОРЪ.

ГАВРИЛО.

Вы, тетка, чьи?

СТАРУХА.

Помѣстные крестьяне.

ГАВРИЛО.

За кѣмъ живете?

СТАРУХА.

За мурзой крещенымъ.

КЛИМЪ.

Хорошъ до васъ?

СТАРУХА.

Татаринъ, какъ татаринъ.

Гдѣ бабѣ знать! Толкуйте съ мужиками,
Вотъ сынъ придетъ.

ГАВРИЛО.

Ты внучка, что ли, няньчишь?

А гдѣ жъ сноха?

СТАРУХА.

Съ ребятами въ чуланѣ.

Тамъ четверо у ней, вотъ пятый въ люлькѣ.

(Входитъ Иванъ.)

ИВАНЪ.

Струга пришли, къ ночлегу подвалили.

Слышь, матушка? А съ лѣсу воевода

Валить со всѣмъ народомъ; хочетъ станомъ

На берегу остановиться на ночь.

СТАРУХА.

Чай, лють?

ИВАНЪ.

Вѣстимо, лють, на то бояринъ.

Ты ждешь купцовъ, а тутъ, гляди, нагрянутъ

Боярскіе голодные холопья.

Одинъ раззоръ! Отъ нихъ, что отъ пожару,

Что есть въ землѣ зарыто, то и цѣло,

А подъ руку попало, то пропало.

Ахти, бѣда!

СТАРУХА.

Да что у насъ и взять-то?

ИВАНЪ.

У нищаго суму, и ту отнимутъ.

(Входят: Курчай, Куликъ и Сидоръ.)

ИВАНЪ.

Съ струговъ?

СИДОРЪ.

Съ струговъ.

ИВАНЪ.

Отколь?

СИДОРЪ.

Изъ Унжи будемъ.

ИВАНЪ.

Съ лубьемъ?

СИДОРЪ.

Нешто!

ИВАНЪ.

А вы, робя?

КУРЧАЙ.

Мы съ низу.

Мы въ пѣловальникахъ идемъ въ насадахъ,
Съ казной.

ИВАНЪ.

Съ какой?

КУРЧАЙ.

Съ оброчной рыбой.

ИВАНЪ.

Въ бочкахъ?

КУРЧАЙ.

И съ бочешной, и съ солью.

ИВАНЪ.

А стерлядокъ?

КУРЧАЙ.

Не водимъ мы. А какъ по верхнимъ плёсамъ,
Каковъ уловъ?

ИВАНЪ.

Нешто таки.

КУРЧАЙ.

А мѣрны?

ИВАНЪ.

Да всякія — и въ стрѣлу есть, и больше.

КУЛИКЪ.

Вы держите, аль нѣтъ?

ИВАНЪ.

Чего?

КУЛИКЪ.

Вѣстимо...

ИВАНЪ.

Вина-то, что ль? Нѣтъ, парень, не бывало.

У насъ корчмы никто не держить.

КУЛИКЪ.

Будто?

ИВАНЪ.

Да боязно, великъ отвѣтъ.

КУЛИКЪ.

Не бойся,

Не выведемъ, не сыщики.

ИВАНЪ.

Ну, право.

КУРЧАЙ.

Поди, пошарь. Авось найдешь.

ИВАНЪ.

Пошарю.

Кажись, что есть; себѣ берегъ на праздникъ. (Уходитъ).

КУРЧАЙ (Гаврилъ и Климу).

Хлѣбъ-соль!

ГАВРИЛО.

Спасибо.

КУРЧАЙ.

Здравствуйте. Откуда?

ГАВРИЛО.

Изъ Нижняго гужемъ идемъ въ обозъ.

КУРЧАЙ.

Далеко ли?

ГАВРИЛО.

До Ярославля, съ медомъ,

Мы бортники.

СИДОРЪ (подсаживаясь).

Плесни, хозяйка, щецъ-то!

Да не пустыхъ.

СТАРУХА.

Варила со снятками.

КУРЧАЙ.

А снѣтъ какой — рѣчной или озерной?

СТАРУХА.

Къ намъ галицкой идетъ, не бѣлозерской.

КУРЧАЙ (садится къ столу).

Ты на троихъ давай.

СТАРУХА.

Про всѣхъ достанетъ.

(Гаврило и Климъ встаютъ).

ГАВРИЛО (старухѣ).

Благодарствуйте. Мы лошадей посмотримъ,
Да на печь къ вамъ. Гляди, и полночь скоро.
Часокъ другой соснемъ, да и въ дорогу.

(Уходятъ).

СТАРУХА.

Большая печь, просторно, полѣзайте.

(Входитъ Иванъ съ виномъ въ кувшинѣ).

ИВАНЪ.

Полкружки есть. По чаркѣ будетъ. Пейте.

КУЛИКЪ.

Простое?

ИВАНЪ.

Съ махомъ. Люди пьютъ да хвалятъ.

КУЛИКЪ (пѣтъ).

Не похулимъ и мы. Нельзя не выпить,
Все на водѣ.

ИВАНЪ.

На доброе здоровье!

(Бѣдятъ. Гаврило и Климъ входятъ и лѣзутъ на печь).

СТАРУХА.

Прибралъ въ клѣти?

ИВАНЪ.

Въ подполицу припряталъ.

(Стукъ).

СТАРУХА.

Поди, стучать.

ИВАНЪ.

Пушай идуть къ сосѣдямъ,
Кого несеть!...

СТАРУХА.

Не вдругъ пускай. Окликни.

(Иванъ уходитъ).

КУРЧАЙ.

Ишь, крикъ какой! Не лучше ль убираться
Съ добра ума. Сбери-ко щи, хозяйка;
А кашу даромъ. Завтра разочтемся.

(Встаютъ. Старуха собираетъ со стола).

Подальше отъ грѣха, здоровѣй будешь.
Пойдемте спать въ струги. За угощенье!

(Уходятъ: Курчай, Куликъ и Сидоръ. Иванъ входитъ).

ИВАНЪ.

Хоть въ гробъ ложись! Бояринъ къ намъ постоемъ,
Опричь хоромъ, со всемъ дворомъ валится.
Ишь, холодно въ палаткѣ, такъ холопы
По избамъ рыщутъ, гдѣ теплѣй да чище.
Ужь я молилъ не мало.

СТАРУХА.

Воля Божья!

Придетъ бѣда, такъ отвориай ворота.

(Входитъ Неустройко и слуги).

ЯВЛЕНІЕ II.

ИВАНЪ, СТАРУХА, НЕУСТРОЙКО и СЛУГИ.

НЕУСТРОЙКО.

Давай огня!

(Старуха подаетъ лучину, зажигаетъ
восковую свѣчку).

Сдвигайте столъ въ тотъ уголъ!

Ковры, мѣха стелите, въ изголовье
Сѣдло клади!

ИВАНЪ (кланяясь въ ноги).

Яви такую милость,
Ослободи! Поди къ сосѣдямъ!

НЕУСТРОЙКО.

Смерды,

Ступайте въ хлѣвъ! Старуху вонъ и съ зыбкой.

(Слуги подходятъ къ люлькѣ).

СТАРУХА.

Разбойники! Младенца-то не троньте!

Кому помѣха ангельская душка!

(Входятъ: воевода и слуги).

ЯБЛЕНИЕ III.

ВОЕВОДА, НЕУСТРОЙКО, ИВАНЪ, СТАРУХА и СЛУГИ.

СТАРУХА.

Уйми холопей, закажи имъ трогать
Младенца!

ВОЕВОДА.

Вонъ ступайте! Ты, старуха,
Останься здѣсь съ ребенкомъ. Ближе къ дѣтямъ,
И ангелъ ближе, мѣсто благодатнѣй.
Онъ не блажить у васъ?

(Уходятъ Иванъ и слуги).

СТАРУХА.

Въ кого родится
Благой у насъ, давно мы присмирѣли,
Съ царя Бориса.

ВОЕВОДА.

Вспомнила Егорья?

СТАРУХА.

Ужли жъ забыть! И правнуки и внуки
Праправнуковъ Егорья помнить будутъ.

ВОЕВОДА.

Раздѣнь меня!

(Неустройко снимаетъ съ него дорожную сулейку, воевода пьетъ чарку, потомъ снимаетъ складень, целуетъ и ставитъ въ изголовье, потомъ снимаетъ оружіе).

НЕУСТРОЙКО.

Опочивай покойно!

Я въ сѣни спать; понадобится, такъ близко.

(Уходитъ. Воевода ложится и скоро засыпаетъ).

СТАРУХА (качаетъ выбку и поетъ).

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянской сынъ!
Допрежь дѣды не видали бѣды,
Бѣда пришла, да бѣду привела
Съ напастями, да съ пропастями,
Съ правежами бѣда, все съ побоями.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянской сынъ!
Насъ Богъ забылъ, Царь не милуетъ,
Люди бросили, людямъ отдали,
Намъ во людяхъ жить, на людей служить,
На людей людямъ приновавливать.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянской сынъ!
Бѣду нажили, какъ изжить будетъ?
Изживемъ бѣду за работушкой,
За немилой чужой, непокладною,
Вѣковѣчною, злою — страдною.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни крестьянской сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесетъ грозу,
Пронесетъ грозу, горе минется,
Поколь Богъ проститъ, царь сжалится.

(Засыпаетъ надъ люлькой).

ВОЕВОДА (во снѣ).

Сдавилъ всю грудь, проклятый! Душить, душить,
Вздохнуть не дастъ ни разу, зачураться!
Охъ смерть моя приходитъ! Чуръ меня!
Полегчило немного. Охъ тоскуетъ
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученныя пыткой, испытая,
Какъ саванъ бѣлый. И слезы, слезы
Сиротскія, напрасныя, какъ рѣки,
Бѣгутъ кругомъ, и стонъ стоитъ до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мукъ, и палачей гоните!

Вы видите, мы по колѣно бродимъ
 Въ чужой крови! Мы вымучили много
 Добра себѣ чужаго. Посмотрите,
 Еще несутъ и сыплютъ: все копѣйки
 И денежки серебряныя. Жгутся,
 Проклятыя; онѣ не деньги, угли
 Изъ кузницы, изъ горну. Вотъ съ мѣхами
 Подходятъ дьяволы и раздуваютъ,
 И пышетъ жаромъ, такъ и пышетъ жаромъ;
 Вся кровь горитъ, огонь бѣжитъ по жиламъ
 И сердце жжетъ (просыпается). О Господи помилуй!
 (Садится).

И сонъ тяжелъ и сонный бредъ замучилъ.
 Съ молитвой легъ. Не знаю, что за притча!
 И радъ не спать, да сонъ одолеваетъ,
 Сомкну глаза, такъ одолеютъ грезы...

СТАРУХА (въ просонкахъ).

Баю, баю, милъ внученочекъ!
 Ты спи, усни, крестьянской сынъ!
 Бѣлымъ тѣльцемъ лежишь въ люлечкѣ,
 Твоя душенька въ небесахъ летитъ.
 Твой тихой сонъ самъ Господь хранитъ,
 По бокамъ стоятъ свѣтлы ангелы.

ВОЕВОДА.

О Господи, и насъ помилуй, грѣшныхъ!
 (Ложится).

СТАРУХА.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
 Ты спи, усни, крестьянской сынъ!
 Съ тобой сидитъ бабка старая,
 До зари съ зари прибаюкиваетъ,
 Тихій сонъ очамъ наговариваетъ;
 Да качку — качалку покачиваетъ.

(Засыпаетъ).

ВОЕВОДА (во снѣ).

Къ суду зовутъ. Отъ судьевъ откупиться,
 Я знаю какъ. Не первый разъ. Не страшенъ
 Боярскій судъ, московской. Гдѣ я?

(Въ углу открывается часть кремлевскаго дворца, боярская площадь,
 постельное крыльцо. На площадкѣ думный дворянинъ, дьякъ, Несы-

овъ, Поджарый, разные дворцовые чины стоятъ на лѣстницѣ и на площадкѣ. Изъ дворца выходить большой бояринъ).

Какъ я

Попалъ въ Москву? Вотъ царскія палаты,

Постельное крыльцо; дворяне ходятъ

По лѣстницѣ, бояре на площадкѣ.

И я ходилъ проситься на кормленье,

Поклонялся не мало, съ годъ толкался,

Ступени теръ, безъ шапки. Что за люди?

Все новые. А вотъ и Бастрюкова

Я вижу тамъ. Пойти и мнѣ съ поклономъ.

Никакъ не встать, какъ скованный, и ноги,

Какъ вкопаны. А вотъ большой бояринъ.

(На крыльцѣ).

большой бояринъ.

Несутъ молву, что якобы Шалыгинъ

Задуровалъ на воеводствѣ. Правда ль?

Аль можетъ, врутъ?

думный дворянинъ.

Посадскимъ утѣсненье

Великое, убытки и налоги

Напрасные чинить.

ВОЕВОДА (на постелѣ).

Не вѣрь, бояринъ!

думный дворянинъ.

Продажей и убойствомъ изобидѣлъ.

большой бояринъ.

А челобитья есть?

дьякъ.

Безъ челобитья

На городахъ живутъ ли воеводы!

Другой путемъ устѣться не успѣтъ,

Глядишь — ужъ шлютъ. Давно сидитъ Шалыгинъ,

Такъ какъ не быть! Нельзя безъ челобитьевъ.

Святой и тотъ на всѣхъ не угодить.

большой бояринъ.

За воеводъ дьяки всегда заступа,

Горой стоятъ. Какъ надо, христіане:

Не платятъ зломъ за добрыя поминки;

И правды не узнать отъ нихъ. Собака
Собаку знаетъ, не укусить.

думный дворянинъ.

Много

Обижено Шалыгинымъ напрасно.
На дняхъ въ приказъ прислали челобитье,
Коль правда все, не ждать ему пощады.

большой бояринъ.

А челобитчикъ кто?

думный дворянинъ.

Да всѣмъ посадомъ

Отъ старосты, во всѣхъ посадскихъ мѣсто.

большой бояринъ.

И старостамъ нельзя во всемъ повѣрить.

Поссорятся, сейчасъ и челобитье;

А помирятся, такъ его же просятъ

На воеводство. Ихъ не разберешь.

А недоборы?

думный дворянинъ.

Есть и недоборы.

Здѣсь Бастрюковъ Семень, въ Москву пріѣхалъ

Изъ города. Спроси его, онъ знаетъ

Про всѣ дѣла.

большой бояринъ.

Ну, кликни Бастрюкова.

(Думный дворянинъ подводитъ Бастрюкова; тотъ кланяется).

Не скажешь ли чего про воеводу,

Шалыгина?

БАСТРЮКОВЪ.

Да что сказать, бояринъ!

Коль правду говорить, житья не стало

Ни меньшимъ, ни большимъ. Посадскихъ мучить,

А женъ себѣ беретъ.

ВОЕВОДА (на постелѣ).

Не вѣрь, бояринъ!

Поклепомъ злымъ обносить, мстя, по злобѣ.

Онъ самъ воровъ таить и укрываетъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Съ подъячими стакнувшись, научаетъ

Воровъ въ тюрьмѣ поклепомъ и молвою
Язычною посадскихъ обносить,
Своей корысти ради ненасытной.
Въ тюрьмѣ блюдетъ себѣ для волховства
Волхва. Дѣла позапустилъ. Посадскихъ
Поразогналъ, дворишки запустѣли,
Отъ тѣсноты и нестерпя мученья —
Всѣ врозь бѣгутъ.

ВОЕВОДА (на постелѣ).

Онъ ворогъ мой! пустите,
Я задую его! Пустите руки!
Кто держитъ ихъ! Зачѣмъ меня связали?
Его связать!

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ.

Кого бѣ послать для сыску!

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

Охотники найдутся. Да ужь разомъ
Сыскать велѣтъ и сѣсть на воеводство.
Вотъ двое тутъ: Несытовъ да Поджарый.

(НЕСЫТОВЪ и ПОДЖАРЫЙ подходятъ и кланяются).

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ.

Вотъ и нашлись.

НЕСЫТОВЪ и ПОДЖАРЫЙ (вмѣстѣ).

Пустите покормиться!

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ.

У насъ еще и кошка не умылась,
А гости къ намъ на дворъ.

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

Давно ужь просятъ.

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ.

Гдѣ медь, такъ мухъ нальнетъ. Болото было бѣ,
А черти будутъ.

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

Отпустить Левонтья

Поджарова. Онъ прохарчился больно
И отоцалъ, какъ жердь. А Бастрюкова
Пушай опять въ губные выбираютъ.

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ.

Пиши наказъ, да пусть и ѣдутъ съ Богомъ,
Я доложу на-завтра государю.

(Видѣніе исчезаетъ).

ВОЕВОДА (просыпается).

И страшенъ сонъ, да милостивъ Господь.
Не даромъ шлю изъ года въ годъ поминки
Пріятелю дьяку и доброхотамъ.
Ужли жъ они меня не пожалѣютъ,
Грѣха не побоятся? Грѣхъ великій
Поминки брать за даромъ. Что поминки!
Все прахъ и тлѣнъ. Душа своя дороже.
Оброкъ плачу, такъ можно спать спокойно,
Не выдадутъ. Не всякій сонъ да въ руку.
Сосну еще и въ городъ. Да приняться
За Бастрюковыхъ. Насолили оба.
Отецъ мутитъ, а сынъ воруетъ дѣвокъ.
Недогляди немного, и увезъ бы
Жемчужину такую, что и въ царскихъ
Несыщется палатахъ. Да ему ли,
Безпутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты дѣвичьей
Не разберетъ онъ, бражникъ; та-ль, другая-ль —
Ему одно. Ужъ онъ, гляди, за пьянствомъ
И позабылъ о ней. А если помнитъ?
А если вретъ Мизгирь, и ворожбаю
Онъ обманулъ меня, чтобъ только выжить
Изъ города, чтобъ не былъ я помѣхой
Ихъ плутовству! Людишки всѣ продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и воръ. Зачѣмъ заѣхалъ
Я въ эту глушь? На самыхъ добрыхъ коняхъ
Весь день скакать, до ночи не доскачешь.
А тамъ, гляди, гульба, потѣха, пьянство
Во всемъ дворѣ. А въ терему у Марьи
Чужой сидитъ хозяиномъ, цалуется,
Глядитъ ей въ очи, къ сердцу жметъ ее,
Какъ у себя, какъ дома. Либо вовсе
Сманилъ ее и былъ таковъ. Не мало
Свѣтлицъ и повалушъ у Бастрюкова,

Зачѣмъ ему въ чужія красться воровъ,
Изъ подъ тишка, съ оглядкой миловаться,
Чтобъ люди не видали. То ли дѣло,
Привезъ домой, она не поперечить,
Гуляй душа, никто не помѣшаетъ.
О, дьяволы! Грызи зубами руки,
Да плачь теперь, свою башку сѣдую
Разбей объ печку. Дуракомъ родился
И дуракомъ умрешь. Вотъ близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому повѣрилъ?
Кого оставилъ домъ стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну, да позвенѣтъ ей къ рылу,
Себя продастъ, не только что чужую.
А слуги! тѣ на зло, не изъ корысти,
Готовы домъ поджечь со всѣхъ угловъ.

(Молчаніе).

Скачи, Нечай, скачи, пріѣдешь въ пору.
Тамъ пиръ идетъ, весь міръ гуляетъ, пляшутъ,
Здоровье пьютъ, Нечая поминаютъ:
«Берегъ Нечай, да людямъ. У Нечая
И по губамъ текло, да не попало»
Да скороль утро! Ъхать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи, какъ листъ осиновый, Іудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдунъ какой! Поворожить бы.

(Подходить къ старухѣ).

Ты ворожишь, старуха?

СТАРУХА.

Намъ, бояринъ,
И ворожить—то не о чемъ. Мы Бога
И такъ прогнѣвали. А вамъ, бояринъ,
Безъ ворожбы спола—горя живется.
Ты отойди, здѣсь ангельское мѣсто.

Баю, баю, милъ внученочекъ!

Ты спи, усни, крестьянской сынъ!

ВОЕВОДА (садится на постель).

Вы, черти полуночные, собирайтесь —
Иль рвите врозь меня, иль помогите!

А сонъ опять морить. Прилягу малость.
Забрезжетъ свѣтъ, на коней и въ дорогу.

(Засыпаетъ).

СТАРУХА.

Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ,
Да качку — качалку покачиваетъ.

(Засыпаетъ).

(Часть сѣней въ домѣ Бастрюковыхъ. Бастрюковъ Степанъ, съ чарой меду, Дубровинъ, Рѣзвой, Заря, Кубасъ, Шишига и слуги одѣты гребцами).

ВОЕВОДА.

Да вотъ они. Романъ Дубровинъ, Степка,
Вы оба тутъ. Ну, васъ-то мнѣ и надо.
Попался, братъ, Степанъ. Иди къ отвѣту!
Не я сужу, законъ, не обижайся,
Что не по шерсти гладятъ. Ты умѣешь
Воровъ скрывать, умѣй отвѣтъ держать.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Повеселѣй бы чтонибудь робята!

РѢЗВЫЙ.

Да вотъ игра; садись, робята, на полъ!
Да запоемъ «По матушкѣ, по Волгѣ»!

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Любимая моя игра. Хмѣльному
Простору нѣтъ въ избѣ, гулять охота,
Вотъ сядемъ всѣ, да и поѣдемъ. Любо!
Я—атаманъ, Дубровинъ—ясауломъ.
Я на корму, онъ на носъ (Рѣзвому), ты съ братиной
Въ середку сядь и подчуй всѣхъ: направо,
Налѣво, мнѣ, Дубровину, себѣ...

(Садятся).

Поѣхали!

ВОЕВОДА.

Далеко не уѣдешь!

ГРЕБЦЫ (поютъ).

Разъ первой! Разъ другой! Ухнемъ да ухнемъ!

ВОЕВОДА.

Ты на полъ сѣлъ и думаешь, что въ лодку!

Дуракъ, дуракъ! Вяжите ихъ покрѣпче!
Накрыли васъ дружковъ. Да гдѣ же люди?
Въ желѣза всѣхъ! И не проси пощады!
Я золъ, какъ звѣрь, какъ волкъ запольный! Живо
Въ застѣнокъ ихъ, пытатъ поочередно.

ГРЕБЦЫ.

Разъ первой! Разъ другой! Еще маленькій разокъ!

(Сѣни исчезаютъ. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, всѣ
пріободряются, надѣваютъ шапки, берутъ весла. Бастрюковъ и Дубро-
винъ встаютъ на ноги).

ВОЕВОДА.

Уѣхали! держите ихъ, держите!

БАСТРЮКОВЪ.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до Синя-моря
Крутымъ ярамъ, да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, намъ на погулянье!
Не даромъ слава про тебя ведется,
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй: по матушкѣ по Волгѣ!

ГРЕБЦЫ (поютъ).

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой,
Взбуживалася погода
Немалая, волновая.

БАСТРЮКОВЪ.

Ты ясаулъ, гляди, что впереди!
Что видишь?

ДУБРОВИНЪ.

Черни.

БАСТРЮКОВЪ.

Черни не помѣха,
Въ водѣ-то черти, въ берегу-то черви,
Въ лѣсахъ коренья, пеня да сучки,
По городамъ подъячіе крючки.
Хотятъ словить, да врутъ, мы погуляемъ,
По Волгѣ силу — удалъ попытаемъ.

ГРЕБЦЫ (поют).

Ничего въ волнахъ не видно,

Только видно одну лодку,

Легку лодочку косную,

Макарьевску, разъѣздную.

БАСТРЮКОВЪ.

Вѣрнѣй гляди, что впереди?

ДУБРОВИНЪ.

Колода.

БАСТРЮКОВЪ.

Что мнѣ колода! Самъ я воевода.

А ты гляди по Волгѣ, нѣтъ ли встрѣчныхъ

И поперечныхъ?

ДУБРОВИНЪ.

Есть. Струги гребные.

БАСТРЮКОВЪ.

Какіе, съ чѣмъ?

ДУБРОВИНЪ.

Купецкіе съ товаромъ,

А царскіе съ казной.

БАСТРЮКОВЪ.

На нихъ казаки-воры,

А на купецкихъ-то бурлаки хворы.

Сарынь на кичку! Стой! Ненадо, мимо!

Мы не за тѣмъ.

ВОЕВОДА.

Зачѣмъ ты ѣдешь, знаю.

Воруй себѣ, да только не у насъ.

БАСТРЮКОВЪ.

Гляди вѣрнѣй! Что видишь?

ДУБРОВИНЪ.

Вижу теремъ

Росписанный.

БАСТРЮКОВЪ.

Пригряньте-ко, робята!

ГРЕБЦЫ.

Вы приваливай, робята

Ко крутому бережочку,

Да ко жолтому песочку,

Ко боярскому подворью.

(Показывается теремъ).

ВОЕВОДА.

Не мой теремъ, не мой. Къ чужому ѣдутъ,
Мой въ городѣ, на лодкѣ не подѣдешь;
Я дома самъ, чего же мнѣ бояться.
Ловите ихъ, держите! Воры, воры
Наѣхали. Да что-жъ вы спите, что ли?

ГРЕБЦЫ.

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

(Марья Власьевна сходитъ съ берега).

А Марьюшка выходила,
Гребцамъ меду выносила.
Не прогнѣвайся, хозяинъ,
Что наѣхали не званы.

ВОЕВОДА.

Зачѣмъ ты здѣсь? Домой, вернись домой!
Не дамъ уйти. Шалишь! Но доставайся
Ты никому. Гдѣ ножъ? А вотъ онъ, вотъ онъ!
Возьметъ ли, нѣтъ ли, только не живую.

ГРЕБЦЫ.

Вы берите красну дѣвку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
Къ атаману на колѣни.

(МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА садится на колѣни къ БАСТРЮКОВУ).

Видѣніе исчезаетъ.

ВОЕВОДА (во снѣ).

Въ глазахъ увезъ. Меня столкнули въ Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливаетъ
Меня всего, подъ шею подступаетъ.
Ко дну иду. Безъ покаянья страшно
Мнѣ умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать имѣнье нищимъ,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоять да смотреть. Любо,
Что я тону, какъ ключъ. Вотъ дно, вотъ камни
Зеленые, зеленая трава,
Песокъ зеленый! Братцы, помогите!

(Входятъ: Неустройко и двое слугъ. Въ окнѣ утренній свѣтъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

СТАРУХА, ВОЕВОДА, НЕУСТРОЙКО и двое слугъ.

НЕУСТРОЙКО.

Будить, аль нѣтъ?

СЛУГА.

Нетрожь, пусть самъ проснется.

ВОЕВОДА (во снѣ).

Тону! Спасите! Господи помилуй

Раба Нечая! Умираю! (просыпается). Гдѣ я?

(Встаетъ).

НЕУСТРОЙКО.

Господь съ тобой! Мы здѣсь, въ избѣ.

(Беретъ сулейку, складень и оружіе воеводы. Слуги собираютъ постель).

ВОЕВОДА.

Проворнѣй!

Коней, коней!

НЕУСТРОЙКО.

Осѣдланы, бояринъ.

ВОЕВОДА.

Домой живѣй, чтобъ къ ночи быть.

(Одѣвается).

НЕУСТРОЙКО.

Поспѣемъ.

(Уходятъ. ГАВРИЛО слѣзаетъ съ печи, умывается и выходитъ за дверь помолиться. КЛИМЪ слѣзаетъ, умывается. ГАВРИЛО возвращается.

КЛИМЪ уходитъ).

ГАВРИЛО.

Слава тебѣ Господи, до бѣла свѣта проспала.

КЛИМЪ (возвращается).

Разсвѣло бѣло, хоть хлѣбъ ѣшь.

СТАРУХА.

Рушай да кушай на здоровье.

ГАВРИЛО (беретъ хлѣбъ на столъ и рѣжетъ).

Господи благослови!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВОЕВОДА.
 БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ.
 БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.
 ОБЛѢЗЛОВЪ.
 ПОДЖАРЫЙ, новый воевода.
 ДУБРОВИНЪ.
 ШУТЬ.
 МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
 УЛЪЯНА.
 ОЛЕНА.
 СТОРОЖЪ.
 НЕУСТРОЙКО.
 ЗЕМСКІЙ СТАРОСТА.
 СМІРНОЙ.
 ДРУЖИНА.
 ВЛАСЬ.
 НЕСМѢЯНОВЪ.
 ПОСАДСКІЕ.
 РѢЗВЫЙ.
 СЛУГИ БАСТРЮКОВА.
 СЛУГИ ВОЕВОДЫ.
 СТРѢЛЦЫ.
 НАРОДЪ.

Садъ; направо на подклѣти горница, прямо противъ зрителей теремъ, тоже на подклѣти, съ открытымъ переходомъ вокругъ; съ переходу дверь въ сѣни, соединяющія теремъ съ горницей; подъ сѣнями проѣздъ. Изъ сѣней, лѣстница въ нѣсколько колѣнъ съ площадками на столбахъ, во всю длину лѣстницы крыша на точеныхъ столбикахъ. За теремомъ, въ глубинѣ, надворныя строенія, назѣво заборъ и заднія ворота.

ЯВЛЕНІЕ I.

СТОРОЖЪ съ дубиной и ДУБРОВИНЪ входятъ.

СТОРОЖЪ.

Спасибо, братъ! Уподчивалъ на славу,
 Такихъ и надо намъ. Вся дворня лоскомъ
 Теперь лежитъ.

ДУБРОВИНЪ.

А мы съ тобой не пьяны, —

И молодцы-робята.

(Садятся на скамьяхъ).

СТОРОЖЪ.

Ты, выходить,

На службу къ намъ задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

ДУБРОВИНЪ.

Нешто!

Своимъ домкомъ не жить, достатковъ нѣту.
Неволя, братъ, куда не занесетъ,
Я сирота.

СТОРОЖЪ.

За много-ль?

ДУБРОВИНЪ.

Полчетвѣрта

Рубля прошу, а не дадутъ, такъ за три.
Возьму, пропью, а тамъ на вѣкъ кабальный.
Давай попьемъ.

(Достаеъ сулейку и жестяную чарку).

СТОРОЖЪ.

И то гораздо пьяны.

ДУБРОВИНЪ.

Ну вотъ бѣда! Проспишься, а на завтра
Опохмѣлю.

(Пьютъ).

СТОРОЖЪ.

Да спать-то не придется.

Терѣнька спитъ, какъ мертвый, не разбудишь
Ничѣмъ его. Одинъ я насторожѣ.

ДУБРОВИНЪ.

Да что стеречь въ пустомъ саду? Диви-бы,
Поспѣло что! Вотъ яблоки поспѣютъ,
Тогда бѣда.

СТОРОЖЪ.

Да нешто мы какъ люди!

Велятъ тебѣ беречь пустое мѣсто —
И береги. А что украсть-то, парень!
Кабъ было что, свои-бъ давно украли.
Ну право такъ!

ДУБРОВИНЪ.

Давай свою дубину!

Ты лягъ усни, а я стучать примусь,
Послушаютъ и скажутъ, что исправны.
Да что не пьешь! Допей, остатки сладки.

СТОРОЖЪ.

Осилить ли? Тутъ много.

ДУБРОВИНЪ.

Поневолься.

Не каждый день вино у васъ.

СТОРОЖЪ.

Вѣстимо.

Вонъ люди въ праздникъ пьютъ, а мы не такъ:
У насъ когда вино, тогда и праздникъ.

(Допиваетъ).

ДУБРОВИНЪ.

А заднія ворота запираютъ
Замкомъ у васъ?

СТОРОЖЪ.

Замкомъ, а прикалитокъ
Гвоздемъ забить. Ну, парень, забираетъ
Меня дюжо. Пьянѣй вина я, парень.

ДУБРОВИНЪ.

Размокъ языкъ, такъ спи.

(Толкаетъ, тотъ падаетъ и хочетъ подняться).

Небось не встанешь!

Другой медвѣдь того не выпьетъ, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожа!

(Замахивается дубиной).

Ну! смерти,

Аль живота?

СТОРОЖЪ (въ полуснѣ).

Робятушки, онъ воръ!

Робятушки!

ДУБРОВИНЪ.

Не много набормочешь.

(Сторожъ засыпаетъ. Дубровинъ идетъ къ воротамъ и отмыкаетъ
калитку).

Ты Рѣзвой здѣсь?

(Рѣзвой входитъ въ калитку).

РЪЗВЫЙ.

Мы тутъ съ Кубасомъ бродимъ,
У лошадей Шишига.

ДУБРОВИНЪ.

А бояринъ?

РЪЗВЫЙ.

Не далеко гуляетъ.

ДУБРОВИНЪ.

Ну, смотри же,

Не выдавай! Мы ихъ вдвоемъ осилимъ;
А тѣ пусть ждутъ у коней. Да потише,
Не полошить народъ! За васъ заступа,
Вамъ нечего бояться: Бастрюковы
Не выдадутъ своихъ покорныхъ слугъ;
А мнѣ попасть, такъ съ головою проститься.

РЪЗВЫЙ.

Да тутъ все глушь, все задворки выходятъ.
Собаки нѣтъ живой; съ лица такъ людно.
Въ лопушникѣ присядемъ, кто увидить!
Такъ я пойду?

ДУБРОВИНЪ.

Иди! (Ръзвый уходитъ) Занымо сердце

Ретивое, душа захолонула.

Оленушка! два года не видались,
Вотъ Богъ привелъ, да каково-то встрѣтитъ
Она меня? Я чай совсѣмъ забыла
И бросила Романа своего.

А какъ мы съ ней любовно поживали,
Весь день съ утра и до ночи все смѣхи,
Да радости у насъ, налюбоваться
Не можемъ другъ на друга въ сласть да въ сытость,
И таково намъ весело: и люди
Дивуются и говорятъ, бывало:
«Такой-то смѣхъ веселый у Олены,
«Что слушаешь и самъ смѣешься съ ней.»
Уйдешь съ двора поутру, въ лавку сядешь,
А все съ ума нейдетъ Оленинъ голосъ,
А все съ ухахъ веселый смѣхъ звенить.
А тутъ сама бѣжитъ ко мнѣ, подсядетъ,
Прижмется вся, полой ее закрою

По самую по шею, только щеки
 Алѣются, да черные соколы
 Глаза глядятъ изъ подъ бровей собольихъ,
 Огнемъ горятъ, какъ звѣзды, искры сыплютъ.
 Идутъ купцы, идутъ бояре, смотрятъ,
 Двуются на насъ, глядѣтъ имъ любо,
 Какъ ладно съ ней сидимъ мы и торгуемъ.
 Куда теперь? Куда съ тобой я дѣнусь?
 Неужто мнѣ угла на бѣломъ свѣтѣ
 Не сыщется? Ужли опять по волчьи
 Въ лѣсу бродить! Повыточу вострѣе
 Булатный ножъ, да первую ее
 Изъ рукъ своихъ зарѣжу, чтобъ не знала,
 Не вѣдала ни нашей вольной воли,
 Ни нашей злой и неминучей доли.
 Ужли же мнѣ ее, мою голубку,
 Къ нечистымъ псамъ вести? За что жъ ей вѣку,
 Не доживя, кипѣтъ въ аду кромѣшномъ,
 Грабежъ, дѣлежъ, питье, литье хмѣльное,
 Да хриплый крикъ, да пьяный вопль, да драку;
 Зубъ за зубъ брань, ножевые тычки,
 Божбу, клятье, святыни обруганье,—
 Съ чего у насъ-то, окаянныхъ, волосъ
 Вздываетъ дыбомъ, леденѣтъ кровь, —
 Ей заживо увидѣтъ и услышать!
 Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
 Всему пора да время. Сколько вору
 Ни воровать, кнута не миновать.
 Обрушить чортъ, наткнешься на разъѣзды:
 Убьютъ тебя, такъ счастье, а какъ свяжутъ,
 Перекуютъ попарно, да къ распросу
 Потянутъ всѣхъ, и ей идти съ ворами,
 Терпѣтъ безвинно воровскую кару...

(Олена идетъ изъ терема, за ней шутъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

ДУБРОВИНЪ, ОЛЕНА и ШУТЪ (въ кустахъ).

ДУБРОВИНЪ.

Идутъ.

ОЛЕНА.

Романъ!

(Отвернувшись плачетъ).

ДУБРОВИНЪ.

Съ чего же ты, Олена,
Заплакала? Отъ радости иль съ горя?

ОЛЕНА.

Да Господи! Да какъ же! Не во снѣ ли?
Взгляни сюда! Романъ и есть! Голубчикъ!

(Припадаетъ къ нему на грудь).

Ну гдѣ жъ ты былъ?

ДУБРОВИНЪ.

Въ лѣсахъ бродилъ.

ОЛЕНА.

Да какъ же

Безъ крова-то? Весна да осень—дождь,
Зима-то — снѣгъ; въ лѣсу-то звѣрь рыскачій.
На чемъ прилечь въ ночи, а въ непогоду
Обсохнутъ гдѣ?

ДУБРОВИНЪ.

Да видишь, цѣль вернулся,
Такъ чтожъ тебѣ? Что было, то прошло.

ОЛЕНА.

Кто мылъ, кто шилъ тебѣ? Чужія руки
Такія ли, какъ женщины? Кажи-ко
Сорочку-то! (плачетъ) Суровая какая.
Такія ли я шила! Ишь-ты, воротъ
Не вышитый. А я, бывало, шелкомъ
И рукава, и воротъ изощью.
Какой кафтанъ-то смурый! На бурлакахъ
Такіе-то.

(Плачетъ).

ДУБРОВИНЪ.

А ты молись-ко Богу,
Что самъ-то цѣль!

ОЛЕНА.

Романушко, по божьи,
Скажи ты мнѣ всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывалъ, такъ сиротой и жилъ?
Ни дѣвушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

ДУБРОВИНЪ.

Всю правду говорить?

ОЛЕНА.

Ну, говори!

ДУБРОВИНЪ.

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мнѣ, — присядешь, горько всплакнешь,
Придетъ ко мнѣ, бывало, пожалѣетъ,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный пестъ, лохматая собака,
Кобель борзой. Въ глаза ко мнѣ глядитъ
И плачетъ самъ, какъ будто онъ прочуялъ,
Что на умѣ моемъ.

ОЛЕНА (бросается къ нему на шею).

Романъ, сердечный!

(Плачетъ).

Такъ прогони жь свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлить; въ глаза глядѣть, и плакать,
И ластиться.

ДУБРОВИНЪ (утирая слезу).

Ужъ безъ тебя не выду

Отсюда я. Не для того насъ доля
Свела опять, чтобъ снова разставаться.

ОЛЕНА.

Не надоѣмъ тебѣ, не надокучу.

Прикажешь мнѣ — я подойду, погоню —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

ДУБРОВИНЪ.

А у тебя и не спрошу, Олена,

Какъ ты жила, чтобъ сердца ретиваго
 Не натрудить. И такъ ужъ все изныло.
 Я знаю, ты меня не промѣняешь
 Ни на кого охотой, про насильство
 Не сказывай! Себя не пожалѣю,
 Да и тебя. Таковъ ужъ мой обычай;
 Какъ словно что внутри-то захохочетъ,
 Въ глазахъ туманъ кровавый да ножи
 Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

ОЛЕНА.

Романушко, не думай! Воевода
 И плакаль-то, и пыткой-то страдалъ,
 Я напрямикъ ему сказала: руки,
 Молъ, наложу, отстанъ. Три дня не ѣла,
 Голодной смертью помереть хотѣла,
 И унялся. На черную работу
 Послалъ меня; а я тому и рада.
 Боярышню привелъ, такъ взяли въ теремъ,
 По праву ей пришлась.

ДУБРОВИНЪ.

Веди скорѣе

Боярышню. Мы заднія ворота
 Отворимъ вамъ.

ОЛЕНА.

Ступай же, дожидайся,
 За ворота. Мы крикнемъ, ты отворишь.
 А здѣсь не стой! Съ боярышней Ульяна,
 Сердитая такая: какъ увидитъ
 Тебя въ саду, весь домъ подниметъ крикомъ.
 Прощай пока.

ДУБРОВИНЪ.

Ну, съ Богомъ.

ОЛЕНА.

Дожидайтесь.

(Уходятъ: ДУБРОВИНЪ за ворота, а ОЛЕНА въ теремъ).

шутъ.

Ну, дядюшка, простись съ своей невестой!
 Женили насъ съ тобой! Ты гдѣ гуляешь,
 Своей бѣды не знаешь? Что жъ мнѣ дѣлать?

Будить народъ начать? А ну, услышитъ
Оленинъ мужъ, да выдадутъ людишки
Меня ему? Начнетъ меня онъ рѣзать,
Поротъ ножомъ на части по суставамъ.
Ой, батюшки, не буду! Вотъ что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цѣль.

(ВОЕВОДА входитъ и осматриваетъ теремъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ШУТЬ и ВОЕВОДА.

ШУТЬ.

Эй дядя, дядя, тише!

ВОЕВОДА.

Безсудный, ты?

ШУТЬ.

Я, дяденька. Потише,

Не разбуди! Ты видишь, всѣ заснули. (Показывая на сторожа).
Ты какъ прошелъ?

ВОЕВОДА.

Въ ворота.

ШУТЬ.

Кто же отперъ?

ВОЕВОДА.

Два сторожа сидятъ.

ШУТЬ.

Исправно. Двери

Однѣ запремъ, другія настежь. Слушай:

Всѣ сторожа пьянехоньки, Дубровинъ

И Бастрюковъ на задворкахъ гуляютъ,

Сейчасъ придетъ боярышня, ворота,

Вотъ видишь тѣ, незаперты. Промедли

Ты часъ еще, и поминай какъ звали.

Ты здѣсь одинъ?

ВОЕВОДА.

На улицѣ оставилъ

Людей, стрѣльцовъ и съ ними Неустройко,

А самъ одинъ дворомъ прошелъ тихонько
И сказывать не приказалъ.

шутъ.

Пошли-ко

Въ обходъ стрѣльцовъ на задворки. Безъ шуму
Пускай идутъ, и посмотри, что будетъ.

воевода.

Ступай, води стрѣльцовъ, я здѣсь останусь.

шутъ.

А по тебя два раза присымали:
Наѣхали съ Москвы, въ избѣ приказной
Сидятъ да ждутъ, какіе-то бояре.

воевода.

Убить тебя съ боярами-то вмѣстѣ!
Пошлютъ — иди! А разговоры послѣ.

(Шутъ уходитъ).

Не даромъ сонъ, и хорошо, что въ пору
Пріѣхалъ я! Теперь мои злодѣи
Въ моихъ рукахъ, поймаю ихъ съ поличнымъ.

(Выходятъ изъ терема: УЛьяНА, МАРья ВЛАСЬЕВНА, ОЛЕНА; ВОЕВОДА прячется).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВОЕВОДА въ кустахъ, УЛьяНА, МАРья ВЛАСЬЕВНА, ОЛЕНА, потомъ ДУБРОВИНЪ и люди.

УЛьяНА.

Пришла жъ тебѣ охота! Не слыхала,
Какъ соловей поетъ. Велико диво!
У васъ въ саду чай много.

ОЛЕНА.

Все же люблю

Послушать ихъ весенней-то порой.

УЛьяНА.

А лучше бѣ спать!

ОЛЕНА.

Мы выспаться успѣемъ.

Мы круглый годъ все спимъ. Ночей-то много,

А соловьи поють до Петрова дня,
Перестаютъ потомъ.

УЛЯНА.

И вамъ не страшно
Ночной порой въ саду?

ОЛЕНА.

Чего жъ бояться?

Вотъ говорятъ, что будто бука ходитъ,
Да врутъ, поди.

УЛЯНА.

Ты уморишь со страху!

Не говори ужъ лучше!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Бука! бука!

(УЛЯНА бѣжитъ къ терему, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА и ОЛЕНА въ
ворота).

ВОЕВОДА.

Держите ихъ!

УЛЯНА.

Бояринъ!

ВОЕВОДА.

Стой, ни съ мѣста!

(Вбѣгаетъ МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА. ВОЕВОДА беретъ ее за руку).

Красавица, куда бѣжишь! Постой,
Не торопись! Держи ее, Уляна!

(Уляна беретъ ее за другую руку).

За что же ты хлѣбъ-соль мою и ласку
Совсѣмъ забыть хотѣла? И спасибо
Мнѣ за любовь-заботу не сказала,
Задумала покинуть, людямъ на смѣхъ
И головѣ сѣдой на поруганье,
Мой новъ теремъ. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня женѣ прощенья нѣтъ
За грѣхъ ея. И малъ ли онъ, великъ ли,
А ей не жить. Прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ!
Ты не жена, такъ все равно невѣста.
Я не хочу, чтобъ мнѣ въ глаза смѣялись.
Мнѣ жаль тебя: такая молодая,

А умирать придется. Ты хотѣла
Повеселѣй пожить. Смѣяться любишь (ласкался)!
И у меня ты вдоволь насмѣешься,
И умирать тебѣ веселой смертью,
Красавица моя!

НЕУСТРОЙКО (за сценой).

Онъ здѣсь. Держите!

Связать его!

ДУБРОВИНЪ (за сценой).

Живой не дамъ въ руки.

(Вбѣгаетъ).

Такъ вотъ гдѣ ты, мой врагъ, разоритель!
Не ты ль меня пустилъ по волчьимъ рыскамъ?
Гнѣздо мое расхитилъ? Ужъ не ты ли
И выучилъ меня ножи точить,
Въ оврагахъ жить, по Волгѣ грабить, рѣзать
Живыхъ людей? Ты вспомни-ко, не ты ли?

(Люди, НЕУСТРОЙКО и ШУТЪ входятъ; на шумъ выбѣгаютъ изъ терема
НЕДВИГА, сѣняыя дѣвушки и женщины и останавливаются на крыльцѣ).

Кажись, что ты! Такъ самъ теперь отвѣдай,

(Вынимаетъ ножъ).

Востеръ ли ножъ, чиста ль моя работа.

(Люди схватываютъ его сзади).

ВОЕВОДА (съ хохотомъ).

Я выучилъ тебя, да видно плохо,
Не доучилъ, начать придется снова!
Сковать его! А люди Бастрякова?

НЕУСТРОЙКО.

Побрали всѣхъ.

ШУТЪ.

И всѣхъ перевязали

Однимъ концомъ. Какъ жемчугъ нанизали
На ниточку.

(Вводятъ связанныхъ: ОЛЕНУ, РѢЗВАГО, КУБАСА и ПИШИГУ).

ВОЕВОДА.

А Бастряковъ Степанъ?

НЕУСТРОЙКО.

Онъ на конь сѣлъ, да въ городъ.

ВОЕВОДА.

Ну и съ Богомъ!

Держите ихъ. Пойдемъ-ко въ теремъ, Марья,
Поговоримъ съ тобой. Веди, Ульяна.

ОЛЕНА (Дубровицу).

Убей меня!

ДУБРОВИНЪ.

И радъ бы я, да связанъ.

(УЛЪЯНА, ВОЕВОДА, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА уходятъ въ теремъ).

НЕДВИГА.

Ахъ, батюшки! Ой, смерть моя приходитъ!

Убьетъ ее, до смерти защекочетъ.

Защекоталъ двухъ женъ, разбойникъ! Хочетъ

Дитя мое родное загубить,

Красавицу, забавницу. На то ли

Лелѣяли, растили, воскормили

Мы яблоко наливчато свое!

Бѣда моей головушкѣ! Пустите!

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (съ хохотомъ выбѣгаетъ изъ
терема. Воевода за ней).

Охъ, смерть моя!

ВОЕВОДА.

Не убѣжишь, поймаю.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Не стало силъ моихъ, не служатъ ноги. (Бѣгаетъ по переходамъ).

ВОЕВОДА.

Побѣгаешь, устанешь.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Охъ, спасите! (Ломая руки).

Куда бѣйти!

ВОЕВОДА.

Ужъ сколько ты ни бѣгай,

А рукъ моихъ тебѣ не миновать.

(Марья Власьева бѣгаетъ въ сѣни, воевода за ней. Входятъ: Поджарый, Бастрюковъ Семень, Бастрюковъ Степанъ, Облѣзовъ, посадскіе и народъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ВОЕВОДА, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА, НЕДВИГА, ОЛЕНА, ДУБРОВИНЪ.
НЕУСТРОЙКО, ПОДЖАРЫЙ, БАСТРЮКОВЪ СЕМЕНЪ и БАСТРЮ-
КОВЪ СТЕПАНЪ, ОБЛЪЗЛОВЪ, посадскіе, стрѣльцы, слуги и народъ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА (на лѣстницѣ).

Куда бѣжать — не знаю! Няньки, мамки
И дѣвушки сѣнныя, схороните!

НЕДВИГА.

Бѣги ко мнѣ!

ВОЕВОДА.

Старуху подержите!

(Марья Власьевна сходитъ съ лѣстницы и бросается къ Степану Ба-
стрикову).

Что за люди?

СЕМЕНЪ БАСТРЮКОВЪ.

По царскому указу,

Тебѣ, Нечай Шалыгинъ, воеводство

Отказано. А про твои неправды,

Для сыску, къ намъ Левонъ Поджарый присланъ,

И быть ему у насъ на воеводствѣ.

ВОЕВОДА.

А есть приказъ мою невѣсту силой

Изъ дому взять?

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Ты самъ ее насильно

Увезъ къ себѣ. Она моя невѣста.

ПОДЖАРЫЙ.

Въ наказѣ нѣтъ объ дѣвкѣ. Опечатать

Добро твое приказано до сыску,

За тѣмъ къ тебѣ съ посадскими людьми

Пришли теперь. А чья она невѣста —

Мнѣ какъ узнать? Отца и мать мы спросимъ.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Спроси у ней.

ПОДЖАРЫЙ.

Да нѣшто дѣвка знаетъ,

Кто ей женихъ? Ея ли это дѣло?

Къ кому пойдешь?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Къ Степану Бастрюкову.

ПОДЖАРЫЙ.

А все отца и мать спросить.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Мы спросимъ

Опослѣ ихъ; а я возьму покуда

Къ себѣ ее. Пойдешь?

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Пойду.

СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ.

Вотъ видишь,

Сама идетъ, такъ разговоръ коротокъ.

Вели пустить людей моихъ на волю,

Меня суди, они не виноваты.

Они рабы, по моему приказу

За ней пришли, а ихъ перевязали.

Въ отвѣтъ я, коль въ чемъ и провинились.

ПОДЖАРЫЙ.

Пустите ихъ!

ВОЕВОДА.

А вѣдомаго вора,

Дубровина Ромашку, тожепустишь?

Ножомъ меня хотѣлъ зарѣзать. Ночью

Ворвался въ домъ.

ПОДЖАРЫЙ (Дубровину).

Ты пошто къ воеводѣ

Съ ножомъ пришелъ?

ДУБРОВИНЪ.

Жену мою Олену

Два года онъ въ своихъ хоромахъ держитъ,

Насильствомъ взявъ, тюрьмой стращаль и пыткой.

ВОЕВОДА.

А ты гдѣ былъ? Въ бѣгахъ!

ДУБРОВИНЪ.

Все отъ тебя же.

Пыталъ меня и жегъ, корысти ради.

Вымучивалъ послѣднія копѣйки,

Меня въ тюрьмѣ томилъ, чтобъ безъ помѣхи

Жену отнять.

ПОДЖАРЫЙ.

Нечай Шалыгинъ, правду
Онъ говоритъ, аль нѣтъ?

ВОЕВОДА.

Ты воевода,

Такъ и суди.

ПОДЖАРЫЙ.

Изволь, судить я буду,
Да на меня ты послѣ не пеняй!
Посадскіе! Кого Дубровинъ грабилъ?

СТАРОСТА.

Не грабилъ насъ.

СМИРНОЙ.

Не знаемъ.

ПОДЖАРЫЙ.

А убойства?

СТАРОСТА.

Не вѣдаемъ, и слыхомъ не слыхали.

ПОДЖАРЫЙ.

А воровства съ поличнымъ?

ДРУЖИНА.

Не видали.

СМИРНОЙ.

На воровствѣ не пойманъ.

ПОДЖАРЫЙ.

Воевода

Въ тюрьмѣ держалъ его?

СТАРОСТА.

Держалъ напрасно.

СМИРНОЙ.

Пыталъ его безвинно.

ПОДЖАРЫЙ.

Воевода

Жену его насильствомъ бралъ въ хоромы?

ДРУЖИНА.

Да какъ не брать! Извѣстно, бралъ Олену.

Спроси у ней, она живая — скажетъ.

ПОДЖАРЫЙ (Дубровину).

Ты былъ въ бѣгахъ?

ДУБРОВИНЪ.

Я бѣгать—бѣгалъ точно,

Не буду лгать.

ПОДЖАРЫЙ.

Такъ слушай же, Дубровинъ!

Указано царемъ намъ, воеводамъ,
Васъ сыскивать и на посадъ сажать,
Устраивать строенъемъ, буде надо,
И отдавать за крѣпкія поруки,
Чтобъ вамъ, живя въ посадѣ, не сбѣжать,
И подати платить царевы вмѣстѣ
Съ посадскими, и быть во всякой службѣ
Съ посадскими жъ, въ иномъ чину не стать,
И ни за кѣмъ бы вамъ не заложиться.
А вѣтъ порукъ, и тѣхъ сажать въ посадки
И льготы имъ давать. Кто на поруки
Дубровина беретъ?

ПОСАДСКІЕ.

Мы, всеѣмъ посадомъ,

Беремъ его.

ПОДЖАРЫЙ.

Ну вотъ, Шалыгинъ, видишь,
Я разсудилъ. По нраву ли пришелся
Мой судъ тебѣ?

ВОЕВОДА.

Есть судъ и надъ тобою,
Въ Москвѣ найдемъ. А ты суди, какъ хочешь,
Пускай воровъ на волю.

ПОДЖАРЫЙ (слугамъ).

Развяжите

Дубровина. (Старостѣ) Подайте завтра записъ
Поручную по немъ. А за убытки,
Коль сыщутся, своимъ добромъ заплатитъ
Дубровину Шалыгинъ воевода.

ВОЕВОДА.

Да что же тыгвѣ чужомъ дому воюешь?
Вы съ чѣмъ пришли? Что за люди? Да можетъ,
Обманщикъ ты, не царскій воевода,
И надо гнать тебя съ двора по шеѣ!
Есть грамота у васъ?

ПОДЖАРЫЙ.

Читай, Облѣзловъ!

ОБЛѢЗЛОВЪ (вынимаетъ грамоту; всѣ снимаютъ шапки. Читаетъ).

Воеводѣ Нечаю Шалыгину! Въ прошломъ такомъ-то году, по нашему государеву указу, велѣно быть на нашей государевѣ службѣ, въ такомъ-то городу воеводою тебѣ, Нечаю Шалыгину; а въ нашемъ государевѣ наказѣ написано: «будучи тебѣ воеводою, намъ, великому государю, во всемъ искати прибыли, а посадскимъ и всякихъ чиновъ людямъ налоговъ никакихъ не чинити и напрасно ни къ кому не приметываться». И нынѣ намъ, великому государю, билъ челомъ земской староста Нежданко и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто, а сказали, что ты, Нечай Шалыгинъ, торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, по оговору и язычной молкѣ, безъ сыску и безъ распросу сажаешь въ тюрьму и пытаешь и отъ того емлешь тюремною тѣснотою и всякимъ мученіемъ, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей остаются въ домѣхъ жены, а они въ то время дома не бываютъ, и ты, Нечай, свѣдавъ ихъ пожитки, женъ ихъ емлешь въ застѣнокъ ночью и пытаешь и спрашиваешь денегъ и тѣми приметы и мученіемъ ихъ до конца разоряешь. А иныхъ женъ и отъ мужей берешь себѣ въ хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь къ себѣ на дворъ шлющихъ людей и тюремныхъ сидѣльцевъ, и съ ними на посадскихъ людей умышляешь всякія затѣйныя бѣды и тѣми самыми затѣйными налогами ихъ разоряешь. И нестерпя тѣсноты и мученья, многіе посадскіе люди, оставя свои дворы, бѣгутъ розно и нашего государева тягла не платятъ. А намъ, великому государю, и мимо того Нежданка челобитья; многія твои неправды и насильства вѣдомы учинились. И то ты дѣлаешь негораздо, своею дуростью и плутовствомъ. И нынѣ указали мы, великій государь, тѣ твои плутоности сыскивати и быть на мѣсто твое на нашей государевой службѣ воеводою дворянину Левонтью Поджарому. И буде про твое воровство до прями сыщется, и которые были на тебя челобитчики и то велѣли на тебѣ взять вдвое, да тебѣ же отъ насъ быти въ великой опалѣ. И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, а Левонтіи Поджарый пріѣдетъ, и ты бы отдалъ ему, Левонтью, въ сѣзжей избѣ нашу, великаго государя, городовую печать и городовые ключи и нарядъ, и въ нашей государевой казнѣ деньги и свинецъ и пушечные и хлѣбные запа-

сы и мягкую и всякую рухлядь и приходныя и расходныя деньгамъ и хлѣбу и всякому запасу книги и наши, великаго государя, всякія дѣла, и во всемъ тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя взочтено будетъ и то велѣно ему, Левонтью, на тебѣ взять сполна. Икакъ съ нимъ, Левонтьемъ, распишешься, ѣхать тебѣ къ намъ, великому государю, къ Москвѣ и пріѣхавъ явиться въ ко-стремскомъ приказѣ нашему боярину съ товарищи».

СЕМЕНЬ БАСТРЮКОВЪ.

Милъ Богъ съ тобой, свою бы я обиду
Тебѣ простилъ; а ты весь міръ обидѣлъ.
Ты знать забылъ, что съ міромъ не поспоришь,
Что міръ вздохнетъ, такъ до царя дойдетъ.

ПОСАДСКІЕ.

Отозвались тебѣ мірскія слезы!

ШУТЬ.

Эхъ, дяденька! меня-то на кого же
Покинешь-ты? Пропали мы съ тобой!
Я малыя, а ты большія шутки
Пошучивалъ, да вотъ и дошутились!

ПОДЖАРЫЙ.

Теперь узналъ ты насъ, и кто, и пошто,
Обманомъ ли, иль вправду мы пришли?
Веди насъ въ домъ описывать добро.

(Поджарый, Облѣзловъ, Бастрюковъ Семень и Воевода, уходятъ, входитъ Власъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(СТЕПАНЪ БАСТРЮКОВЪ, ДУБРОВИНЪ, МАРЬЯ ВЛАСЬЕВА, ОЛЕНА, ЗЕМСКОЙ СТАРОСТА, ПОСАДСКІЕ, СЛУГИ ВОЕВОДЫ и ВЛАСЬ).

ВЛАСЬ.

Гдѣ дочь моя?

(Марья Власьева прячется за Бастрюкова Степана).

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

Не бойся, не отнимуть.

Отдай—повыдай замужъ за меня.

ВЛАСЬ.

Да Богъ съ тобой! Коли пришлась по праву,
Бери себѣ, да только чтобы честно

Вѣнчаться съ ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезешь и такъ, а чинъ по чину
Пойдемъ ко мнѣ, да по рукамъ ударимъ.

БАСТРЮКОВЪ СТЕПАНЪ.

На все готовъ, пойдемъ! За мной, робята!
Ты приходи на свадьбу къ намъ, Дубровинъ.

ДУБРОВИНЪ.

Не промину.

МАРЯ ВЛАСЬЕВНА.

Приди и ты, Олена.

ДУБРОВИНЪ.

Съ женой придемъ.

(Бастрюковъ, Марья Власьева и слуги уходятъ).

НЕСМЪЯНОВЪ.

Ну какъ теперь, Дубровинъ?

Не убѣжишь отъ насъ?

ДУБРОВИНЪ.

А тамъ какъ Богъ дастъ.

Коли хорошъ, да смиренъ воевода,
Не потѣснить, — такъ съ вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидитъ —
Опять сбѣгу, вы такъ про то и знайте!
Пойдемъ домой, Олена!

ОЛЕНА.

Въ раззореный

Охота ли идти!

ДУБРОВИНЪ.

Небось. Поправимъ.

Найду чѣмъ жить. Не поклонюся людямъ.

(Уходятъ).

СТАРОСТА.

Посадскіе, готовьте-ко поминки
Да на поклонъ несите воеводѣ.
Почествовать его съ пріѣздомъ надо.

СТАРЫЕ ПОСАДСКІЕ.

Ну, старый плохъ, каковъ-то новый будетъ.

МОЛОДЫЕ ПОСАДСКІЕ.

Да надо быть, такой же, коль не хуже.

КОНЕЦЪ.

А. ОСТРОВСКИЙ.

НМР А КТ 00 8212/345

РК 191

АС 11864

ПК 20547012

